Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 11

2017

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Яшар БУНЬЯД. **Если птицы вернулись…** *Рассказ* 12
Валентин ДЖУМАЗАДЕ. *Рассказы* 33
Эрих ГАУЗЕР. *Рассказы* 77

ПОЭЗИЯ

Садагят КЕРИМОВА. *Стихи* 6
Давид ШЕМОКМЕДЕЛИ. *Стихи* 26
Экрам МЕЛИКОВ. *Стихи* 66
Эльхан ЗАЛ. **Полонез.** *Поэма* 121

ПУБЛИЦИСТИКА

Айтен РУСТАМЗАДЕ. **Идеи гуманизма в поэзии Кайсына Кулиева** 3
Иосиф ГРИШАШВИЛИ. **Ашуги** 18
Марат ШАФИЕВ. **(Не)Состоявшееся** 70
Алина ТАЛЫБОВА. **Вспоминая поэта** 76
Марат ШАФИЕВ. **«Благодарю тебя – я жил!»** 116
Вагиф САМЕДОГЛУ. **Слово другу** 132

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел публицистики – **Ровшэн КАФАРОВ**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-86-04

Сдано в печать 24.10.2017г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией не рассматриваются.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

АЙТЕН РУСТАМЗАДЕ

ИДЕИ ГУМАНИЗМА В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Незабываемый Кайсын Кулиев… Величайший поэт и яркая личность… Человек с большой буквы… Об этом человеке можно рассказать многое. Но лучше всего говорит о нём его поэзия.

Кайсын Кулиев не просто поэт. Он больше, чем поэт. Кайсын Кулиев поэт в философии и философ в поэзии. При жизни он поднялся на мировой уровень. Это редкое явление в истории культуры.

Его душа была чуткой ко всем народам. Одновременно он был глубоко патриотичным человеком, и это известно всем. Центральное место в поэзии Кайсына Кулиева занимают Человек, Природа и Идеи Гуманизма.

Слова Генриха Гейне о том, что все трещины земли проходят через сердце поэта, как нельзя более точно соотносятся с мироощущением Кайсына Кулиева. Он всегда чувствовал и разделял чужую боль.

Судьба к нему не всегда была благосклонна, не всегда баловала его, но он не озлобился. «На мир смотрите добрыми глазами…», – писал он, взывая к человеческой доброте, потому что верил: доброта свойственна людям, она им необходима больше всего. Несмотря на все сложности, тяготы земного бытия, он умел радоваться жизни, в которой многое удивляло и восхищало его: незатейливое пение птиц и шум говорливой горной реки, величавость скал, устремлённых ввысь, и беззащитность тоненькой былинки у дороги. Кайсын Кулиев любил людей, писал для людей, большие поэты всегда несут свою любовь людям, считал он.

Спеши мой стих, ручьём от ледников
В людское море радости и песен.

Мы открываем для себя через его изумительные по чистоте и яркости строки души близких ему людей, его добрую землю, входим в мир красоты и доверия. Кайсын Кулиев не просто был выдающимся поэтом. Он был символом дара, через который мать-природа раскрывала нам бесконечные богатства человеческой натуры, высоты личности, свет мудрости, которой не дано померкнуть, как не дано померкнуть поэзии Кайсына Кулиева, наполненной этим сиянием.

Рассказывая историю рождения книги «Раненый камень» (М., 1968), К.Кулиев подчёркивал, что реалии XX столетия были для него жестокими и грозными. Он, участник войны, видел, как горели камень, железо, сталь. «И всё же, – по признанию поэта, – самое прекрасное в жизни – такие драгоценные вещи, как человечность, мужество, стойкость, честь, оказались крепче камня и стали». Поэт, как и его лирический герой, навсегда уверовали в их неистребимость, пройдя через многие беды и злоключения. Под воздействием жизненных впечатлений, а также фольклорных традиций возникали в творчестве К.Кулиева художественные образы раненого камня, плачущей скалы, тоскливого взора орла, «седого гранита не сдавшихся высот», «кровли скал» и «горского очага». Образ «раненого камня» и непоколебимого утёса стали постоянными символами военной и послевоенной поэзии К.Кулиева.

Для поэта «раненый камень» стал образцом и символом человеческой стойкости и неистребимости жизни. В мировой поэзии никто до него не воспевал камень так, как Кайсын Кулиев. Многие литературоведы считают, что феномен художественных представлений Кайсына Кулиева о горах, камнях, скалах, родной земле связан с мифотворчеством балкарского народного опыта, его мифоцентризмом, в котором философский и лингвокультурный концепт «камень» занимает ведущее место.

В многогранном поэтическом мире Кайсына Кулиева нет ни одной сферы человеческого бытия, концептуальная сущность которого не выражена языком «камня»: жизнь, смерть, любовь, дружба, разлука, радость, горе, смирение, война, мир и т.д.

Поэзию К.Кулиева можно причислить к ярким и значительным явлениям в литературе XX века, оказавшим влияние на ход развития всей мировой культуры. Он был выразителем своего времени, надежд и тревог не только балкарского народа, но и всех людей на земле. Мужественная, созвучная людским страданиям, радостям и надеждам поэзия К.Кулиева, легко преодолев национальные рамки, приобрела черты общечеловеческой значимости. Выдающийся русский поэт и переводчик Арсений Тарковский говорил: «Кайсын Кулиев – поэт маленького народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии... Кайсын Кулиев в своих стихах говорит от лица своего народа, но он – поэт всего мира. Вот что потрясает в его стихах...».

В творчестве Кайсына Кулиева утверждается мысль об ответственности каждого за происходящее на Земле. Его не покидала тревога за судьбы мира, за судьбы человеческой культуры. Долг поэта, остро чувствующего неблагополучие в мире, Кайсын Кулиев видел в том, чтобы предвидеть опасность и предостеречь мир от войны.

Когда премьер-министру Республики Индия Индире Ганди в своём выступлении на официальном приёме в Кремле (Москва, июнь 1976 г.) нужно было подкрепить слова о необходимости сохранения мира, она процитировала Кайсына Кулиева: «Каждая пуля на войне поражает одну цель – сердце матери…».

Для Кайсына Кулиева поэзия была мерилом всего высокого и бессмертного:

Я перестал бы верить в жизнь, наверно,
Когда бы сомневался иногда,
Что правда и поэзия бессмертны,
И эта вера – хлеб мой и вода.

Эту веру Кайсын Кулиев пронёс через всю свою жизнь. Тонкий лирик, непревзойдённый мастер стиха, он оставил нам множество строк, достойных восхищения. Широко известны и любимы его стихотворения, многие из которых стали песнями: «Реквием», «Терпенье», «Женщина, которую люблю», «Был пахарем, солдатом и поэтом», «Монолог», «Музыка», «Играют Шопена», «Дон Кихот», «Чёрный конь умирает на белом снегу», «Как хорошо проснуться на рассвете», «Женщина купается в реке», «Клинок и роза», «Всё ещё впереди» и др.

Многие строки из его стихотворений стали афоризмами: «Легко любить всё человечество, соседа полюбить сумей», «Будь достойным горя», «Настоящее слово стоит скакуна», «Пусть никогда не умирают дети», «На мир смотрите добрыми глазами», «Я за мир, потому что я сам воевал», «Мир и радость вам, живущие». Фраза «Мир и радость вам, живущие» – не просто удачно сложенные слова. Это мироощущение большого поэта.

Мир и радость вам, живущие.
Не от ваших ли забот
Жизнь идёт, земля цветёт,
Существует в мире сущее.

Путь истинного поэта всегда трагичен. Пройдя трудными фронтовыми дорогами беспощадной, бесчеловечной Второй мировой войны, поэт-воин пережил все её ужасы, боль потерь, ранения, а затем и трагедию своего народа – тотальную депортацию в Среднюю Азию и Казахстан (1944–1957). По ходатайству председателя правления Союза Писателей СССР Н.С.Тихонова Кайсыну Кулиеву было разрешено не отправляться в ссылку и жить в любом городе, кроме Москвы и Ленинграда. Но поэт отказался от этого и поехал вслед за своим народом, в полной мере познав, как «горек хлеб изгнания и круты чужие лестницы». «Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придёт обязательно», – писал ему в ссылку Борис Пастернак. Как высоко ценил творчество балкарского поэта нобелевский лауреат Борис Пастернак, можно судить по его дарственной надписи на книге своих переводов Гёте «Избранные произведения»: «Кайсын, у Вас есть право на самое высшее в поэзии, я признаю его, а какие гири жизнь навесит к нашим ногам, это её дело, это неважно. Желаю Вам облегчения в жизни и заслуженной победы. Москва. 31.12.1953 г.».

Стихи К.Кулиева переведены на многие языки народов мира, они издавались во Франции, Германии, Польше, Болгарии, Англии, Индии, Японии и других странах. «Творчество Кайсына Кулиева – это шедевр мировой культуры. Он стоит в одном ряду с гениальными поэтами мира – Данте Алигьери, Байроном, Пушкиным, Мицкевичем, Лоркой», – писала газета «Монд» (Франция).

Поэзия Кайсына Кулиева, освещённая его личностью – яркой, цельной, вдохновенной, – пример служения литературе, людям. Поэт всегда оставался верным правде и назначению поэзии. Его стихи стали достоянием всех читающих людей. «Слово твоё идёт по миру и учит мир радости» – эти слова русского поэта Михаила Дудина о поэзии, которую Кайсын Кулиев оставил людям, вселяют надежду, что мир дарует такой поэзии бессмертие. «Он был радостью живого мира» – писал о Кайсыне Кулиеве его друг Михаил Дудин.

Кайсына Кулиева любили и ценили и в братском Азербайджане. Ведь он нам так близок по духу. Друг Кайсына Кулиева, азербайджанский поэт и переводчик Вилаят Рустамзаде в стихотворении «Без Кайсына» (1985 г.) характеризует его:

Был он горцем – навеки пленённый горами,
В поднебесную синь вознесённый горами.
На высокую песнь вдохновлённый горами…

Особенно правдивы последние строки этого стихотворения: «Душа восстаёт, отступает кручина: Мир запомнит Кайсына!».

У Кайсына Кулиева есть замечательные строки:

Что видим мы, что сохраняет память –
Мы ничего не можем взять с собой.
Мы можем лишь немногое: мы сами
Остаться можем в памяти людской.

Великому поэту это удалось. Кайсын Кулиев остался в памяти людской.

Как справедливо отметил Вилаят Рустамзаде в воспоминаниях о К.Кулиеве, «Кайсынов пик – Пик бессмертия».

САДАГЯТ КЕРИМОВА

* * *

Днем и ночью, подобно рабу,
Ты во власти своих забот.
Жизнь как жизнь: вроде, все путем,
А на деле – наоборот.
На секунду прерви свой бег,
Оглянись на себя, человек!

Время мчит на лихих скакунах –
Жизнь скользит к закатной поре.
Недосуг тебе разглядеть,
Что виски давно в серебре.
Только грусть из-под тяжких век
Льется в душу твою, человек...

В сердце холод. И от него
Не спасет казначейский билет.
А погреться у очага
Как-то все и времени нет.
И все «лишние» мысли навек
Запирает на ключ человек...

Не поймешь ты, увы, никак:
Жизнь – жар-птица в твоих руках.
Упустил – улетела прочь
И растаяла в облаках!
Будь хоть ангелом во плоти –
От судьбы тебе не уйти.
Сеет Время сквозь сито нас:
Взмах – ты жив! И еще раз – взмах...
Оттого-то вершат набег
На мечту горечь, боль и страх...
Защити же мечту, человек!

Но тебе в наказание дан
Злого времени жесткий капкан.
Ежедневно пускается в путь
Бесконечных забот караван.
Обратись же лицом к родным –
Ближе их во всем свете нет.
Кто поймет тебя лучше них
И подарит душевный свет?
Полюбуйся на дня забег,
На рассветные стрелы-лучи –
В них узришь до конца свой век

И поймешь направленье пути,
И пройдешь этот путь, человек!

Слушай сердце – оно не солжет:
В ожиданье любви и тепла
Оно шепчет, кричит, поет!..
Но в тебе – не огонь, а зола,
И давно прогорел очаг,
И любви не воскреснуть ввек –
Струны счастья не зазвучат,
Если нет подходящих дек.
И вся песня твоей души –
Одиночества крик, человек!

Не спеши, задержи свой шаг,
Вспомни то, что ушло навек,
И скажи хоть себе все то,
Что другим не сказал, человек!
И, охрипнув от крика, душа,
На манер попрошаек-калек,
Вдруг зашепчет: «Взгляни на меня,
Пожалей меня, о, человек!»
На секунду прерви свой бег,
Оглянись на себя, человек!
Оглянись на себя, человек...

Шакука[1]

Мама в хьар[2] **шакуку печет.**
«Дети, идите!» – она нас зовет.
Рождается солнце в пламени яром,
Будто бы ткётся из нитей жара.

Бежим со всех ног – давка и смех.
«Не суетитесь – хватит на всех!»
И вот – на столе большой каравай...
Кричим в нетерпении: «Мамочка, дай!»

Режут шакуку, кладут на блюдо...
«Ешьте, ребятки, и – брысь отсюда!»
Ароматной корочки смуглый цвет –
Вкуснее на всем белом свете нет!

Шакука, милый лезгинский хлеб!
Первую делят в семье на всех.
Вторую с гостем разделят тут,
Третью соседям в дар отнесут.

Румянец шакуки в печи золотой –
Как солнца улыбка ранней весной.

[1] Черекун или Шакука (лезг. черекун, шакIука) – лезгинская пицца.
[2] *Хьар* – лезгинская печь выпечки хлеба

* * *

Далеко, в лесу густом,
Из зеленых прутьев
Возвести бы мне шалаш –
Там смогла б уснуть я.

На матрасе из листвы,
В лепестках подушек.
И чтоб рядом – ни родных,
Ни друзей-подружек.

Чтоб смогла я все забыть,
Что со мною было,
И водой из родника
Сердце остудила.

Чтоб в лесу лишь для меня
Распевали птицы –
Бескорыстные певцы,
Скромные певицы.

Улыбнусь цветочку я
Утром, встав с постели.
Покачаюсь на лозе,
Будто на качелях.

В сумерках – опять в шалаш,
В свежести объятья!
Нет счастливее меня –
Весь бы мир объять мне!..

Как мне дорог этот лес
С красотой зеленой!
Я хочу дриадой стать
Под короной-кроной.

В чаще я хочу бродить
Под ветвей навесом
И не расставаться ввек
С этим милым лесом.

Любовалась бы я им
Каждое мгновенье...
Тихо... Рядом – никого.
Здравствуй, вдохновенье!

* * *

Нежно, будто мать – свое дитя,
Пеленой туман окутал улицу.
Небо стонет, плачет нешутя.
Дождь бакинский с улицей целуется...

Будто кто-то с высоты небес
Выплеснул кувшин с водою чистою,
Всю усталость, все грехи с домов
Смыв в одно мгновенье так неистово.

А на крышах – капель карусель,
А на стеклах – струи извиваются.
Мысли льются – то фонтан, то сель,
Водопадом в душу низвергаются.

Я боюсь грозы, и я молюсь
(Пусть не все молитвы общепризнанны!..),
Чтобы я, как капелька дождя,
Проскользнула между молний жизненных...

* * *

Слезы катятся, словно град.
Ветром осени студит сад.
В моем сердце – горечь утрат.
Исцели его, если сможешь.

Ты на струнах моей души
Поиграй еще, не спеши.
Этот сладкий сон нерушим –
Разбуди меня, если сможешь.

Я хочу за счастьем опять
На коне надежды скакать,
Но судьбу нам не обогнать.
Позабудь меня, если сможешь.

Без тебя все мысли – туман,
Жизнь без цели – сплошной обман.
Прошлых лет ушел караван...
Возвратись ко мне, если сможешь.

Некрасивая

Одинокий день – и ночь с темным страхом,
Зеркала в лицо смеются глумливо...
Как сорняк среди ухоженной клумбы –
Вот такой она была некрасивой.

По ночам рыдала долго в подушку –
Лишь рассвет смежал сырые ресницы.
В снах видала себя ангелом белым –
Сны сгорали в полуночных зарницах...

Ей ли ждать еще других испытаний?
Но пришло оно – как казнь, как проклятье.
И она в любовь – как в бурную реку...
До чего же он красив, ненаглядный!

Истекает страстью бедное сердце,
Днем и ночью в мыслях – он, ее милый.
В облака в мечтах о нем воспаряет
И – о землю вновь со страшною силой!..

Вот он нежно ей в любви признается,
Вот обнял ее, к груди прижимает.
Но лишь вздумает она слово молвить –
В тот же миг прекрасный сон ускользает.

Время шло, и черной молнией – новость:
Он теперь женат. На самой красивой...
Пусть душа исходит горестным криком –
Не увидит ее слезы любимый.

Не омоют их осенние реки,
И весна не приголубит лучами...
Два счастливца!.. Всюду следовать будет
Взгляд ревниво-безнадежный за вами.

...Размотались серой пряжею годы,
В них любовь златою нитью сверкает.
И старушка некрасивая плачет...
Жизнь – не сказка. В ней чудес не бывает.

*** * ***

За рифмой рифма с уст моих слетает,
Душа вослед мелодию рождает
И вдохновеньем щедро награждает...
Как хорошо, что есть вы у меня –
Стихи и песни, верные друзья!

Я радоваться жизни не устану.
Сквозь слезы смех?.. Ну что ж, смеяться стану.
Со мною муза рядом непрестанно.
Пусть мысль мою когтит дракон тоски –
Меч вдохновенья бьет беду в куски!

В моей душе таится лиры нива,
Боро́здки строк бегут в ней торопливо,
И нивы Музы пахарем счастливым
Встречаю я желанный мне навек
Стихов и музыки согласный бег...

Нам время как чудесный дар дается...

Меня обманывают, как ребенка,
Мои обманывают ожиданья.
Берут взаймы и радость, и веселье,
А отдают, с процентами – страданья.

Как будто мало прежних треволнений –
Я новые ищу и призываю.
Друзьям моим игрушкой стали деньги,
А я по-прежнему в мечты играю.

Не в силах влиться в ритмы новой жизни,
Не успеваю, не преуспеваю...
Фрагменты дел насущных, чувств и мыслей
В мозаику уже не собираю.

Я, как пчела, тружусь и днем и ночью,
Нектар извечный в мед переплавляю.
Но вижу, вижу все ясней воочию,
Что лишь тоску и горе пожинаю.

Пусть кто-то золота в молитвах просит –
Я не стремлюсь к богатству никакому.
Из всех даров, что жизнь нам преподносит,
Я дар поэта предпочту любому.

Пускай мой хлеб мне трудно достается,
Лишь времени я жажду вдохновенно.
Нам время как чудесный дар дается,
А для поэзии оно – бесценно.

Перевод Наили БАННАЕВОЙ

ЯШАР БУНЬЯД

Если птицы вернулись…

Рассказ

напугала ли их упавшая на меня тень Азраила
утренние голуби ударились об купол
я задолжал горсть зерна
нет, не птицам,
а пашне непрожитого дня

Захид Сарыторпаг

…Дверь я притворил как можно тише, но заржавевшие петли заскрипели так ужасающе, что у меня мурашки пошли по коже. Я постоял немного на балконе, глядя в небо, пробормотал под нос «быть дождю» и спустился во двор по таким же скрипучим, как дверные петли, деревянным ступенькам. «И тебя надо пустить в расход», – проворчал я, имея в виду лестницу. А раньше не ворчал, брал гвозди и молоток и приводил в порядок покосившиеся доски. Значит, я тоже совсем испортился…

Весна на исходе, но только теперь замечаю, что ласточек не видать. Прошлой весной они еще прилетали в эти края.

«Значит, не вернулись этой весной. Снаряды их отпугнули… Ладно, ласточки, они – перекати-поле, им не везде вольготно, а с воробьями-то что стряслось? Будто всех переловили и переморили. Отец покойный говаривал: ласточки – как молодые парни, которым надоело жить в деревне, один вернется назад, другие пойдут, куда глаза глядят… Но воробьи – дело другое, воробьи срослись с нами, пригрелись, верны нам, никуда не денутся… Ну и где ж эти верные спутники?»

…Куда теперь себя деть? Даже смешно стало. Тут и думать нечего. Если и не голова, то эти треклятые ноги сами знают, куда меня поведут – либо к Абдулу, либо на кладбище… Вот уже которое время мир для меня совершенно опустел. То ли от старости, то ли от одиночества порой в голову лезут странные мысли: может, мира вовсе и не было, да и я вовсе не я, а просто воздух, пылинка или осколок искусственного спутника земли – кружусь себе в космосе?!.

Так и застряли меж миром здешним и потусторонним я и полуживой Абдул.

Когда вхожу в ворота Абдула, чувствую, я еще есть, я еще жив. По сравнению с Абдулом я вполне ничего, время от времени хожу в лес, приношу воду из долины, с родника «Сысгабулаг». Ну и что?! Воздух уже не тот, и вода уже не та. Издержки загрязнения или возраста?..

Бедняга Абдул считает отпущенные ему минуты, может, секунды, каждый вдох для него слаще некуда, лежит неподвижно и постанывает, не выходит из своей хибары, не может выйти; в горло уже ничего не лезет, лежит и дожидается Азраила. Я не захаживаю слишком уж часто, не хочу, чтобы он вздрогнул от скрежета двери и подумал, что вот и пожаловала смерть. А может, он, наоборот, обрадуется, кто

знает… Тяжко горе Абдула, тяжко как горы…

Тесно в груди. Задыхаюсь. Раньше в селе, как в городских автобусах, яблоку негде было упасть, людей много, душно и тесно, вдобавок раскинувшиеся через каждые десять метров орешники не давали нам продыху. «Ореховые деревья дышат как люди, сажайте лучше у себя во дворах яблони и айву», – сказал невесть как очутившийся в селе профессор. Если скажу, что тот ошибся, выкажу неуважение и невоспитанность, но ведь профессор не Бог, у нас тут ничего толком не растет, засыхает, а если и растет, то толком плодов не приносит. Да, из-за ореховых деревьев дышать было трудно, но местные жители кормились за счет них… Где сейчас эти деревья? Власть напала на людей, а люди с топорами на деревья… Ну и дела, ай Аллах, если в свое время я не срывал бы с этих деревьев орехи, не взбирался бы на высокие ветви, чтобы хорошенько их порастрясти, никогда бы не поверил, что некогда тут росли исполины…

Уже не помню, когда срубили последнее ореховое дерево. Каждый раз, когда я пытался сбить созревшие плоды, в воздух взлетала сотня ворон, но и они теперь исчезли. Будто на веки вечные тут раскинулась пустыня, пепелище, пустошь… Ушли и люди, и деревья… Теперь я задыхаюсь не от безвоздушности, а от обилия воздуха… Кажись, с ума схожу…

Деревья «ушли» так же степенно, как росли – пядь за пядью, ветка за веткой, сук за суком… А люди – за считанный день… Люди безжалостно распилили деревья, разрубили, выкорчевали и отправили в печки и топки, сожгли и развеяли дым по ветру, убили, чтобы выжить самим.

***

Эта деревня стояла не на краю света. И не в центре. Весной грязи по колено, летом пылища, зимой снег да вьюга, к тому же стояла она на самой вершине горы! Своим жалким умишком я всё пытался додуматься: что же заставило наших предков обосноваться тут? Мне казалось, что этот вопрос волновал и моего отца, и отца его отца. С этой мыслью они и ушли на войну. Но ведь выжившие вернулись?! Вернулись, построили дома, вырастили детей, но не покинули этот клочок земли… Далеко ходить не надо – возьмем хоть меня: мог бы не вернуться после армии, и девушка любимая была, остался бы на севере, глядишь, и работа нашлась бы получше, и в доме жил бы краше… Остальные под предлогом учебы ли, армии ушли восвояси, и след их простыл, обратно не жди. Девушки стали старыми девами, старики померли от тоски и грусти… Всё пытаюсь вспомнить, когда в последний раз в деревне играли свадьбу, не могу вспомнить, хоть тресни. Да, раскидывали палатки, но у ворот покойников, а не молодоженов…

Последним крохотную деревню покинул Мардан-киши. Точнее, старика забрал к себе его зять, неплохо обустроившийся в городе. Запамятовал, когда это точно было, но перед тем, как сесть в машину, старик бросил слова, до сих пор звенящие у меня в ушах: «Здесь уже и траве не расти!». Будто вся горечь Мардана-киши взяла этот край в свои оковы: пересохли родники, земля покрылась трещинами, расширились овраги, захватывая чернозем.

До Мардана-киши в столицу переехала семья Джаббара. Сам остался, переехала семья. Так ему было предначертано. Бедняга Джаббар! В преклонном возрасте он пешком проделал путь в двадцать километров, отправился в райком с просьбой:

«Знаю, этой деревни нет и не будет ни в каких списках! Вы кормили нас лживыми обещаниями, лишили света и газа, прибрали к рукам деньги, выделенные на закладку дороги, чтоб вам подавиться. Покуда ты здесь секретарь, а сельсовет твой прихвостень Шамиль, нашим тяготам конца не видать. Я взываю к вашей совести, дайте нам разрешение ходить в лес по дрова, пережить эту зиму, чтоб дети не перемерли, тут всего-то пять-шесть домов, если доживут до весны, уберутся восвояси из этой чертовой дыры!..»

Неведомо, что ответил секретарь старику, вернувшись домой, тот пролежал в постели три дня, не в силах вымолвить ни слова, а на третий день отдал Богу душу. Безмолвно…

Такую вот безмолвную смерть Джаббар-киши ввел в деревне в моду …

С того самого дня в деревню не вернулся и сам Шамиль. И с того злополучного дня деревня стала редеть.

Оказывается, именно в те дни рушился нерушимый Советский Союз!

Только потом мы узнали, что секретарь, вроде, пытался уговорить Джаббара-киши:

– Ай аксакал, ай родной, сидишь на вершине горы, дышишь чистым воздухом, не знаешь, что внизу творится, эти пройдохи почти расправились с советской властью, гонят ее в шею! Не будет больше ни партии, ни райкома, ни-че-го! Слышишь? Последние дни доживаем!..

Не потеряй Джаббар-киши дара речи, может, и выпалил бы в ответ: «Ну, раз тебе так уж захотелось подышать горным воздухом, приходи, только не летом – выпить кизиловки да закусить шашлыком, приходи осенью, утопая в грязи по колено, зимой приходи, замерзая от стужи, приходи, увидь своими глазами, как мучаются люди, какие страдания терпят». Но ничего этого сказать он не смог. Джаббар-киши поначалу потупил глаза, затем сглотнул. Джаббар-киши, под чьим суровым взглядом крошились даже скалы, на сей раз даже пикнуть не смог, не смог разобрать, наступили последние дни райкома и партии или всего мира. Лишь Всевышнему известно, отчего Джаббар-киши потерял дар речи… От радости за то, что гибнет партия, у которой такой беспринципный райком и бессовестный сельсовет в лице Шамиля или от страха перед завтрашним днем?..

***

…Метеоролог из меня никудышный; обошлось без дождя…

…До самого утра я не смыкал глаз. Чуяло сердце, если закрою глаза, больше не открою. Вперившись в потолок, я выискивал в кромешном мраке хоть какую-то точечку света. Да какой там свет! «Прожить чуть ли не сто лет, а светлых воспоминаний нет как нет…»

Все переселились, ушел каждый, кому было куда идти… А мне в чьи двери постучаться? Со смерти Шафиги прошло десять лет, но такое ощущение, будто я навещаю ее могилу целую вечность… Душа пока теплится в теле, вот я и хожу себе, брожу…

На рассвете после бессонной ночи я вскочил с постели. Направился прямиком на кладбище, чтоб успокоиться. Будто окликнул меня кто-то. Я обернулся на оклик. Сначала почудилось, будто снова стреляют. С той стороны гор давненько ничего не

слыхать… «Бисмиллах!». Никого не видать. Заныло сердце. Я вернулся к воротам Абдула. На цыпочках поднялся на балкон, посмотрел сквозь затянутое паутиной окошко вовнутрь: Абдул во всю ширь своих глаз «фотографировал» окно. Главное, ждал… «Сегодня, даст Бог сил, всё закончу…»

Сговориться с мертвыми легко. С тех пор, как село опустело, я беседую с ними на кладбище. При жизни были суровыми, жестокими, жесткими, грубыми, подлизами, туповатыми, полоумными, а теперь, вот здесь, – спокойные, тишайшие, покладистые… и счастливые! Я поздоровался с надгробными камнями, расспросил о житье-бытье, затем начал скашивать кусты держидерева. «Потерпите минуточку, сейчас я всех вас спасу от этого сора!..». Земля после дождя впитала влагу, потому весь участок порос кустами, будто Всемилостивый за одну ночь ниспослал на этот клочок земли все существующие в мире терновники, да так, что отличить могилы друг от друга невозможно… Хорошо хоть, молодые побеги еще не окрепли, отсекаются одним легким движением…

На редких надгробных плитах портреты размером с ладонь, да и те посерели, надписи стерлись, стали нечитаемыми. Эх, что там, всё про них знаю: кто как и от чего помер, сколько дней промаялся, кто проводил в последний путь…

…Вот и Шафига! Глаза так и смеются. Ни разу ни на что не пожаловалась, хотя многое было в тягость… «Шафи, родная, не ценил я тебя при жизни… Мучил тебя. Не обращался с ласковыми, сердечными словами, не смог этого сделать… Думал, ты виновата, что нет у нас детей, упрекал во всём тебя… Ты не прекословила, и к доктору не сходила, так и растаяла, как свеча, вместе со своим горем. В ту ночь... в ту ночь, не переставая улыбаться, вымолвила лишь одно: «Береги себя… Встретимся там…». Шафи, родная, я хочу к тебе…»

Я снял шапку и вытер посеревший, треснувший портрет Шафиги, прошелся ласково пальцами по ее волосам, глазам, носу, губам. Губы, которые я ни разу не поцеловал, были чуть приоткрыты, будто ей хотелось что-то сказать. Я не стал ждать ее слов, испугался, что скажет «не приходи!», и припал влажными губами к ее губам…

Кое-как придя в себя, я бросил взгляд в свою неоконченную могилу. Могилу для Абдула я выкопал в сторонке. Слава Аллаху, земля попалась мягкая, без глины и камней. «На здоровье», – кажется вырвалось у меня. Ей-богу, я совсем спятил… Себе я выкопал могилку справа от Шафиги. Совсем мало осталось, раз десять-пятнадцать углубить лопаткой. Чем глубже копал, тем тяжелее становилось, попадались крупные камни и глина, сил становилось всё меньше, потому и бросил на половине. Ведь после того, как похороню Абдула и останусь один-одинешенек, кто меня горемычного спровадит в последний путь?.. «Сегодня же надо всё закончить».

…Когда я справился со своей могилой и вернулся обратно, уже смеркалось. Зашел к Абдулу поздравить, мол, могилы готовы, можем спокойно пускаться в путь. Я отворил дверь, переступил порог и подошел к его постели. Абдул пустился в путь без меня – скончался давно, на подбородке засохла голубая пена…

Я налил воды в большую железную бочку и развел под ней костер, сбегал домой за мылом и двумя белыми простынями. Раздел Абдула. У бедняги вся спина, поясница, крестец были в пролежнях, покрылись черными струпьями от неподвижного лежанья. Я обмыл тело горячей водой, вытер полотенцем и завернул в простыню. Мне никогда не доводилось обмывать покойников, но сейчас казалось, что всю жизнь я только этим и занимался, так что ничего я не испугался.

«Вот и всё, Абдул, отмучился наконец. Но, шельмец, опередил меня, надул ты меня, Абдул!..»

Ни один из шести сыновей, которых он вырастил с таким трудом, не остался при отце, разбрелись по сторонам света, и не жди ответа… «Провалиться бы тебе, подлый мир, в тартарары! Иметь шестерых сыновей, а обмыть и схоронить тебя некому, кроме бесплотного и бесплодного старика…»

В горле встал ком. Я вышел на балкон. Захотелось зажечь папиросу и глубоко затянуться. Откуда такое счастье-то?! Еще подумалось: это мне следовало лечь безнадежно больным, а Абдул должен был бы меня обмыть и похоронить, затем присесть вот на том подъеме и ждать, ждать… Может, у одного из шестерых проснулась бы совесть, стало бы тяжко на душе, и он вернулся бы в отчий дом, и бедняга Абдул перестал бы тоскливо глядеть на дорогу… Хотя Аллаху всё ведомо лучше.

На рассвете я водрузил тело Абдула на старую тележку и привез прямиком на кладбище. С огромным трудом я опустил тело в могилу и уложил его надлежащим образом. «Не надо было копать так глубоко, еле-еле выбрался», – пожурил я себя. Вдруг мне в голову пришло, что в одиночку я могу протянуть день-два, от силы пять на этой вершине, где, куда ни глянь, лишь пустые, покосившиеся хибары, холодные могильные плиты да обрывы; и, может, не стоит больше никуда ходить, раз уж забрался в могилу, может, взять и прилечь рядом с Абдулом? Но я тут же прогнал эту мысль, выбрался из могилы, схватил лопатку и принялся закапывать Абдула.

Я выбился из сил. Еле-еле перебирая ногами, направился домой. В подвале лежала прошлогодняя пшеница. Я наполнил пол-литровую банку зерном, набрал в пластмассовую бутылку от невесть когда выпитой «Фанты» воды и вернулся к Абдулу. Бросил горстями зерно на холмик земли и побрызгал водой. До самых сумерек я, сидя на корточках, делился с Абдулом наболевшим.

***

Я понял, что остался в этом огромном мире совсем один, с сиротливостью ночи без совиного уханья, с сиротливостью утра без петушиного кукареканья. Окружившая меня тишина сокрушалась в крике…

***

…Я разжёг покрытый копотью самовар. Ждал, когда вскипятится вода, и не отводил взгляда от его мрачного вида – самовар походил на чумазого цыганенка.

Самовар зашипел, заворчал, запыхтел, наконец, закипел и выпустил пар. Я сполоснул железный чайничек и заварил чай с чабрецом. Попил горячего чаю с сушеным кизилом и направился прямиком на кладбище. Захотелось прилечь в родной могилке и уснуть вечным сном под покровом пустых небес. Я почти добрался до могилы Абдула, как тут до моего слуха донеслись странные звуки. Подумал, может, он приснился своим сыновьям, и те вернулись. «Так быстро? Откуда же они узнали о смерти отца? Здесь ведь нет никого, кроме меня, кто бы мог послать им весточку?». В раздумьях я перевалил через плоский холм и застыл, как вкопанный, увидев могилу. Холмика земли на могиле Абдула было не разглядеть, сотни серых воробьев с

громким чириканьем клевали пшеницу, которую я разбросал вчера горстями из банки. «Когда они появились? Ведь даже воробьи, казалось, навсегда покинули этот край... Слава тебе, Всевышний! Наконец-то!..»

Я радовался, как малое дитя. Боясь вспугнуть их, я осторожно отошел назад и поспешил к своей хибаре. Спустился в подвал. Открыл мешок с зерном, наполнил пшеницей карманы, шапку и вернулся обратно. Я брал зерно и пригоршнями сыпал вокруг. Голодные воробьи так радостно чирикали и трепетали крыльями, поклевывая зерна! Слава Богу, я больше не одинок! Будь это в моей воле, я прижал бы их одного за другим к груди, как родных детей, и погладил бы по головкам. Птички будто прочли то, что у меня на уме – чуть спустя они полностью меня окружили. Их становилось всё больше и больше…

Верилось, что в одну из птичек перевоплотилась душа Абдула и теперь жила в воробьиной стайке. Наверно, видит, как я радуюсь. Да и сам он обрадовался бы, конечно.

Я по-стариковски проворчал себе под нос: «Ну почему ты поспешил, шельмец эдакий?!».

Вдруг прогремел гром. Спустя несколько секунд стало накрапывать. Я быстро схватил лопату и принялся закапывать свою могилу, вырытую с таким трудом. Как-то слыхал, что открытая могила под проливным дождем – дурной знак. А может, всё это я выдумал сам, потому что умирать расхотелось. Чем сильнее лил дождь, тем большей силой наливались мои руки, покрытая волдырями ладонь саднила, но мне было нипочем…

Дождь лил как из ведра… Когда я закопал свою могилу и отбросил лопату в сторону, промокшая до последних ниток одежда липла к телу второй кожей.

«Если вернулись воробьи, наверно, вернутся и ласточки, корневища орешников впитают дождь и дадут побеги, вновь вырастут деревья-исполины, вернутся даже эти проныры-вороны... Как знать, вдруг вернется один из сыновей Абдула, кто-то ведь должен его встретить-приветить…»

И тут я раскинул руки к небесам и воззвал во всю мощь голоса:

– Аб-дууууллл!.. Абдул, слышишь, воробьи вернулись. Я же тебе говорил… Вернууууууу-лись!..

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

А Ш У Г И

Из книги Иосифа ГРИШАШВИЛИ[1] «ЛИТЕРАТУРНАЯ БОГЕМА СТАРОГО ТБИЛИСИ»

Ты увидишь город-крепость,
Ты увидишь город-кавахану,
Ты увидишь город-храм...

Воздух здесь, что ли, такой? Будто надышала его сама Поэзия и дала городу имя, а певцам его заповедала дарить сердечным теплом каждого, кто ступит на землю Тбилиси.

И сколько тут было поэтов!..

Да, так я величаю безвестных ашугов Тбилиси. Более того: высокого титула достоин бывает человек, ни строчки не написавший, – в то время, как иной записной стихотворец никогда поэтом не был и не будет. Разве не так?

Великий Руставели признавал ашугов, заметив, что их поэзия «приятна сердцу, коли смысл ее понятен».

Я не склонен относить мелодии ашугов к чисто грузинским, но сегодня их и к персидским[2] не отнесешь, настолько они изменились, обогатились новыми, иными, песенными ритмами.

Перечислять заслуги ашугов я тоже не собираюсь. Скажу только, что в старину они обычно шли впереди грузинского войска и песнями вселяли мужество в души воинов. Скажу только, что они с поразительной интуицией воспринимали и передавали переживания и стремления современного им общества, дух современной эпохи. Многие наши песни, их мелодии и текст были бы преданы забвению, если бы не ашуги. Наша грузинская музыка многое потеряла бы, если бы не сотни самоучек-композиторов, имя которым ашуги.

...Замечательный наш композитор Дмитрий Аракешвили вспоминал, как основатель грузинского музыкального училища Х.Саванели разыскивал стариков-ашугов и переносил мелодии из песен на ноты.

Поэзия ашугов пришла к нам из Ирана[2], но настолько видоизменилась, что самим иранцам мелодии наших ашугов чужды. Теперь модно открещиваться от Востока, но не надо забывать, что Грузия – часть этого самого Востока. Итак, без ашугов не было праздника.

---

[1] Иосиф Григорьевич Гришашвили (настоящая фамилия – Мамулаишвили; 1889 –1965) – грузинский советский поэт, народный поэт Грузинской ССР, 1959, лауреат Сталинской премии второй степени,1950); автор гражданской лирики, исследований по истории грузинской культуры. (Примечание редакции «ЛА».).

[2] По-видимому, распространение в его стране ашугского искусства автор относил ко времени, когда и Азербайджан и Грузия находились в составе сефевидского, а затем каджарского Ирана, из-под владычества которого они вышли в результате русско-персидских войн первой четверти XIX века. Исконно центрами этого искусства были территории гарабахской, муганской, гянджинской и нахчыванской областей современного Азербайджана и иранских провинций Восточный (Тебриз) и Западный (Урмия) Азербайджан. (Примечание редакции «ЛА».).

В городах и деревнях, в лавках ремесленников и за семейным столом, на народных играх и храмовых праздниках – везде ашуг… Приезжали отовсюду певцы и сказители, мастера экспромта и творцы эпоса; приходили показать свое искусство, соревновались друг с другом, иной тост звучал как поэма… А на свадьбах ашуги пели песни свадебные. Из той же «*Картлис Цховреба*»[1] мы узнаем, что ашуги были на свадьбе царицы Тамары…

…Фаэтоны, пролетки, дрожки тянутся по дороге. Босые женщины в черном и белом сторонятся верховых. Влачатся арбы, нагруженные снедью, слышится блеяние жертвенных ягнят… В церковной ограде дымятся костры, в углу двора крестьяне раскладывают товары. Длинные ковры и паласы расстелены на земле, человек тридцать сидят вокруг каждого; уставлен ковер снедью и кувшинами с вином. В центре внимания гости – тбилисские ашуги, они приехали на праздник показывать *Нагли* – свой передвижной театр.

«Нагли» – означает «сказка»; театр представляет обычные сказочные сюжеты. Но здесь, на храмовом празднике, театр покажет вам несколько сцен из Библии, переложенных на стихи. То будут подлинные мистерии с хором и певцами – их любит простой народ и ненавидят постники-монахи…

…Стоило театру приехать в город, как содержание его спектаклей менялось. Подмостками для него в Тбилиси обыкновенно служили базарные весы – огромный *капани*. На капани размещался хор, певцы и музыканты, а впереди ходили ашуги и под музыку *чонгури*[2] завязывалась игра в вопросы и ответы:

1 ашуг: *Что свисает с небес до земли самой?*
Кто быстрее всех успокаивается?
Что переходит из рук в руки?

2 ашуг: *С небес до земли дождь свисает.*
Быстрее всех ребенок успокаивается.
Из рук в руки деньги переходят.

1 ашуг: *Что и в воде остается сухим?*
Что и в земле не грязнится?
Как зовут птичку, что вечно одна живет в гнезде?

2 ашуг: *В воде и свет не мокнет.*
Благородный камень и в земле чист.
Сердцем зовут ту птичку, что вечно одна живет в гнезде…

Потом на *капани* начиналось представление. Разыгрывались сцены подвигов любимых народных героев, и толпа, затаив дыхание, слушала актеров и благодарность ее была им наградой.

Нагли – летний театр, театр на колесах. В унылые зимние вечера приходили ашуги в *кавахана* – кофейни *Шайтан-базара*. Мне довелось видеть там одного ашуга-турка. Он ходил между столиками с сазом в руках и пел легенду о Кёроглу (…)

[1] «Житие Картли» – сборник историографических сочинений разных авторов, повествующих о жизни грузинского народа с древнейших времен до XVII века.

[2] Грузинский четырехструнный щипковый музыкальный инструмент, на котором играют пальцами, поставив его вертикально на колено.

(...) Два с лишним часа пел турецкий ашуг о любви Кёроглу, о дочери хана, похищенной им; он пел о подвигах, об удали молодецкой, покачиваясь в такт тягучему напеву, а в другом зале кофейни в это время игрался спектакль театра теней, театра Карагёза... Из султанского дворца вышел он некогда на площадь, весь Восток обошел и к нам пожаловал – в тбилисскую кавахану, поселившись в ней надолго. Еще и сегодня можно посмотреть его спектакли. Конечно, и театр Карагёза, как всё в мире, изменил со временем свое лицо: светские пьесы вытеснили сцены из Корана, обновилась и форма спектакля.

(...) Театр теней – их было несколько в Тбилиси – под конец превратился в обыкновенный сатирический театр. Днем высмеивали всех и все: общественное и личное, богатство и бедность, родовитых и безродных, слабых и сильных. Хозяин театра – его называли Карагёзом по имени героя легенды – приводил в движение картонные или кожаные фигурки, говорил за своих героев – мужчин, женщин, стариков, детей. Имитатор он был великий, играл на всех восточных инструментах, пел.

Нагли уже и в помине нет. В 80-х годах прошлого века перестал существовать театр ашугов – первый вестник грузинской эстрады...

(...) А к концу моего рассказа об ашугах я, мой читатель, расскажу тебе об Азира. Азира стоит особняком. Бодрый старик с обвислыми с проседью усами, в высокой каракулевой шапке, в платье горожанина с просторными разрезанными рукавами...

Азира – Абрам Абрамишвили родился в 1845 году в деревне Шулаверы Борджалинского уезда Тифлисской губернии. Умер 14 января 1922 года в Тбилиси.

(...) Азира писал стихи, сам сочинял к ним музыку и исполнял их. На старости лет он, правда, потерял звучный свой голос, но «Что высокий глас певца, коль слова бессмысленны у песни?» – так он сам говорил.

Подобно тому, как Давид Гурамишвили[1] в XVIII веке и Акакий Церетели[2] в XIX веке привнесли и утвердили в классической литературе народный язык, творчество Азира утвердило формы и образы городской народной поэзии. Азира был *устабашем амкари*[3] ашугов (существовал в Тбилиси и такой цех) и в этой самой должности принес много добра людям – прежде всего слепцам. Он обучал их пению и игре на *дайре* (бубне) и *кяманче*, спасал от голода и нищеты. Тбилисцы любили слепых ашугов, любили их *чианури* (кяманчи) и утренние серенады – *сари*. И пели они, право, один другого лучше...

Дайра была любимым музыкальным инструментом Азира. Играя, он вкладывал в ее ритмы всю свою душу. К рукописному же наследству своему относился без всякой заботы: терял стихи, а порой, вертя в руках клочок бумаги, не мог разобрать, что же там написано. «Я должен сопровождать каждую свою рукопись», – сказал он мне как-то.

---

[1] Выдающийся грузинский поэт (1705-1792), автор сборника стихов «Давитиани», исторической драмы «Беды Грузии» и т.д., реформатор поэтического языка.

[2] Выдающийся грузинский поэт и общественный деятель (1840-1915), оказавший большое влияние на развитие всей последующей грузинской поэзии.

[3] *Амкари* – древнейшие «профсоюзы», объединявшие мастеровых и ремесленников в цеха по профессиям, *устабаш* – глава цеха.

Будь, о душа, как вино светла.
Лучшие помыслы сохрани.
Не умножай в этой жизни зла,
Помыслы темные – прогони…

(…) Поэт боготворил Акакия Церетели. Именно он впервые распространил знаменитую «Сулико» по местечкам и селениям Грузии. В автобиографии Азира пишет: «Когда появился Акакий Церетели, ашугов уже забывали, и старое уступало место новому… Именно Акакий услышал добрые старые голоса и перенял их звучание! Да, он скроил, сшил и выложил на прилавок множество драгоценных вещей – к сожалению, разносчика нигде не было видно…»

Но разносчики были – это были ашуги. «Какой из писателей, - говорит увлеченный Азира – какой из проповедников мог внушить народу то, что мы внушали нашей сладкозвучной игрой и пением?» Жизнь тогдашнего искусства была органичнее, но беднее теперешней. Одним из ее очагов был грузинский театр, и в театре этом во время антрактов играл ансамбль Азира. Слушали его благодарно, песни запоминались.

Если в путь тебя увлек
Жребий твой – строптивый конь,
Дедовского очага
Вспомни ласковый огонь.

Если, жаждою палим,
Ты к чужой реке приник,
Благодарно помяни
И своей земли родник.

Конь летит во весь опор,
Только пыль из-под копыт.
Помни, как в родном дому
Пахнет дым и дверь скрипит.

Как младенцем в первый раз
Перелез через порог,
Не забудь – а то и жизнь
Не пойдет бродяге впрок.

О приглашении ашугов в театр Азира рассказывает: «…И все же не похвастаю, если скажу, что простонародие в театр ходило из-за наших песен. В театр я привлекал таких людей, которые и не знали, что сие значит. У меня было 75 учеников – грузин, татар, греков, курдов – из всех уголков Грузии. Приезжали за песней, за прекрасным грузинским языком. И вооружал я их стихами, и расходились они по всей Грузии и по всему Кавказу…»

Кто перечислит, сколько людей благодаря песням Азира пристрастились к чтению! А как любовно он относился к просвещению! «Ах, увидеть бы мне аробщика, читающего на арбе «Иверию»!..»

Сладостные и певучие стихи Азира опьяняли, но могли звучать и резко, и горько. Во всем чувствовался характер.

Последний грош я свой отдал
Слепому, выходя из храма.
«Жадюга!» – вдруг он мне сказал
И глянул злобно так и прямо…
Увы, Азир, таков весь свет,
О том печалюсь я и плачу,
И зрячий тот слепец впридачу
Еще и плюнул мне вослед.
Пора привыкнуть, Азира,
Что делать, уж судьба такая,
Все бормочу: «Пора, пора»,
А ни к чему не привыкаю.
Как дружеский тяжел поклеп!
Твои слова переинача,
И причитая, и судача,
Тебя кладут живого в гроб.
Готовят катафалк и клячу…
Не хороните! Не пора!
Я не такой – я Азира!
Но не кричу я, плачу, плачу…
Все перепутала молва,
Ей все равно: героем, трусом
Иудой или Иисусом
Тебя честить: она права –
Она молва… Но что со мной?
У ваших окон я маячу
Как бессловесный зверь лесной.
Я Азира – я плачу, плачу –
Но вы не плачьте надо мной!

Азира в своем творчестве часто прибегал к эзопову языку и «болтовней» старался указать народу на его недостатки, пороки. Вот одно из его аллегорических стихотворений:

Среди зимы и лета,
Как лошадь и верблюд,
Ты трудишься. За это
Тебя по морде бьют.

Кто громкий рев услышит,
Подумает: герой!
Но ты стоишь под крышей,
Голодный и худой.

Оплакивать напрасно
Твое житье-бытье.
Душа твоя прекрасна,
Да кто видал ее?

Невидимые души
Истошные кричат,
И видимые уши
Потешные торчат.

Пусть мир переменился,
Но ты всегда осёл.
Чего же ты добился
И что ты приобрел?

Среди зимы и лета
Как лошадь и верблюд
Ты трудишься. За это
Тебя по морде бьют.

Ноты сочувствия и горького сарказма звучат здесь. Азира в лучших вещах своих приближается к «чеканной твердости» Ильи[1] и мягкости Акакия. Его поэтическая метафора сильна и оригинальна, и очень сильна интонация: музыкальная природа стихов и высокий предмет речи сливаются. Стихи приобретают рыцарственную осанку *карачохели*[2]... Но что об этом толковать? Пусть они звучат сами:

Какие дни, какие числа!
Мы дети времени сего –
Оно в нечистом квеври[3]*скисло,*
И ломит скулы от него.

Блажен живой, кто вживе умер,
Кто стал умен и полоумен,
Кто ловок, как веретено,
Кто хвалит уксус – не вино.

Кто крепкую имеет спину…
О, время, вот мои стихи
И я твой сын. И мне, как сыну,
Расплачиваться за грехи.

Азира был популярен. Его стихи звучали за пиршественным столом, на похоронах и поминках. Нужно отметить, что устабаш-певец не превратил своего искусства в источник дохода. Он, правда, пел на всяких пиршествах, и это приносило ему некоторые средства для жизни, но Азира всегда держался с достоинством: «Почтительно, гордо всюду держаться буду». Бывали случаи, когда пьяной компании Азира говорил: «Я здесь лишний», брал дайру и уходил.

Что с тобой: у тебя два лица,
Почему не четыре ноги?
Не хочу ни вина твоего, ни тельца.
Я Азир, мы с тобою враги.

---

[1] Илья Церетели (1837-1907) – одна из самых заметных фигур в истории Грузии XIX века, «отец отечества», поэт, публицист, боровшийся за национальную независимость Грузии, канонизирован под именем Илия Праведный.

[2] Буквально «одетый в черную чоху» (турецк.), мастеровые или мелкие торговцы в старом Тбилиси. Отличались рыцарской натурой, беззаботностью, хорошими манерами и особенной манерой одеваться.

[3] Большой глиняный кувшин для хранения вина.

Никогда не пройду по мосту твоему,
Разольется пускай река…
Я Азир, век я не пил в твоем дому
И не буду – века…

Почти все афоризмы Азира стали принадлежностью народной мудрости, эта мудрость в его стихах ритмична, как звуки дайры. В то время, когда всякого рода певцы восхваляли «вино, женщин и дудуки», Азира поет:

Если б были мы едины –
Были бы непобедимы…

Или:

Ай да мы: не зная страха
И врагов своих любя,
Так и лупим – для размаха –
По́ лбу обухом – себя!..

Азира пишет и такие стихи, как «Март месяц». Это известное стихотворение изображает царскую Россию, которая преследовала свободолюбивый народ. За это стихотворение автор попал в тюрьму – согласитесь, что в этом есть признание поэтического дара. Свободные слова били в цель, помогали человеку осознать однообразие уродливой жизни. А эта жизнь, подобно безлунной ночи, кошмаром давила фантазию мыслящего человека…

А вот написанное им в этом году аллегорическое «Мухамбази[1] о куме» – так встретил Азира 1905 год…

Кум и сват, владыка, обер-
Прокурор немало попил
Нашей крови – только помер,
Догадался наконец!

Он бывал весьма полезным
В отношении железном –
Стал он духом бестелесным,
Помер, помер наш отец!

Кто кричит и воду мутит?..
Нет режима. Что же будет?
Кто прикажет? Кто осудит?
Кто повесит, наконец?..

Горе, горе, человеки!
Кум лежит – сомкнуты веки.
Дух и прах и все доспехи –
В землю, в землю! На келехи[2]
Призывает вас певец!

[1] *Мухамбази* (мухаммас) – строфическая форма восточной поэзии.
[2] Поминки (груз.).

Азира верил, что его стихи разойдутся по родной стране, а себе строго предписал:

Остерегайся пышности распутной
И резвости пера,
И правды легкой и минутной
Не жалуй, Азира.
Ты мастер: никого
Не слушай, кроме Бога,
И слово в ясности его
Воздвигни строго.

Азира первым из тбилисских поэтов воспел угнетенного и трудящегося. Его герой не был человеком, который только причитал, трудился и покорно умирал… Нет, он был гражданином сильной воли и проницательного ума, хорошо сознающим свое положение и отплачивающий: «добру – добром и злу – злом».

Я был лично знаком с ним. Это была чистая, крайне скромная, обаятельная, жизнерадостная, общительная личность. Но как ужасна старость! Когда я увидел Азира в последний раз, он был похож на собственные мощи. Но еще теплился его дар:

Кто я? Прошлого тень иль грядущего призрак?..

Умер Азира. Он посвятил свою жизнь дайре и чианури, и дайра и чианури провожали его в последний путь. Его ученики на могиле покойного устроили пир – именно пир, а не плачевную тризну! И как жених-карачохели идет на могилу отца и под музыку зурны испрашивает благословения, так и ученики Азира на его могиле играли любимые мотивы учителя, чтобы тень Мастера благословила их. Затем, согласно старому обычаю, они сложили на могиле музыкальные инструменты, поклялись хранить строгие заветы учителя и с зажженными факелами в руках вернулись в дом Азира. В его комнате они поочередно ночевали сорок дней и ночей, чтобы очаг покойного не остыл, и его дух жил в их песнях.

В кофейне, где они собираются, висит дайра Азира, которую никто не имеет права трогать: когда Азира умирал, он потребовал дайру и заиграл на ней. Существует легенда – и в эту легенду верят – что дайра покойного по ночам тихонько играет его мелодии…

О да, этот человек с его тбилисским темпераментом, несомненно, фантастическая фигура. Много воды протечет под авлабарским мостом, а Тбилиси не родит такого ашуга.

Умер Азира, и закрылись те врата, откуда, словно караваны, выходили ашуги. Умер Азира, и замутился тот чистый родник, под струями которого расчесывала локоны литературная богема старого Тбилиси…

Перевод с грузинского
Н.ТАРХНИШВИЛИ

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ
(Грузия)

Давид Такидзе (литературный псевдоним ШЕМОКМЕДЕЛИ, по названию его родного села Шемокмеди в Западной Грузии) – поэт, прозаик, автор 11 книг. Заместитель председателя Союза писателей Грузии, Президент Общества Руставели, директор издательства «Давити». Лауреат многочисленных литературных премий, публиковался в поэтических антологиях разных стран, произведения переводились на многие языки. В 2011-м в Баку в переводе на азербайджанский вышла книга его стихов «Солнце отдыхает в тени».

Первая двойка

Помню – схватил ее
классе в десятом.
Тема была:
«ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?»

…И я вдруг вспомнил
тот зимний вечер:
мама золу ворошит неспешно,
входит отец,
бегло нам улыбнется
и за газету привычно возьмется.
Словно беспомощные пичужки,
сестры
к теплу очажному жмутся…

Я подумал, подумал
и написал через всю страницу:
«Счастье – это,
когда все дома!..»

Свадьба

Сегодня свадьба на вашем подворье –
Ты торопил этот день к порогу.
Солнце канет за дальние горы,
Ночь осушает рог полный за рогом.

Уйдут скрипучей лестницей двое
(На радость сплетникам деревенским).
Застолье покатит своей чередою
Под жалобы тех, что отвергла невеста…

Дождь в городе

1

Ливень взорвется протуберанцем,
Исхлещет бичом листву, как отару.
Стоишь, растерявшись,
как школьник с ранцем,
Мокрым столбом на краю тротуара.

Лишь юные пары бегут по водам,
Что подступают неумолимо,
Да утренний город, спеша на работу,
Ревя гудками, проносится мимо...

2

Мысли обвисли, ссутулились годы.
Дождь... Безнадежный – вовеки и присно.
Словно и нету огромного города
С жизнью его суматошно-неистовой.

Тянешь с друзьями из кружек пену,
Чтобы спастись от забот зубастых...
Пишешь... И ко́сится с подозреньем
Соседка твоя в халате цветастом.

3

Осень листвой облетающей машет
(«Желтый снег» – сочинится по ходу).
Ветер воет, и кружит, и пляшет.
Водитель сквозь зубы ворчит на погоду.

Парни промокшие бьются с мотором –
Машина сопит, словно бык, упираясь.
Хлещет и хлещет нас всех без разбора
Дождь, не слабея и не кончаясь.

Бредешь по подъему улочкой длинной,
Встречаешь вымокшую собачонку...
Сидеть бы сейчас себе у камина,
В нарды стучать да вести подсчеты...

Война

Дом обветшавший с сорванной ставней,
Поле бесхозное – словно пустыня...
В доме – отец, исхудалый, уставший,
Мать, что лишь черное носит отныне.
Дождь непроглядный на целом свете,
Хлопает мерно дверью неплотной.
Треплет, ворвавшись, ноябрьский ветер
Волосы парня на давнем фото...

Просьба

Перетерпи уж как-нибудь, мама,
конец еще одной, этой зимы,
этот забор,
что вконец развалился,
этот слепой и глухой снегопад –
все эти месяцы
без передышки
землю собой засыпает небо.
Терпи,
над золой очажной склонившись,
отцовские жалобы на суставы,
терпи
и свои, не меньшие хвори –
боль в натруженной пояснице
(в любую погоду
за хворостом ходишь…)
Терпи,
когда вслед усмехается сыто
сосед
(ты-то знаешь – бывает и хуже)
Перетерпи уж как-нибудь,
мама,
этот конец этой жизни тяжкой.
Знаю, как болит твое сердце –
и днем, и ночью,
в трудах и в постели…
И если тебе чего не хватало,
видит Бог,
всего только – денег.
(А все же каким-то великим чудом
всю жизнь ухитрялась
выглядеть так,
словно все в порядке и в доме достаток…)
Знаю, как горько тебе
припомнить,
сколько всего тебе недода́ли
за целую жизнь…
Кротом барыга
забился в лавку –
терпи,
когда кто-то ворует нещадно
наши труды или нашу память;
когда, уставшая, с треснувшим сердцем,
ты возвращаешься
в дом остывший…
Ведь, самое бо́льшее, две недели
протянет зима эта, в самом деле.
И снова – белые двор и поле,
тропка на мельницу,
хвороста связка.

Незатухающая свеча –
реет хрупкой поздней снежинкой
жизнь твоя, мама,
над очагом...

Монолог Вийона

Полночь пройдет – я пускаюсь в дорогу.
Вы же таитесь, сопя, в своих норах,
В царстве пылающих люстр и окон,
В недрах своих хрусталей и фарфоров.

С ношей грехов своих, мыслей нечистых
Спешите спастись от призраков ночи,
Не слыша в упор, как кто-то насвистывает
Лихую балладу у грязной обочины.

Взгляды замечутся, липким удушьем
Страх полуно́чный подступит к горлу.
Сны преисполнятся кровью и ужасом
В пыльной луной озаряемом городе.

Все здесь мое: эта ночь, это небо,
Звезды и тучи – по вышним законам!..
Кто, как не я, прочитать вам сумеет
Строки, что врезаны в сердце Вийона?..

Пил я и крал, дебоширил и дрался,
Но различал плач цветка, шепот снега...
Все забирайте земные богатства,
Мне же оставьте лесенку в небо!..

Ночь

Тяжесть слезы на бессонных веках
В стопке томов на столе невысоком –
Байрон, Вольтер... И проходит вечность
В спорах с собою, ночью и Богом.
Тишь ожиданья сродни медитации,
Думать о будущем, как о чуде...
Но в новом веке, увы, копаться
Ученый в тетрадях твоих не будет.
Не быть тебе улицей мемориальной,
Бюстом вблизи городского фонтана.
Тихо в свой срок ты с земли этой стаешь
Как мартовский снег под весенним туманом.
Ты, посещавший не раз Голгофу,
От ран исцелился в дали необъятной.
Но так не хватает шагов твоих городу –
Сбивчивых, вечно спешащих куда-то...

Парадокс

Ни грана доброты вокруг,
Ни сострадания, ни чуда...
– Цивилизация, мой друг!
Цивилизация – повсюду!.

Мигрантка

Магнитофон, приглушённый свет,
Безумная пляска гибкого тела...
Когда мы расстанемся, этот вечер
Мне вспомнится –
Фантасмагорией, сном
С непостижимым его естеством,
С его подозреньями и прозреньями...
Ты жарко доказываешь:
Галактион значительней
И Элюара, и Блока –
Я слушаю без возражений.
Смеешься в венце сигаретного дыма –
Так молода, так страстна и красива,
Что страшно боюсь хоть чем-то нарушить
Адскую эту твою красоту...
Рассудит пусть прошлое
Наши споры –
Там, где над школьной истертой партой
Стыдливо склонились твои косички;
Там, где отец мой бредет с покоса,
Серп тяжелый зажав в ладони...
...А ты,
Проснувшись от рева машин за окном,
Вспоминаешь – деревню... мать...
И подросшие травы
На месте тех встреч?..

В гостях

Я понимал без слов твои речи,
А гости поглядывали на двери,
Не замечая ослабшие плечи,
В бледность лица твоего не веря.

Где-то поезд кричал тревожно,
Путник брел по снежной пустыне.
А здесь на ковре хозяйская кошка
Нежилась томно рыжей шахиней.

Кричащие краски – по нервам током,
Заморской люстры венец слепящий...
И бились снежинки, как пьяные, в стекла,
Из тьмы январской несясь леденящей.

* * *

Жили и жили вдали друг от друга
Дни и недели, и долгие годы
Чем же развлечься теперь на досуге?
Чашечка кофе тоски не разгонит.
Пусть же шампанское вспенится пышно,
Так, чтоб поверили мы, что сначала
Можно прожить – без метаний и шишек,
Просто и ясно, светло и печально.
Оба поверим мы этой химере...
Только вот прошлое встанет у двери
И никуда не уйдет этой ночью.
Сплетня по вѐтру вьется лисицей.
Тени длиннее, а жизнь все короче –
С нас облетают янтарные листья...

* * *

Ночь облаками рассветными тает.
Мост паутинкой блеснет над ущельем.
А я безо всякого права, втайне
Воспоминанья той ночи лелею.

А ты – с волосами, полными ветра,
Спешишь с оглядкой улицей длинной.
Ждет тебя дома муж, добрый и верный,
А во дворе – смех и лепет сына...

Август

Ты шел по улице, а вслед
Девичий смех кропил асфальт.
Жара застлала целый свет,
Обвисли листья пыльных пальм.
Ты брел в закат... Девичий смех
Волною затоплял асфальт.

* * *

Умер тот, кто вчера еще верил:
Он – небу ровня (а может – и выше).
Траурным крепом украсились двери,
Стала крышкою гроба – крыша.
Кто-то надгробную речь начинает,
Своим чередом продолжается тризна...
Покойник смирно лежит, наблюдая
Вечное действо прекрасной жизни.

* * *

А помнишь ту ночь
после вашей свадьбы,
когда мужу стихи
почитать ты решила?
Как он тогда
повернулся на́ бок
и засопел
через полминуты?..
Ты встала,
надела девичье платье
и, сдернув с пальца кольцо,
стала плакать...
И захотелось тебе
на волю –
в поле, полное жарких ромашек,
где нету серых коряг
и бурьяна...

...А нынче
ворчишь под нос
беспрестанно,
с утра затеявшись
с нудной стиркой
и тысячей прочих забот домашних,
не замечая,
как тяжко и грозно,
верблюжьей поступью
тени сгущая,
к тебе приближается
Вечер Жизни.

Привычка

Привыкаешь, как к камере узник,
К небу низкому, к жизни узкой.
К этой провинции, скукой скомканной,
К скорлупке квартиры (третьей с угла),
Привыкаешь – как к доброй знакомой,
К гильотине письменного стола...

Перевод Алины ТАЛЫБОВОЙ

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

Р А С С К А З Ы

На обочине

На обочине жизни каждый оказывается по-разному, хотя надо признать, что обстоятельства, этому сопутствующие, в основном у всех до боли схожи, как правило, детерминированные нуждой, известными жизненными неурядицами, болезнями, семейными трагедиями, горем, неудачами, внутренним надломом и так далее. Идущему по жизненному пути человеку нельзя зарекаться от места на обочине, ибо она всегда рядом с обеих сторон дороги, и любое неловкое движение и сильное отклонение вправо либо влево опасно, так как путник неизменно оказывается на краю. Процесс схода с жизненной дистанции у одних проходит постепенно, незаметно и буднично, у других он сопряжен с резкими, неожиданными вызовами судьбы и неспособностью им решительно противостоять. В итоге те и другие пополняют ряды маргиналов, гибнут от депрессии, кончают жизнь самоубийством, поскольку она теряет для них всякую привлекательность.

...Гамид Азимов оказался на обочине как в переносном, так и в прямом смысле этого слова, и перебивался так уже на протяжении нескольких лет. Каждое утро он с инструментами в руках приходил на так называемую «биржу труда», пристроившуюся у широкого шумного шоссе, ведущего к выезду из города, и покорно, со стоическим терпением ждал своего шанса получить работу и деньги на «поддержание штанов». Здесь, на небольшом пятачке, у грязной, обдуваемой всеми ветрами кирпичной стены невзрачной, обветшалой двухэтажной постройки, среди редких, с искривленными стволами полузасохших сосен собирались несколько десятков таких же, как он, безработных. Это были мужчины самого разного возраста, готовые за мизерную плату браться за любое дело, будь то строительные, ремонтные работы, уборка территории, погрузка и вывоз мусора, уход за дачными участками, рытье фундаментов и траншей. Среди них были профессиональные каменщики, штукатуры, маляры, столяры, электрики, сантехники, получившие свои специальности еще в советские годы, обучаясь в профессионально-технических училищах, и имевшие соответствующий стаж и опыт работы. Но большую часть составляли те, кто ничего не умел делать и готов был подрядиться разнорабочим, дворником, грузчиком, сносить старые постройки, чистить от бытового мусора и прогнившего грунта затхлые, подтопленные подвалы, мыть автомашины.

Публика была разношерстной, шумной, беспокойной, разбавленной немалым числом бывших зэков, а также приехавших в город на заработки деревенских парней. Часть из них появлялась и спустя какое-то время быстро исчезала, разочаровавшись в потенциальных возможностях «биржи», и, ища лучшей доли, неизбежно скатывалась к криминалу, надеясь на фартовую возможность «поймать ветер в паруса».

Но подавляющее большинство, как и Гамид, с завидным упорством, отчаянной настойчивостью и покорностью судьбе ежедневно приходило сюда в надежде, нервном ожидании зыбкого шанса на удачу. В таком ожидании они нередко безрезультатно проводили целые дни. Вечером унылые, усталые, расстроенные и полуголодные медленно расходились по домам, а поутру, едва забрезжит рассвет, снова занимали свои места на обочине дороги в расчете хоть на какой-то заработок.

Появление любого работодателя вызывало у них сильнейшее оживление, прилив оптимизма и надежду. Они вскакивали с мест, окружали его тесной толпой и, не вникая в характер и суть предстоящей работы, наперебой предлагали свои услуги, гарантируя отличные результаты работы.

За время сидения на «бирже» у работяг, как они себя сами называли, происходили стихийные объединения в группы, небольшие бригады, и они неторопливо коротали время, беседуя на самые разнообразные темы, делились новостями и принесенными с собой скромными съестными припасами. Среди этой общности невольных обитателей обочины можно было встретить представителей разных слоев социума, уровня образования, профессий и должностей, к которым, подразумевалось, естественно и само собой добавлялось слово «бывший».

Здесь были инженеры, агрономы, учителя, станочники высших разрядов, моряки, телеграфисты, медики и даже музыканты. Рассказывая о себе, иные из них поначалу пытались бравировать, держаться независимо, даже с некоторой удалью, всем своим поведением давая понять собеседнику, что воспринимают свое нынешнее плачевное положение как временное недоразумение, другие больше отмалчивались, не скрывая пессимизма по поводу своей будущности, и глаза их изредка загорались лишь когда заходила речь о прошлом и прежней работе.

Новички адаптировались здесь по-разному, но особенно тяжело приходилось интеллигентам. Обычно они чувствовали себя неловко, скованно. Несомненно, решение прийти сюда далось им в нелегких, длительных раздумьях. Они были заметно погружены в свои внутренние глубокие переживания, ибо их не покидали безрадостные мысли о безусловной и неоспоримой униженности своего нынешнего безотрадного, критического положения. Они настороженно всматривались в своих товарищей по несчастью, пытаясь осмыслить и понять структуру взаимоотношений новой для себя социальной группы и правила ее существования.

Гамид считался здесь уже старожилом, но первые дни пребывания на «бирже» помнил отчетливо, они накрепко врезались в его память тяжелым чувством безысходности. Его, лишившегося работы после закрытия конструкторского бюро и находившегося на крайней стадии выживания, кое-как перебивавшегося случайными заработками, уже охваченного отчаянием от безденежья, привел сюда сосед по двору, Узеир, с которым он, случайно встретившись и разговорившись, неожиданно для себя поделился трудностями, посетовав, что, не имея состоятельных родственников и влиятельных знакомых, трудоустроиться на государственную службу ему просто невозможно.

Узеир сочувственно выслушал его и без обиняков предложил свою помощь. Бывший прораб, он довольно сносно владел несколькими строительными специальностями и сумел сгруппировать вокруг себя небольшую дружную бригаду. Добросердечный, общительный, коммуникабельный, добросовестный Узеир приобрел на «бирже» определенный авторитет, оброс знакомствами и кругом клиентов. Его небольшая сплоченная бригада состояла из людей, волею случая ставших строителями,

трудилась на совесть, выкладывалась по полной программе, чтобы избежать малейших нареканий даже от самых привередливых работодателей, да и самим им не хотелось ударить в грязь лицом перед зарвавшимися нуворишами, кичившимися своими несчитанными деньгами и безнаказанно изгалявшимися над беззащитными рабочими. Для них было обычным делом придираться, выискивать причины и поводы для отказа честно оплатить выполненную работу или, как минимум, в разы снизить оговоренную ранее цену.

– С «биржи» не разбогатеешь, но и с голода не помрешь, – подбадривая товарищей, часто говаривал Узеир. – Главное, ребята, не унывать, не падать духом, семью надо кормить при любых условиях. Поэтому и приходится нам терпеть несправедливость, на многое закрывать глаза. Куда денешься? У меня на руках трое детей, надо поставить их на ноги. Не может быть такого, чтобы трудовой человек остался без куска хлеба, терпение и труд все перетрут.

Мягкий, покладистый по натуре Узеир никогда никого не обделял, не хитрил, более того, в случаях, когда клиент откровенно жульничал и по какой-то вымышленной причине, якобы, выявленным недостаткам в работе, рассчитывался не полностью, по возможности старался покрыть недостачу из части непосредственно своего заработка.

Проработав определенное время подсобным рабочим, Гамид старательно наращивал свои навыки, исподволь освоил малярное, штукатурное дело, научился укладывать кафель, устанавливать сантехнику и так далее. Постепенно он втянулся в новый для себя трудовой ритм, привык к статусу обездоленного человека, вынужденного с готовностью браться за любую работу и вкладывать в нее свое здоровье и силы при отсутствии малейших юридических гарантий и элементарной правовой защиты от недобросовестных работодателей.

К сожалению, зачастую приходилось сталкиваться с недобросовестными клиентами, уходить не солоно хлебавшими. Но другого выбора у них просто не было. Даже в этих, порой невыносимых, условиях зарабатывать на хлеб можно было, и прожиточный минимум, в основном, себе обеспечивали, а порой случалось что-то откладывать на черный день. Как-то удалось выполнить подряд несколько хороших заказов, но когда, казалось, дела пошли на лад, можно было вздохнуть с некоторым осторожным оптимизмом и увидеть свет в конце тоннеля, все рухнуло.

Беда пришла в виде безобразно толстого и лысого работодателя в бежевом шелковом костюме, задумавшего капитальный ремонт своего трехэтажного коттеджа в приморском поселке. Признаться, они здорово обрадовались. Работа предстояла большая, на длительный период, и можно было рассчитывать на стабильный ежемесячный заработок.

Надо ли говорить о том, с каким энтузиазмом они взялись за эту работу. Нельзя было ударить лицом в грязь, более того, уже в процессе работы к ним подходили состоятельные владельцы соседних особняков и, одобрительно поглядывая на качество развернувшегося ремонта и сноровистые действия бригады, прозрачно намекали на возможность заказов с их стороны.

Шло время, работа подходила к завершению. Сказывалась накопившаяся сильнейшая усталость от каждодневной двенадцатичасовой смены, но у членов бригады было приподнятое настроение, даже несмотря на то, что хозяин коттеджа по различным причинам постоянно беспричинно придирался, не доплачивал оговоренную ранее зарплату, клятвенно обещая восполнить все при окончательном расчете.

И когда этот долгожданный день настал, никто не мог предположить, что он закончится так трагически. Гамид невольно оказался свидетелем этого события. Лысый толстяк прибыл под вечер на двух внедорожниках в сопровождении водителя и нескольких охранников. Вместе с ними он неторопливо, с недовольной гримасой обошел все помещения коттеджа и спустился во двор, где рабочие укладывали инструменты и сносили в подсобку оставшиеся стройматериалы.

Узеир стоял неподалеку и, увидев его, толстяк заорал во весь голос и стал нещадно ругаться. От него за версту несло неприятным, смешанным запахом спиртного и жареного мяса. Он едва стоял на ногах, будучи в сильнейшем подпитии.

– Ты оказался мошенником! За такую отвратительную работу никто не дал бы тебе и копейки! За что я тебе должен платить? Мне все придется ломать и переделывать! Я из-за вас только время потерял.

Узеир молчал, понимая, что кроется за такой выходкой хозяина. Он просто не хочет платить. Возражать было бесполезно и даже опасно. «Биржа» их многому научила, но каждая такая несправедливость по-своему потрясала, к этому невозможно было привыкнуть, тем более, что нынешний работодатель при каждом удобном случае заверял, что никогда не позволит себе обидеть рабочего человека.

Заказ был большой, они трудились на этом объекте более двух месяцев, получая сущие гроши, и ущерб от систематических недоплат для каждого выливался в круглую сумму, на которую они так уповали, обсуждая свои семейные бюджеты и грядущие расходы.

Гамид замер в тревожном оцепенении, глядя на разворачивающуюся перед ним унизительную сцену. Ему от всей души было жаль Узеира. Кровь прилила к лицу, бешено забилось сердце в предчувствии неминуемой беды. На память пришел их недавний разговор, касавшийся хамского поведения некоторых хозяев. На сочувственные слова «Как только ты это терпишь?» Узеир тогда кротко улыбнулся и ответил с тоскливой обреченностью: «Не знаю».

И сейчас, глядя на него, Гамид хотел крикнуть: пойдем отсюда, ну их к черту, с их деньгами.

Разбушевавшийся хозяин, картинно размахивая руками, разыгрывал справедливое негодование, и осыпал бригадира отборной, площадной бранью. Вдоволь наоравшись, он внезапно умолк и, набычившись, уставился на Узеира, ожидая от него просьб и извинений, но тот молчал, глядя ему прямо в глаза. На лице Узеира не дрогнул ни один мускул, в глазах светилось спокойное презрение. Хозяин понял, что извинений и просьб он не услышит, и это его еще больше разъярило.

Видно было, что толстяк уже потерял всякий контроль над собой. Став жертвой собственной жадности, он выглядел довольно жалко даже перед своим окружением, понимавшим, что именно она была причиной его надуманных претензий к строителям и устроенной отвратительной сцены. Выхватив из кармана пачку денег, он со словами «Убирайся отсюда, пока жив!», размахнувшись, со всего маха швырнул ее к ногам Узеира.

Он жаждал унижения, ожидая, что бригадир наклонится и примется собирать разбросанные купюры. Но жестоко ошибся в своих предположениях. Узеир, не двигаясь, не проронив ни звука, пристально, с неприкрытой неприязнью, презрением смотрел на изгалявшегося толстяка, явно опьяненного своей безнаказанностью, потом перевел взгляд на растерянные лица своих товарищей по бригаде. Очевидно, решение далось ему непросто, но он пришел к нему, преодолев всякие колебания.

Вздохнув всей грудью, Узеир приподнял голову, шагнул, наступив на лежавшие у его ног банкноты, и, не оглядываясь, твердой походкой пошел со двора.

Он уже был за воротами, когда опешивший от его поступка хозяин сначала было рванулся вслед за ним, а затем вернулся, упал на колени и, стоя на четвереньках, стал быстро и суетливо собирать деньги, зло крича охранникам:

– Что смотрите? Дайте ему хорошенько, чтобы запомнил на всю жизнь!

Гамид побежал следом, чтобы остановить парней, предотвратить расправу, взывал к совести, жалости, пытался прикрыть товарища, но, получив несколько сильнейших ударов руками и ногами в голову и лицо, потерял сознание.

С Узеиром он увиделся спустя полтора месяца, навестив того в больнице. Лечащие врачи были откровенны, шансов очень мало, если и выживет, останется инвалидом. Но Узеир не выжил. Его друзья и родственники около полугода обивали пороги разных высоких инстанций в безуспешных поисках справедливости. Дело закончилось ничем, только навлекли на себя кучу неприятностей. Их еще обвинили, что строители были пьяны и подрались между собой, получив расчет и поссорившись во время дележа денег.

С тех пор Гамид, оставшись один, напрочь ушел в себя. В надежде заработать на хлеб насущный, он по привычке, чисто механически, как заведенный продолжал каждое утро приходить на «биржу» в спецовке и с инструментами в руках, и в течение дня безучастно, с отстраненным видом сидел на самом ее краю, как ни странно, вовсе не огорчался, оставаясь не у дел, и абсолютно не вникал в происходящее вокруг. Обычно он автоматически здоровался, односложно отвечал на вопросы, а чаще всего молча согласно кивал или отрицательно качал головой, обозначая тем самым свою реакцию на услышанное. Он явственно, до боли остро ощущал, как бесповоротно слабел его истощенный организм, как неудержимо таяли нравственные и физические силы.

Утром Гамид мысленно торопил время в нетерпеливом ожидании, когда пройдет день и наступит вечер, а ночью жил в страшном и тревожном ожидании прихода нового дня. Он тяжело болел, сильно похудел, оброс, у него непрестанно болели голова и грудь, но денег на лечение не было.

Гамид и не думал о лечении, давно смирившись с мыслью о скорой смерти, и безропотно, покорно ждал ее на обочине.

Дача у моря

Эта дача, а вернее, небольшой участок в пять соток земли, саманный двухкомнатный домик с плоской крышей и пристроенной деревянной верандой, расположилась в непосредственной близости от моря и входила в число самых старейших в прибрежной зоне. Ее в начале двадцатых годов своими руками построил дед Акифа, трудившийся на первых нефтепромыслах Абшеронского полуострова и впоследствии активно участвовавший в освоении известных на всю страну «Нефтяных Камней».

Детские воспоминания Акифа были неразрывно связаны с этим уютным уголком природы. Здесь семья обычно проводила летний период. Отсюда всегда было хорошо видно море, чувствовалось его дыхание, постоянно доносился шум волн.

Отец Акифа, окончив Институт нефти и химии, так же, как и дед, всю жизнь до-

бывал нефть. Оба они мечтали, чтобы их сын и внук продолжил трудовые традиции семьи, стал инженером-нефтяником. Но парень, с детства влюбленный в море, поступил в мореходное училище, по окончании которого получил направление в Каспнефтефлот. Таким образом, он теперь так же, с полным правом, мог называть себя нефтяником, ведь экипажи многочисленных судов были непосредственными участниками процесса нефтедобычи на Каспии.

За годы работы штурманом, а потом и капитаном на различных судах его любовь к морю еще больше окрепла. Он сроднился с ним, понимал его и, сходя на берег даже на непродолжительное время, успевал соскучиться по нему, иногда ласковому и приветливому, иногда грозному и свирепому, но всегда желанному.

При большой загруженности на работе он, тем не менее, все эти годы старался по возможности не забывать про дачу, выбираться туда, как-то поддерживать в ней жизнь, не допускать запустения. Обычно летом отправлял туда отдыхать семью.

Уйдя на пенсию, Акиф предложил жене оставить квартиру сыну, а самим перебраться на дачу и там вдвоем, в загородной тиши, доживать свой век. Она с готовностью согласилась, тем более, что внуки подросли и вшестером в двухкомнатной квартире было тесновато.

Переехав на дачу, Акиф, засучив рукава, принялся за дело. Подремонтировал дом, собственноручно покрыл крышу толем, заменил рамы, подправил забор. Жена с удовольствием занималась огородом и садом, завела несколько курочек. Вместе восстановили маленький старый бассейн, запустили в него золотых рыбок.

Жизнь забила ключом. Откуда ни возьмись, во двор заявился крохотный рыжий котенок, а затем, сам собой, «на огонек» приблудился забавный черненький щенок с трудно определяемой породой, но с общительным и веселым характером. Отказать такому в гостеприимстве было просто невозможно. На вопрос жены, какой он породы, Акиф только развел руками и с деланной серьезностью ответил:

– Я полагаю, чистокровный двортерьер.

– В таком случае, он нам, безусловно, подойдет, – в тон ему ответила жена.

Новые постояльцы быстро освоились, прекрасно поладили между собой и своим присутствием заметно оживили обстановку. Хозяева по обоюдному согласию котенка нарекли Рыжиком, а щенка Чернышом.

Так и зажили они со своими маленькими питомцами, от души наслаждаясь уютом, покоем, размеренным ритмом жизни, отгородившись от всего того, что происходило за забором их дачки у моря.

Несколько лет пролетело в обычных повседневных житейских хлопотах, каждодневной работе по хозяйству. Дачка буквально расцвела под их трудолюбивыми, заботливыми руками, радовала глаз ухоженными фруктовыми деревьями, зеленым огородом, огромным количеством цветов. И они оба не могли нарадоваться на результаты своего труда. Садик и огород вносили существенную добавку в их скромный рацион, а курочки исправно несли яйца, так что пенсии хватало.

Часто, сидя на веранде и вглядываясь в плещущее рядом море, Акиф горячо благодарил судьбу за спокойную старость, крышу над головой, скромный достаток и предоставленную возможность каждое утро, выйдя из дома, ступить ногой на землю и увидеть любимый Каспий.

Но беда грянула неожиданно, откуда ее не ждали. Она объявилась в обличье неизвестно откуда появившихся покупателей их дачи.

Внимательно выслушав незваных гостей, Акиф ответил категорическим отка-

зом. Само их предложение его откровенно покоробило. С чего они решили, что его дачу можно купить? Он не давал объявлений, ни с кем на эту тему даже речи не заводил, не обсуждал.

Едва неприятные визитеры ушли, как в ворота вновь постучали. Это был не на шутку встревоженный сосед Муса. От него Акиф узнал, что уже на нескольких дачах побывали эти подозрительные, хамоватые пришельцы, делая всем аналогичные предложения.

Оказывается, некое сановное лицо приобрело здесь недавно участок скончавшегося старого рыбака Гусейна и задумало построить роскошный многоэтажный загородный дом с гаражами, пятидесятиметровым бассейном, зверинцем с экзотическими животными, вольерами для сторожевых собак и причалом на берегу. Поделившись тревожными новостями и некоторыми подробностями происходящего, Муса с потерянным видом попрощался и ушел.

Проводив его, Акиф нервно закурил и надолго задумался. Услышанное ему очень не понравилось и насторожило. Ранее он уже имел хоть и небольшой, но печальный опыт общения с нуворишами, от амбиций и наглости которых возникает масса проблем и неприятностей в городе. Теперь они и сюда добрались, – с горечью думал он. С этого момента в душе прочно поселилась какая-то неясная тревога, не покидавшая его даже во сне.

В том, что покоя не будет, он не ошибся. С раннего утра и до позднего вечера он был обречен слушать шум стройки, урчание бульдозера, гул экскаватора, бесчисленных самосвалов, дробь отбойных молотков, визг электропил. Над дачей поднимались густые облака пыли, клубы песка и цемента. Еще бы, в паре сотен метров развернулось грандиозное строительство, бесцеремонно вторгшееся на этот небольшой, любовно ухоженный, утопающий в зелени клочок земли у кромки моря, безжалостно разрушая сложившийся на нем за десятки лет размеренный уклад жизни.

Под его натиском, подвергаясь немыслимому шантажу и угрозам, люди, доселе решительно заявлявшие, что ни при каких обстоятельствах не оставят свои, выстроенные их предками дома, долго не выдерживали. Один за другим они продавали свои участки и домики вездесущим представителям неведомого им олигарха. В сердцах проклиная его, со слезами на глазах прощались с дорогими их сердцу местами, где жили гостеприимно, хлебосольно и дружно их отцы и деды, не закрывавшиеся от людей шлагбаумами, высоченными стенами, массивными воротами, сторожевыми псами и озлобленными на весь свет охранниками, жестоко расправлявшимися со случайно забредшими на подведомственную им территорию собаками и кошками.

Акиф не заметил, как его беззащитная дачка осталась один на один с растущим ввысь и вширь многоэтажным монстром, обступавшим ее с трех сторон. Колодец с чудесной сладкой водой, которым он так дорожил, внезапно высох. Окончательно нарушилось газоснабжение, постоянно отключалось электричество.

В один из дней его снова навестили посланцы нового соседа. На этот раз это были другие трое. Вели себя не так развязно и напористо, но с прежней настойчивостью предлагали продать дачу. Более того, заговорили о возможности обмена дачи на другую, либо на квартиру. На его отказ тоном, не предвещающим ничего хорошего, посоветовали не торопиться, подумать еще с неделю, и с тем, не попрощавшись, ушли.

Не оставалось сомнений в намерениях их хозяина добиться своего любой ценой. Еще приобретая первую дачку, он был уверен, что без особого труда завла-

деет всем приглянувшимся ему прибрежным участком и станет обладателем окрестной земли.

Дни потянулись медленнее, чем обычно. Акиф понуро слонялся без дела, невольно вслушиваясь в шум стройки. Заниматься хозяйством не хотелось, руки не поднимались, но он надеялся, что это состояние все же пройдет.

В субботу вечером неожиданно приехал сын, с лета ни разу не появлявшийся на даче. Выглядел он расстроенным и после обычных приветствий неуверенно завел разговор о даче, смущенно посоветовав родителям согласиться продать ее.

– Как это согласиться? – опешил от неожиданности Акиф. – Что ты такое говоришь, сынок?! Здесь почти сто лет жили твои предки! И ты считаешь возможным все это отдать на уничтожение?

– Да, другого выхода я просто не вижу, – ответил, потупясь, сын. – Пойми, отец, эта публика пойдет на все, ни перед чем не остановится. Они считают себя хозяевами жизни, привыкли получать и брать все, что захотят. Подумай, сколько людей уже уехало отсюда не по своей воле. Уступили вынужденно, под сильнейшим давлением, побоялись ввязываться в неприятности. Сегодня посланцы этого бандита были у меня на работе. Мое руководство после их визита разнервничалось и откровенно посоветовало мне убедить тебя не упрямиться. Посетители пожаловались, что мы, якобы, хотим нажиться и набиваем цену. Видишь, как все разворачивается?

– Так значит, если я не хочу расставаться с землей и домиком деда и отца, я шантажист и спекулянт? – не сдержавшись, вскочил со стула Акиф. – Так или нет?

– С их слов выходит так. Они сказали, что у них есть несколько выгодных для нас вариантов, но мы спекулируем, – ответил сын.

– Выгодные варианты? – возмутился Акиф. – Продать отчий дом, в котором провел почти всю жизнь, и идти неизвестно куда, потому что разбогатевшая сволочь, награбившая криминальные миллионы, присмотрела это место! А кто им дал право заявляться к тебе на работу? С какой стати твое начальство их приняло?

Не в силах преодолеть охватившую его нервную дрожь, Акиф вышел из комнаты. На том беседа и завершилась.

А наутро он проснулся от сильного грохота. Выбежав во дворик, оцепенел, увидев обрушившуюся стену своей дачи, завалившую при этом вольерчик для кур. Вокруг того места, истошно лая, метался Черныш. Словно очнувшись, Акиф бросился туда и едва сдержал слезы при виде раздавленных тяжелыми кубиками кур. Бульдозер на той стороне продолжал, как ни в чем не бывало, разравнивать землю. Подозвав к себе Черныша, Акиф отправился на поиски Рыжика, но они оказались безрезультатными, тот исчез. Что делать? Жаловаться на бульдозериста бессмысленно, человек он подневольный, заставили, сделал. Несомненно, таким же подлым приемам подверглись и другие соседи, в одночасье ставшие заложниками ситуации с уголовным подтекстом. Значит, кому-то можно вот так, по своему усмотрению, решать шкурные интересы. Безнаказанно и нагло попирать интересы других людей, более того, распоряжаться их судьбами, посягать на их благополучие, а если потребуется, и на их жизни. Ведь не зря судачили, что старый Гусейн не случайно умер скоропостижно, при загадочных обстоятельствах.

Акифу было нестерпимо осознавать свое бесправие, он знал, что никогда не сможет смириться с унижениями, каким его подвергли на старости лет. Понимал, что жить с этим будет невыносимо тяжело и оскорбительно.

Беспорядочные мысли лихорадочно роились в голове, и он неимоверным уси-

лием заставил себя выйти из охватившего душу отчаяния и сосредоточиться. Он для себя давно уяснил, что в ни в коем случае нельзя поддаваться паническим настроениям, и все следует делать спокойно и взвешенно. Надо было, как не раз случалось в сильнейший шторм, спасая судно и экипаж, действовать четко, решительно, с осознанием полной ответственности.

Приняв решение, он сделал свой выбор и сразу ощутил прилив сил. Позвонив сыну, сообщил о согласии продать дачу как можно скорее, попросил жену начинать сбор вещей и готовиться к отъезду. Бедная женщина понимающе кивнула, давно смирившись с таким исходом. Тем временем Акиф выпустил воду из бассейна, выловил рыбок и отнес их к давнему приятелю, проживавшему в другом конце поселка.

Во второй половине дня приехал сын, с ним был один из представителей покупателя, предупредительно прихвативший нотариуса.

На заключение сделки ушло несколько минут. Не вникая в содержание документов, Акиф подписал их, не глядя, и отстраненно наблюдал за сбором нехитрого скарба. Через какое-то время прибыл автофургон с грузчиками, и все было кончено.

Домик опустел и смотрелся сиротливо и жалко. Акиф обнял заплаканную жену, передал ей притихшего, напуганного Черныша, потом, ободряюще улыбнувшись сыну, сказал, что приедет завтра утром на автобусе, сославшись на необходимость завершить дела по хозяйству и попробовать отыскать Рыжика.

После их отъезда неторопливо обошел всю округу в поисках кота, но опять его усилия не увенчались успехом. Прощаясь, Акиф прошелся по дворику, постоял у каждого дерева, словно прося у них прощения. Затем долго сидел на веранде, погрузившись в воспоминания и неотрывно глядя в сторону темнеющего моря, которое казалось ему таким же, как и шестьдесят лет назад, когда он был мальчишкой.

Задул легкий влажный ветерок, и в лицо пахнуло неповторимым морским воздухом с едва ощутимым ароматом водорослей. Чуть позже стал доноситься едва слышный плеск волн. Море излучало спокойствие, завораживая своим величием и таинственностью. Старый моряк с замиранием сердца слушал его ровное дыхание.

Неумолимо надвигалась ночь, и дорожка лунного света опустилась на почерневшую воду от самого берега до невидимой глазу дали.

Акиф неспешно, с удовольствием выкурил сигарету. Пора было уходить, и он присел помолчать перед дорогой. Так всегда они делали перед уходом в море, когда его провожали мать и жена. Аккуратно прикрыв входную дверь, он низко поклонился опустевшему дому, медленно ступая, вышел за ворота. Помедлив секунду, остановился, постоял, а потом решительно ускорил шаг, ни разу не обернувшись.

Он шел по до боли знакомой дороге навстречу родному морю, на темной ночной воде которого призывным указателем лежала яркая дорожка лунного света. Ночное море, приняв его, стало волноваться, напряглось своими свинцовыми волнами, готовыми разом взорвать тревожную предштормовую тишину.

…Маленькая черная собачка Черныш нервно повизгивала всю дорогу до города, а в чужом для себя доме сразу забилась в дальний угол и, не двигаясь, тихонько лежала до поздней ночи, не притронувшись к пище. Но в какой-то момент, около полуночи, она вдруг неожиданно жалобно заскулила и, подбежав к входной двери, стала биться об нее всей силой своего крохотного тельца. Ее сразу выпустили на балкон, чтобы успокоилась. Она выскочила туда, как обезумевшая. Вверху, на огромном небе, светила холодная беспристрастная луна. Собачка, присев на задние лапки и глядя на нее, тоненько и протяжно завыла. Ее тоскливый жалобный голосок

потерялся в шуме бурной ночной жизни мегаполиса.

А море с поздней ночи начало штормить, оно в гневе бросало в атаку на песчаную отмель прибрежного участка свои суровые, пенистые, холодные волны.

Бульдозер выполнял свою разрушительную миссию с раннего утра. Он безжалостно, в считанные минуты, сравнял с землей домик, деревья и цветы, прошелся по ним гусеницами, уничтожив все свидетельства прежней жизни.

На месте старых дач разместилась огромная бетонно-мраморная глыба в несколько этажей с затемненными глазницами окон-витрин и несуразными кичливыми строениями вокруг. А в прибрежные воды далеко вторглась дамба, с которой было удобно стрелять дичь, расстреливать в упор беззащитную, ничего не подозревающую перелетную птицу и устраивать фейерверки.

И вся эта закрытая для нормальной жизни зона была окружена бесчисленными шлагбаумами, будками охранников и сторожевых собак, камерами видеонаблюдения, колючей проволокой на стенах каменного забора шестиметровой высоты. Хозяева сюда наезжали нечасто, так, на несколько часов, пострелять, устроить шумное застолье в кругу себе подобных, оглушить окрестности небывалым по силе фейерверком.

…Теперь уже никто, кроме седого Каспия, не помнил патриархального зеленого дачного абшеронского поселка, в котором долгие годы жили добрые люди, простые труженики, с уважением, любовью и заботой относившиеся друг к другу и окружающей их природе. А море ничего не забыло, горестно вздыхая, оно несло к берегу свои тяжелые, многовековые волны, варварски разрезанные многометровой бетонной дамбой по прихоти одного из новых хозяев жизни.

Милосердие выше справедливости

Начальник особой инспекции, полковник милиции Рагимов, невысокий, седовласый, с утомленным, бледным лицом, не перебивая, внимательно слушал подробный, обстоятельный доклад своего заместителя, подполковника Сеидова о результатах служебных расследований за истекшую неделю. По небольшому дорожно-транспортному происшествию с участием сотрудника милиции, нескольким фактам, связанными с различными нарушениями служебной дисциплины, требований устава, у него вопросов не было, но вот по материалу сокрытия преступления от учета он попросил дополнительных разъяснений.

– Кто проводил служебное расследование? – уточнил полковник.

– Капитан Гусейнов, – ответил заместитель и добавил, – он у нас давно по этому направлению специализируется. Гроза фальсификаторов, грамотный юрист с большим опытом практической работы на «земле», его, как говорится, не проведешь, всегда докопается до истины.

– Знаю, – одобрительно кивнул Рагимов, – он человек ответственный, принципиальный, бескомпромиссный к нарушителям. Правда, иногда даже чересчур жестковатый при принятии решений. Мне бы хотелось выслушать его самого, уточнить некоторые настораживающие детали. Передайте ему, пожалуйста, чтобы зашел ко мне со всеми имеющимися материалами. Налицо сокрытие факта госкражи. Дело серьезное...

Оставшись один, полковник расстегнул верхнюю пуговицу кителя, достал из

выдвижного ящика письменного стола целую груду таблеток, придвинул к себе стакан с водой. В последнее время его непрестанно тревожило сердце, все чаще давали о себе знать фронтовые ранения и тяжелейшая контузия.

Он глубоко, прерывисто вздохнул, стремясь унять участившееся сердцебиение, подумал, хорошо было бы, приняв лекарство, прилечь на какое-то время, перевести дух, но в этот момент раздался негромкий, настойчивый стук в дверь, и в кабинет со словами: «Разрешите, товарищ полковник?» вошел широкоплечий, коренастый крепыш лет сорока, капитан Гусейнов.

– Заходите, – отодвинув стакан в сторону, произнес Рагимов и указал офицеру на стул у приставного стола. Затем, взяв ручку, раскрыл свой служебный блокнот, надел очки и начал без раскачки.

– Что там у нас по Кировскому райотделу за сокрытие, расскажите поподробнее, странная какая-то история.

Капитан положил перед собой папку с документами, сосредоточенно углубился в свои записи и наконец, собравшись с мыслями, обстоятельно приступил к докладу. Чувствовалось, что готовился основательно.

– В общем, здесь все предельно просто, товарищ полковник. Даже, честно говоря, нечего рассказывать, – досадливо покачал он головой. – Мы досконально разобрались. Первого января сего года в суточном донесении Кировского районного отдела внутренних дел, поступившем в дежурную часть УВД города, сообщалось о краже продуктов из киоска в поселке Бинагады. Об этом происшествии утром сообщил сам киоскер. У него взяли заявление, оно тут же было зарегистрировано в установленном порядке, после чего его незамедлительно адресовали лейтенанту Аскерову для должного реагирования и осуществления необходимых мероприятий. Тот, в свою очередь, продержал это заявление у себя около двух недель, не дав ему законного хода. Таким образом, предусмотренные действия проведены не были, налицо сокрытие кражи от учета... Но что самое интересное, – капитан многозначительно поднял брови, – этот лейтенант полностью возместил киоскеру весь материальный ущерб, собственноручно вручив ему деньги.

– Как это возместил, и на какую сумму? – удивленно прервал капитана Рагимов.

– Без малого двести рублей.

– Довольно странный поступок, как это понять? Неужели он счел, что тем самым инцидент исчерпан, и тайное не станет явным, – нахмурился Рагимов.

– Так точно, товарищ полковник. Подобным образом он увел от уголовной ответственности преступника.

– Ну и ну, – многозначительно покачал головой Рагимов, – дожили. Гнать надо таких из органов. Получается, по его вине кража до сих пор не раскрыта?

– Как раз нет. Раскрыта, причем, в первый же день.

– А как удалось ее раскрыть?

– Там все улики, вещественные доказательства, свидетельская база были как на ладони, раскрыл ее тот самый Аскеров.

Полковник настороженно посмотрел на подчиненного:

– Что-то я не пойму? Тогда какой ему смысл было утаивать от учета раскрытое им же преступление, – повысил он голос. – Где логика?

– Логика очевидная, товарищ полковник, я же сказал, чтобы спасти от наказания преступника.

– Так неужели это сговор? – возмутился Рагимов.

– Никак нет, просто пожалел.

– Пожалуй, это что-то новое, из ряда вон выходящее, – раздраженно произнес полковник. – Сплошные загадки. Пожалеть преступника, совершившего кражу государственного имущества, и пойти на сокрытие. Иными словами, на тяжелейший должностной проступок, сопряженный с уголовным деянием. Сколько лет этому лейтенанту, что он вообще из себя представляет, какая у него выслуга, каков послужной список?

– Юнец, чуть за двадцать, служит второй год. В органы внутренних дел зачислен после службы в Вооруженных Силах. У него хорошие рекомендации. Характеризуется положительно, добросовестный, спокойный, уравновешенный, в компрометирующих и порочащих связях не замечен.

– Не замечен? – с негодующим видом переспросил Рагимов, пристально глядя на Гусейнова.

Капитан умолк, не решаясь продолжить доклад.

– Разве дело только в отсутствии компромата? А что у человека на душе, чем живет, к чему стремится, мы не знаем, вот почему и сталкиваемся иной раз с такими поступками, от которых голова кругом идет, – в сердцах повысил голос Рагимов. – Между прочим, я в возрасте этого лейтенанта уже прошел Сталинград, дважды был ранен. Головой отвечал за результаты выполнения боевых заданий, за жизнь каждого бойца своего взвода... – будто устыдившись своего эмоционального взрыва, Рагимов нервным движением снял очки, ненадолго погрузился в молчание, а потом вновь обратился к Гусейнову – Так кто же совершил кражу? Какова фабула?

– Пятнадцатилетний пацан из многодетной семьи. Поздней ночью ломиком сорвал висячий замок на двери киоска и вынес продовольственные товары, в основном, сладости, в нескольких коробках.

– Выходит, это квалифицированная кража с проникновением на объект, – уточнил полковник.

– Именно так.

– И как же она была раскрыта этим лейтенантом?

– Проще простого. Все похищенные конфеты, вафли, печенье, шоколад и тому подобное утром первого января оказались у поселковой детворы в виде новогодних подарков от Деда Мороза. По дворам валялись обертки, а у детишек полные карманы сладостей. Так что там все было в условиях полнейшей очевидности, в том числе и имя незадачливого Деда Мороза.

– Вот как? А кто родители у этого лихого Деда Мороза, а вернее сказать, новоявленного Робин Гуда?

– Отец инвалид, вернулся с фронта без ног. Мать – уборщица на заводе, и еще в нескольких местах частным образом подрабатывает. Этот пацаненок у них в семье самый младший. За отцом ухаживает, матери помогает. С виду маленький, худенький. Думаю, лейтенант их просто пожалел. Я досконально, тщательно проверил, Аскеров парень честный.

– Подожди-ка, ну что значит – пожалел? Он что, не понимает, что совершил должностное преступление и за это может быть привлечен к уголовной ответственности? Ты хоть объяснил ему, что в лучшем для него случае он подлежит увольнению из органов внутренних дел, причем, с позором.

– Разумеется, объяснил.

– И что, как он отреагировал, надеюсь, он понял?

– Да, он полностью признает свою вину.

– Попробовал бы отрицать, – саркастически усмехнулся полковник и, помолчав с минуту, добавил: – Оставь пока у меня все материалы твоего расследования, я почитаю объяснения, вникну в обстоятельства дела. Все-таки странный случай, с подобным сокрытием я не встречался. Мальчишество и глупое озорство одного, помноженные на безответственность, мягкотелость и непрофессионализм другого, создали нелепую ситуацию. И каково твое заключение, каковы выводы?

– Материалы передать в дознание, а лейтенанта представить к увольнению из органов МВД в связи со служебным несоответствием и допущенными грубыми нарушениями социалистической законности, норм уголовно-процессуального кодекса. Признаюсь, товарищ полковник, с более курьезным и наивным сокрытием мне за мою практику сталкиваться не приходилось, сплошное недоразумение и только.

Полковник слушал, не перебивая, тихонько постукивая ручкой по блокноту, и капитан продолжил:

– Аскерова хвалят как сослуживцы, так и жители поселка. Уважительный, интеллигентный, дисциплинированный, но несколько странный, ходячее ЧП. Я считаю, не место ему в органах, не выйдет из него настоящий милиционер, на гражданке ему самому будет лучше и легче. Наша служба не каждому по плечу. Сложно его понять! Ведь подумайте, у него не было никакого личного интереса, корысти, умысла скрывать преступление. Если бы он преследовал какие-то дурные цели, то, на худой конец, мог взять, к примеру, встречное заявление у киоскера после того, как вручил ему деньги. Предложил бы ему написать, что произошла ошибка, пропажу, мол, позже обнаружил в подсобке. Коробки накануне впопыхах не туда запихнул и запамятовал. Я больше, чем уверен, что тот бы не отказался, тем более, что ущерб ему был полностью, а может, даже и с лихвой возмещен. Не исключаю, киоскер своего не упустил и, пользуясь случаем, вероятно, накрутил сумму полученного убытка.

– Действительно, – согласился Рагимов, задумчиво глядя перед собой, – поступки этого лейтенанта сплошная загадка. А почему тогда, по-твоему, Аскеров не взял встречное заявление?

Капитан пожал плечами:

– Я же говорю, товарищ полковник, со странностями парень. Я сразу задал ему этот вопрос. Так он ответил, что это было бы с его стороны фальсификацией.

– Вот оно как! – негромко, словно про себя, глухо произнес Рагимов и погрузился в молчание. Ему надо было во всем обстоятельно разобраться самому лично.

Начальник особой инспекции был известен своим крайним неприятием нарушений служебной дисциплины и законности, не прощал предательства интересов службы, но одновременно, будучи человеком глубоко порядочным, обладавшим огромным жизненным опытом и мудростью, приверженцем высоких понятий нравственности, офицерской чести, учил окружающих бережно относиться к людям, требовал от подчиненных тщательно проверять каждый факт противоправного поведения сотрудников, максимально вникать в ситуацию, выявлять и всесторонне анализировать побудительные мотивы проступка, выносить справедливые, бескомпромиссные и взвешенные решения. Через какое-то время полковник встал, несколько раз неспешно прошелся по кабинету, затем вернулся к столу, раскрыл лежащую перед ним папку с материалами служебных расследований, давая понять Гусейнову, что разговор окончен, и тот быстро покинул кабинет.

Спустя примерно полтора часа Рагимов позвонил капитану и поручил вызвать

к нему на беседу к шестнадцати часам лейтенанта Аскерова.

Точно в назначенное время ему доложили, что лейтенант прибыл и дожидается в коридоре.

– Пусть зайдет, – ответил он голосом, не предвещавшим посетителю ничего хорошего.

В кабинет вошел и четко, по-военному, представился подтянутый, стройный молодой офицер в хорошо подогнанной, ладно сидевшей форме.

Полковник устремил на него свой усталый, испытующий взгляд и, выдержав довольно длительную паузу, тихо сказал:

– Садитесь.

Тот молча повиновался и сел напротив.

– Рассказывайте, – сухо произнес Рагимов.

– Что рассказывать, товарищ полковник? – негромко переспросил лейтенант и улыбнулся. В кабинете повисла тяжелая, предгрозовая тишина.

Неужели он не чувствует за собой никакой вины, – с раздражением подумал полковник, в упор глядя в лицо молодому человеку. – Сидит с таким беззаботным, безмятежным видом, словно пришел ко мне в гости.

Обычно проштрафившиеся офицеры, даже допустившие гораздо менее серьезные нарушения, в кабинете начальника инспекции по личному составу с трудом сдерживают волнение. А до этого, видимо, так ничего и не дошло. Не осознает ни своей ответственности за содеянное, ни вины, ни неприятных последствий, которые могут негативно сказаться на всей его дальнейшей жизни. А может, просто пустоголовый? Таким все нипочем. Возможно, даже не понимает, что натворил. Ведь бывшим сотрудникам МВД, уволенным по дискредитации, как правило, нелегко трудоустроиться.

Глядя в спокойное лицо лейтенанта, Рагимов вдруг почувствовал, как неудержимо нарастает в нем внутреннее недовольство и, откинувшись на спинку стула, он жестким, не терпящим возражения голосом, громко и внушительно произнес:

– Расскажите о том, как вы преднамеренно и осознанно пошли на сокрытие тяжкого преступления!

Полковник внутренне досадовал на то, что начинает срываться, но ничего уже не мог с собой поделать, раздражение начинало прорываться наружу. Защемило сердце, сильно беспокоившее в последние дни, усилились спазмы, стало значительно труднее дышать.

Внимательным, долгим, пристальным взглядом глядя на лейтенанта, он взял стакан с водой, нервно провел левой рукой по столу, но, не найдя лекарства, отодвинул стакан в сторону.

– Таблетки за красным блокнотом, товарищ полковник, – негромко и мягко произнес лейтенант без малейшего намека на угодничество, скорее, с учтивым сочувствием.

– Спасибо, – машинально ответил Рагимов и, выпив лекарство, вновь строго взглянул на собеседника. – Итак, я жду!

– Я все написал в объяснении и добавить мне нечего, – ровным, спокойным голосом ответил Аскеров.

Складывалось впечатление, что аудиенцию у полковника он воспринимает как некий обязательный и, в общем, бесполезный ритуал, попросту подводящий жирную бюрократическую черту под уже окончательно и бесповоротно решенным делом.

– Надеюсь, вы полностью осознаете последствия для вас вашего поступка? – спросил Рагимов.

– Да, товарищ полковник. Конечно, мне об этом говорили, и довольно подробно, – с равнодушным спокойствием ответил лейтенант.

Чувствовалось, что ему не терпелось как можно быстрее завершить тягостную для него процедуру.

Разговор явно не складывался, и Рагимов надолго задумался. Стоило ли вообще встречаться с этим странным лейтенантом, терять время, размышлял он, и неожиданно поймал себя на мысли, что молодой офицер ему нравится своей сдержанностью, прямотой и манерой держаться. Вел он себя естественно, с достоинством, не заискивал, не пытался хитрить, оправдываться, вызвать к себе жалость, сочувствие, и вообще производил хорошее впечатление.

– Послушайте, вы случайно не фаталист? – неожиданно нарушил затянувшееся молчание полковник и тут же спохватился, понимая неловкость своего вопроса и его очевидное несоответствие ситуации.

Аскеров удивленно посмотрел на него и после некоторой паузы, широко улыбнувшись, отрицательно покачал головой.

– Я никак не могу понять смысла твоего поступка, – продолжил беседу полковник, переходя на «ты», что бывало с ним в официальной обстановке нечасто. – Ведь тебе известны элементарные нормы уголовно-процессуального права, служебные требования, соответствующие приказы, инструкции и так далее. Получив заявление с сообщением о происшествии с явными признаками преступления, ты обязан был последовательно выяснить все детали произошедшего, сопутствующие обстоятельства, характеризующие деяние, прибыть на место происшествия, осмотреть его и обеспечить охрану до приезда следственно-оперативной группы, оказать ей посильное содействие, опросить потерпевшего, по возможности установить очевидцев, определить круг подозреваемых лиц, все должным образом задокументировать, а затем передать весь собранный материал следствию. Так?

– Так точно!

– И тем не менее, зная все это, ты пошел на грубое нарушение известных тебе требований закона! – Рагимов возмущенно нахмурил брови, развел руками, встал из-за стола и недоуменно поморщился. – Как это понимать? Твой начальник, майор Микаилов, хвалит тебя. Кстати, к твоему сведению, он – один из моих воспитанников, до назначения в Кировский районный отдел внутренних дел длительное время работал у нас в инспекции, и мы его рекомендовали к выдвижению на эту должность. Я сегодня долго и подробно говорил с ним по телефону, он отзывается о тебе положительно, а ты его очень сильно подвел, и он будет строго наказан за ослабление контроля над деятельностью подчиненных, приведшее к сокрытию преступления.

– Начальник РОВД здесь ни при чем, – неожиданно не на шутку разволновался лейтенант. Его лицо вспыхнуло, на лбу выступили капли пота. – Я сам во всем виноват. Никто в отделе ничего не знал, – твердо произнес он, глядя в упор на полковника.

– Вот за это и накажем! Обязан был знать, иначе не допустил бы твоего возмутительного самовольничания. Да, у меня к тебе еще один вопрос. Мне докладывали, что с полгода назад ты собирался уволиться из органов, обращался к руководству министерства с таким рапортом. Позволь узнать, в чем причина?

Аскеров несколько замялся, по лицу пробежала легкая тень.

– Причина во мне, я ошибся в выборе жизненного пути. Не мое это дело, служба в милиции, во всяком случае, мне так показалось.

– Вот как? И почему же? – с нескрываемой иронией вновь спросил полковник.

– Это нелегко объяснить, здесь целый комплекс проблем психологического, морально-этического характера. Каждый день проходит в диком напряжении, в рваном, изматывающем ритме. Повседневная работа связана с невзгодами, личными трагедиями, горем, изнанкой нормального человеческого общения. В этих условиях нужно реально помогать людям, постоянно принимать конкретные решения, связанные с чьими-то судьбами, но не получается, потому что в милиции всё, буквально каждый шаг, чересчур регламентировано, инициатива до предела ограничена, поэтому, будучи не в силах что-либо изменить, постоянно ощущаешь свое абсолютное бессилие перед реалиями жизни, а они подчас очень жестокие.

Лейтенант замолчал. Его объяснение, несмотря на некоторую сумбурность, задело полковника за живое. Он понимал, что парень в чем-то прав, но не хотел вступать в полемику и, выдержав очередную глубокую паузу, решил вернуть разговор в нужное ему русло и произнес, тщательно выговаривая каждое слово:

– Так ты мне все-таки ответь, почему пошел на этот свой, мягко говоря, странный поступок по сокрытию кражи!

– Знаете, товарищ полковник, это решение для меня было непростым. Нельзя было парнишке жизнь портить. Она у него с самого детства невеселая. Отец – инвалид войны первой группы. Мать пережила фашистскую оккупацию, девчонкой прошла через концентрационный лагерь Дахау. Если бы вы ее видели! Она болезненная, худенькая, бледная, как пергамент, бьется в нужде, как может. У нее в глазах тоска безмерная, а на руке четырехзначный лагерный номер, как постоянное напоминание о перенесенных муках, причиненных завершившейся тридцать лет назад войной. Многодетная семья безрадостно существует в неказистом домишке барачного типа, построенном Нобелем в начале века и расположенном рядом с промзоной, на территории нефтепромыслов. Нужда страшная, едва перебиваются. Старший из детей – инвалид, с детства прикован к постели. У него церебральный паралич. – Аскеров перевел дыхание, глубоко вздохнул и продолжил: – Дай я этому делу законный ход, загремел бы парнишка сначала в колонию для несовершеннолетних, а потом во взрослую. Вот и все, вся жизнь сломана. Я принял тогда решение и нисколько не жалею о нем.

– Подожди, подожди, не горячись, – обратился к нему Рагимов. – Существует же законный процесс, разобрались бы, учли смягчающие обстоятельства, положительные характеристики, отзывы соседей, педагогов и так далее.

– Конечно бы, учли, – запальчиво, но без вызова отпарировал Аскеров, – но срок бы дали, и немалый. А что потом? Какой удар по семье, родителям! Его мать, помимо основной работы, еще в нескольких местах подрабатывает уборщицей, чтобы свести концы с концами, с утра до позднего вечера не разгибается. Об отце я уже не говорю, пластом лежит.

– Ну, теперь мне все понятно! Ты решил по своему усмотрению, странным образом вершить правосудие, самостоятельно простить мальчишку и сокрыть преступление.

– Какое тут правосудие! – в голосе Аскерова прозвучали горестные нотки. – Вы спросили, товарищ полковник, известны ли мне нормы права. Да, они мне известны! В юриспруденции преступление трактуется как общественно-опасное, про-

тивоправное, виновное, наказуемое деяние и от заурядного правонарушения отличается лишь тяжестью последствий. А какие в данном случае наступили тяжкие последствия? На новогодние праздники мальчишка из бедной семьи забрал сладости у того, кто каждодневно обвешивает и обсчитывает покупателей, о чем в рабочем поселке знает каждый, от мала до велика. И обратите внимание, не домой отнес, а раздал такой же, как и он, растущей в нужде поселковой детворе. Вы помните, товарищ полковник, как известный адвокат Плевако, защищая в суде присяжных несчастную нищую старушку, уличенную в краже пятикопеечного чайника, призвал оправдать ее, жестко пристыдив присутствующих одной, полной иронии и огромного смысла фразой о том, что страна, пережившая немало кровопролитных войн и других страшных потрясений за свою многовековую историю, не выстоит после такого ужасного поступка старушки и погибнет. Его слова нашли отклик у людей, и подсудимую освободили от наказания.

Полковник, не перебивая, слушал лейтенанта, более того, будучи широко образованным, интеллигентным человеком, прекрасно знавшим многие блестящие речи Плевако на судебных заседаниях, понимающе улыбнулся, услышав ссылку на выдающегося юриста и оратора. Обладая огромным жизненным опытом и тонким умом, Рагимов хорошо разбирался в людях и умел видеть в них хорошие качества. Лейтенант вызывал у него явную симпатию своей открытостью, смелостью суждений, неподдельной непосредственностью, но, к его неудовольствию, затянувшаяся беседа, по сути, стала заходить в тупик.

Полковник смотрел в открытое смуглое лицо молодого офицера и напряженно думал о том, как лучше завершить разговор. Нужно было сказать какие-то приличествующие обстановке правильные, наставительные, осуждающие слова. Выразить сожаление, что Аскеров так печально оканчивает службу, наконец, пожурить по-отечески и пожелать не допускать впредь, ни при каких условиях, эмоциональных, скоропалительных действий.Уже на новом поприще избегать необдуманных шагов. Но вместо этого он почему-то вновь, с навязчивым упорством, спросил:

– Надеюсь, вы имели возможность внимательнейшим образом ознакомиться с проектом заключения служебного расследования о вашем увольнении?

– Да, я ознакомился и подписал.

– Вы с ним согласны? У вас нет никаких возражений, дополнительных пояснений?

– Нет, товарищ полковник. Мне добавить нечего, я со всем согласен. Приведенные доводы объективны.

– Вы подлежите увольнению из органов внутренних дел по отрицательным мотивам, и это, как известно, неприятное пятно в вашей биографии. Не сомневаюсь, вам будет нелегко устроиться на хорошую работу.

– Я понял, товарищ полковник, и принимаю это как данность.

– Значит, не испытываете ни малейшего сожаления о своем поступке?

– Нет!

– Ты в самом деле, положа руку на сердце, искренне считаешь выводы в отношении тебя объективными? – полковник опять перешел на «ты».

– Безусловно, моя вина налицо. Я нарушил основополагающие положения действующих нормативно-правовых документов.

– Тогда ответь, пожалуйста, тебе не приходила мысль взять у заведующего злополучным киоском вторичное заявление о том, что пропажу он нашел и никакой

кражи не было? Я думаю, он бы непременно согласился после того, как ты возместил ему ущерб. В таком случае ты бы создал себе условия для списания материалов дела, если реально хотел сокрыть преступление и замести следы.

Лейтенант отрицательно покачал головой:

– Нет, это полностью исключалось. В таком случае я бы вовлек в неприглядную историю свое руководство, ибо, поверив мне и поставив положительную резолюцию на мой рапорт подобного содержания, оно впоследствии разделило бы со мной ответственность, будучи введено мною в заблуждение.

Рагимов взглянул на часы, ему было жаль этого чудаковатого лейтенанта. Внешне держится молодцом, подумалось ему, но наверняка переживает, понимая, что искренним, эмоциональным, душевным порывом создал себе кучу проблем, в том числе на будущее.

– И все-таки ты нарушил закон, и никакие благие намерения не могут тебя оправдать, ты же не можешь отрицать, что, защищая закон, мы утверждаем справедливость? – спросил он.

– Да, нарушил, сознаю. К сожалению, товарищ полковник, почему-то так сложилось, что справедливость воспринимается по-разному, впрочем, так же, как и правда, которая, надо признать, подчас у каждого из людей своя. Это плохо, ибо в этом случае нередко правда бывает далекой от истины. Я глубоко убежден, что милосердие во сто крат выше справедливости. Оно ниспослано свыше, мотивировано совестью, а не сухими, бездушными параграфами и нормами служебных документов, а совесть, как писал Достоевский, есть действие Бога в человеке.

Полковник Рагимов надолго задумался, с трудом воздержавшись от продолжения диалога, принимавшего характер философской беседы. Он сильно устал…

Напротив него стоял, вытянувшись по стойке «смирно», лейтенант Аскеров. Его лицо вновь стало безучастным, он негромко спросил:

– Разрешите идти?

Полковник кивнул, проследив взглядом, как Аскеров, четко повернувшись через левое плечо, вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Хороший строевик, – непроизвольно отметил про себя Рагимов, – отменная выправка, настоящий кадровый офицер.

С трудом поднявшись из-за письменного стола, полковник медленно прошелся несколько раз по кабинету, затем надолго остановился у окна, глядя в сторону видневшегося вдалеке моря. После длительных напряженных раздумий и колебаний он быстро вернулся за стол и вновь, второй раз за день, обстоятельно переговорил по телефону с начальником РОВД Валидом Микаиловым.

Положив трубку, Рагимов вздохнул и удовлетворенно улыбнулся. Затем по селектору вызвал к себе капитана Гусейнова и коротко изложил ему свою позицию.

– Дело здесь значительно сложнее, чем кажется на первый взгляд. Давай еще раз вместе обсудим ситуацию, взвесим все «за» и «против» с учетом моих замечаний.

С этими словами он открыл свой служебный блокнот с многочисленными пометками, полными вопросительных и восклицательных знаков, и они приступили к работе, по завершению которой Рагимов поручил повеселевшему капитану пересмотреть проект заключения служебного расследования и согласовать его с подполковником Сеидовым, который должен будет вечером прибыть с докладом.

…В двадцать один тридцать в кабинет начальника инспекции по личному со-

ставу вошел его заместитель, подполковник Сеидов.

– Мы тут подумали с Гусейновым и, по вашему указанию, сообща добили проект заключения по служебному расследованию в отношении Аскерова, – произнес он приподнятым тоном. – Полагаем, дело неординарное и требует к себе такого же подхода. Офицер молодой, искренний, болеет за дело, пусть служит, у него получится. Меня, признаюсь, больше всего поразил наш Гусейнов, он привел очень интересный и неожиданный довод о несомненном превосходстве милосердия над справедливостью. Хотя это утверждение и не бесспорное, но в данном случае убедительное. Вот вам и Гусейнов, оказывается, не такой уж он сухарь и формалист, как казался. Таким я его не знал, приятный сюрприз. Век живи, век учись. Впредь буду внимательнее присматриваться к людям.

Выслушав доклад и неожиданные откровения заместителя, Рагимов довольно улыбнулся своим мыслям, неторопливо перелистал материалы, крупными буквами написал «утверждаю» и ниже размашисто, с видимым облегчением, твердой рукой поставил свою подпись.

Товарищ милиционер, господин полицейский

Свою сорокалетнюю службу в органах внутренних дел полковник полиции в отставке Олег Аскеров оставил без сожаления. Это надо было сделать значительно раньше, но ему, несмотря на советы друзей увольняться и быстрее уходить, до последнего казалось, что его знания и опыт все же будут востребованы. Он продолжал добросовестно делать свое дело, по мере возможности стараясь не замечать нескончаемых пакостей со стороны большого начальника и его ближайшего окружения, настроенного откровенно враждебно. Честность, профессионализм, независимость суждений вызывали у этой публики, волею случая нашедшей себе пристанище в полиции, неприкрытую ненависть, выходящую за цивилизованные рамки.

Он не любил вспоминать последний день своей работы, начавшийся с вызова в кабинет большого начальника, непонятных, надуманных упреков, связанных с исполнением заурядного документа, пролежавшего в одном из управлений без принятия должных мер и впоследствии необоснованно переадресованного Олегу, не имевшему к нему никакого отношения. Вину за бездействие своего выдвиженца начальник беспардонно возложил на Аскерова, а затем, вызвав нескольких наиболее приближенных лиц из числа своей креатуры, угрожающе улыбаясь, сказал Олегу о том, что тот будет наказан.

Истинный смысл слов о своем предстоящем наказании Аскеров понял значительно позже. Тот самый, последний день его работы, по странному стечению обстоятельств совпавший с сорокалетием его службы, завершился покушением на него, организованным квази-коллегами и последовавшими за этим месяцами интенсивного лечения.

Отставной полковник все это время старался не думать о своем милицейско-полицейском прошлом, по возможности не тревожить душу, не мучить себя анализом нанесенных ему изощренных обид, системных провокаций со стороны «оборотней в погонах», особенно тягостно воспринимавшихся им на завершающем этапе служебной деятельности.

Но пришлось, причем, по очень неожиданному для него поводу. Он перебирал

старые документы, лежавшие в ящике письменного стола, и совершенно случайно ему под руку попался памятный предмет – обыкновенный металлический свисток, который он всю свою службу носил в связке с ключами и личным номером офицера. Небольшой, желтоватого цвета медный свисток сразу навеял массу воспоминаний, связанных с его работой, особенно с первым годом милицейской биографии, начальным периодом профессионального становления.

Олег Аскеров был направлен в районный отдел внутренних дел, уже имея за плечами годы учебы в университете, армейскую службу, определенный жизненный опыт, но, тем не менее, на новом поприще сразу почувствовал себя довольно неуютно, как бы чужим. И уже через непродолжительное время всерьез задумался об увольнении. Один раз даже написал рапорт. Его вызвали в отдел кадров, и немолодой подполковник очень строго, но доброжелательно, объяснил, что прошение об увольнении по собственному желанию отклонено, так как в Положении о прохождении службы предусмотрены всего три причины для увольнения: по выслуге лет, а это двадцать пять лет безупречной службы, по болезни и по дискредитации. Ему, если будет настаивать, полагалось как раз последнее.

Мандатная комиссия могла удовлетворить его просьбу исключительно на основании откровенного нежелания продолжать службу, иными словами, по служебному несоответствию, что, безусловно, оценивалось очень негативно.

Мудрый кадровик, внимательно выслушав доводы, сомнения лейтенанта, явно расположившись к нему, убеждал его не торопиться, обстоятельно осмотреться, не рубить с плеча, постараться вникнуть в суть службы, еще раз задуматься о ее истинном смысле и назначении.

– Стерпится, слюбится, – пошутил он. – В нашей работе много трудностей, определенных минусов, ограничений, разочарований, но, уверяю тебя, она иногда дарит минуты неповторимого морального подъема и духовного удовлетворения. Ты отвел от человека беду, помог в тяжелую минуту, не дал оступиться, восстановил справедливость, защитил слабого, а это, поверь мне, очень многого стоит.

Их разговор затянулся почти на полтора часа. Прощаясь, подполковник пожал Олегу руку и, тепло улыбнувшись, напоследок наставительно произнес:

– Служи, парень, я уверен, у тебя получится!

Памятуя об этом разговоре, Олег прилагал все силы к тому, чтобы как можно быстрее прошел период привыкания, ответственно относился к работе, но рутина будней районного отдела внутренних дел, несмотря ни на что, усиливала пессимистические настроения. В коллективе его приняли хорошо, с готовностью помогали войти в курс дела, вникнуть в обстановку. Грех жаловаться, но, тем не менее, он не мог избавиться от внутреннего дискомфорта.

Ему постоянно казалось, что все получается не так, как хотелось. На него градом сыпались разного рода неурядицы и казусы. Он то и дело оказывался в центре каких-то довольно нелепых, а порой просто смешных ситуаций, дававших повод для добродушного подтрунивания старших товарищей над молодым опером. Как, например, это случилось морозной декабрьской ночью.

Уже за полночь в одном из частных строений, в непосредственной близости от районного отдела внутренних дел, произошел заурядный бытовой скандал в семье, которую в милиции хорошо знали, так как она считалась неблагополучной и конфликтующей. Опергруппе там делать было нечего, но для страховки на помощь участковому утихомирить дебошира по указанному адресу направили Олега. Дворами

он быстро дошел до места, но к тому времени инцидент был исчерпан, подвыпивший муж уже утихомирился, повздорившие супруги помирились.

Возвращаясь обратно, Олег обратил внимание на шедшего впереди парня лет двадцати с небольшим кожаным чемоданом в руке. Тот непрестанно оглядывался по сторонам и, увидев, что сзади кто-то идет, ускорил шаг. Что он мог здесь делать в такое позднее время? Надо бы проверить, и Аскеров громко окликнул парня.

Услышав оклик, тот сразу перешел на бег. Олег сделал то же самое. Парень побежал с завидной прытью. Теперь лейтенант уже не сомневался, что преследует вора, памятуя об участившихся в последнее время квартирных кражах. Они бежали друг за другом по темным, пустынным поселковым улицам в довольно быстром темпе. Расстояние между ними то понемногу сокращалось, то снова чуть увеличивалось. Из-за заборов остававшихся за спиной двориков их сопровождал несмолкающий разноголосый собачий лай.

Главное было не потерять убегавшего из виду, не дать ему свернуть в сторону и скрыться в темноте. Парень бежал, не снижая темпа, прямо по середине улицы, время от времени оглядываясь. Наконец они неразрывным тандемом миновали окраину поселка, за которой сразу начиналась маслиновая роща. Олег хорошо знал это место, так как регулярно проводил здесь дневные и вечерние обходы. Видно было, что парень заметно устал: он бросил чемодан и стал петлять между деревьями. Скорость снова увеличилась, Олег почувствовал, что у него сбивается дыхание, но все же около шестого микрорайона он нашел в себе силы сделать затяжной рывок и, настигнув убегавшего, в прыжке сбил его с ног, затем без передышки, не давая парню опомниться, заученным движением вывернул ему руки за спину.

– Я из милиции, лучше не сопротивляйся, – с трудом переведя дыхание, твердо произнес он. Парень молчал. – Вставай, пойдем и по пути захватим ворованный чемодан. Где ты его стащил?

Парень недоумевающе посмотрел на него, неторопливо встал и недоверчиво спросил:

– Ты из какой милиции?

– Из Кировского РОВД.

– Вы что, действительно милиционер? – с сомнением переспросил парень.

– Да, самый настоящий. Давай, двигайся и без шуток, – строго ответил лейтенант, начиная понимать, что ситуация какая-то неординарная.

Они быстро нашли чемодан и без приключений добрались до райотдела. Вот тут-то все и выяснилось. В дежурной части уже сидели взволнованные заявители, проживавшая поблизости от отдела пожилая чета. По их словам, с железнодорожного вокзала им позвонил племянник, приехавший на поезде из сельского района, сказал, что будет через час, но так и не появился. Может, что случилось, не на шутку обеспокоились они.

Все оказалось значительно проще, деревенский парень, доехав на автобусе до поселка, долго не мог найти указанный адрес и растерянно бродил в темноте. Когда на безлюдной улице его окликнули, он испугался, подумав, что это грабитель, и стал убегать со всех ног.

К счастью, все правильно, с юмором отнеслись к казусной ситуации. Этот забег стал притчей во языцех, хорошим поводом для добродушного подтрунивания над повышенной «бдительностью» молодого опера и всевозможных шуток над сельским незадачливым парнем.

Через некоторое время случился еще один смешной эпизод. Милицейский УАЗик с опергруппой возвращался в отдел с вызова из поселка Бинагады. Выезжая на дорогу к железнодорожному мосту, они откуда-то справа по ходу машины услышали исступленные мужские крики о помощи.

Водитель остановил автомашину, выключил мотор, прислушались. Взывали о помощи где-то в полусотне метров от шоссе, практически рядом. Все бы ничего, но сразу у обочины дороги начинался искусственный водоем из нефтяных отходов, кое-где поросший густой осокой и камышом. Стало понятно, что голос доносился именно оттуда. Сидевшие в автомашине переглянулись. Надо было незамедлительно выяснить, что там происходит. Старший опергруппы, майор милиции Каретин, ни слова не говоря, вышел из машины, давая понять, что он уже принял решение. Остальные последовали за ним. Майор снял плащ, пиджак и, с сожалением посмотрев на оставшуюся на нем одежду, направился к воде. Олег, прочувствовав момент, остановил его, нельзя было допустить, чтобы пятидесятилетний Александр Игнатьевич вошел в воду, а он, молодой офицер, остался на берегу.

– Подождите, товарищ майор, я быстрее доберусь, – остановил он его и, сняв куртку, аккуратно положил на сидение автомашины, всем своим видом демонстрируя, что сделать это должен именно он и никто другой.

Тем временем водитель развернул машину и направил свет фар в спину вошедшему в воду лейтенанту, который, несколько раз провалившись в густую нефтяную жижу по самые плечи, добрался-таки до зарослей камышей, где без труда обнаружил непонятно как оказавшегося там вдрызг пьяного мужчину. То, что тому самому было бы уже не под силу выбраться к дороге, было очевидно. Он совершенно не понимал, где находится и куда его занесло «принятое на грудь» спиртное. Увидев Олега, он не то, что не обрадовался, а, наоборот, бросился бежать, сопротивлялся, приняв его за одному ему ведомого врага. Потребовалось приложить недюжинные усилия, чтобы успокоить крикуна и вывести на сушу. При этом вид у них обоих был настолько впечатляющим, что водитель сразу категорически заявил, что после них отмыть кабину машины он уже никогда не сможет.

Но, тем не менее, учитывая довольно холодную погоду и пронизывающий северный ветер, долго этот вопрос не обсуждался, они помчались в РОВД и своим появлением вызвали в дежурной части гомерический хохот.

Уже на следующий день эпизод с заблудившимся пьяницей и спасшим его лейтенантом живо обсуждался всеми без исключения, обрастая новыми, неизвестно кем придуманными веселыми подробностями.

Олег тоже отнесся к этому событию с юмором, хотя его и без того скромный гардероб понес безвозвратные потери, которые при его лейтенантской зарплате еще долго предстояло восстанавливать. Брюки, новые туфли и свитер пришлось просто выбросить.

Прошло не так уж много времени, как он снова стал персонажем чрезвычайно забавной истории, начавшейся для него с вызова к начальнику РОВД, майору милиции Микаилову, давшему ему весьма, как он, по-доброму улыбаясь, выразился, ответственное поручение, поступившее «сверху», суть которого состояла в сопровождении группы писателей во время посещения ими ряда передовых промышленных предприятий Кировского района и встреч с трудовыми коллективами.

В Баку торжественно проходили Дни литературы народов СССР, и на этот представительный форум приехали многие известные писатели и поэты. Понятным было

желание организаторов столь важного мероприятия провести его на высочайшем уровне, представить гостям возможность как можно ближе познакомиться со столицей Азербайджана, ее историей и трудовыми буднями, пообщаться с людьми в неофициальной обстановке.

Ответственное поручение не окрылило Аскерова, учитывая большой объем накопившейся документации, несколько контрольных заявлений и довольно сложную в начале лета криминогенную обстановку в зоне обслуживания. К тому же он прекрасно понимал, что подобные поручения чаще всего, а вернее, как правило, становятся уделом и прерогативой не самых лучших и опытных сотрудников. А он, к сожалению, был именно таковым, и это правда, тут уж ничего не поделаешь.

День был явно потерян для выполнения намеченного. Рутинные милицейские будни полностью поглощали все его время, отодвинув на самый задний план личную жизнь. Иногда казалось, что даже когда он уходил домой, его мысли оставались в РОВД, никак не удавалось переключиться. К тому же его почему-то не покидало чувство неудовлетворенности результатами своей работы. Аскеров научился видеть недостатки, пытался их своевременно устранять, но у него не было твердой уверенности в эффективности предпринимаемых им мер по борьбе с правонарушениями. Чем глубже он вникал в оперативную обстановку в поселке, тем больше выявлял проблем, уязвимых точек, причин и условий, способствующих совершению уголовных проявлений, особенно хулиганского бытового характера.

Отсутствие практического опыта и юридических знаний Олег всеми силами пытался компенсировать старательностью и работоспособностью, кропотливым изучением опыта и методики розыскной деятельности старших товарищей, но уверенность все не приходила. Лейтенант понимал, что очень многое в их работе зависит от степени владения ситуацией, своевременного получения оперативно значимой информации, ее умелого обобщения, анализа и принятия на этой основе должных мер.

Зона его обслуживания была не очень большой. Обычный рабочий поселок на окраине города с соответствующей ему инфраструктурой. Постепенно у Аскерова сложилось тесное взаимодействие с участковыми инспекторами милиции, сотрудниками патрульно-постовой службы. Удалось наладить необходимые доверительные контакты с жителями поселка, представителями общественности, чью добровольную поддержку и помощь он постоянно ощущал. Но при всем при этом Олег не мог сказать с полной уверенностью, что владеет криминогенной обстановкой в требуемом объеме, четко контролирует ее и может позитивно на нее влиять, своевременно определять те или иные негативные тенденции в ее развитии и пресекать их.

Отрываться от своих повседневных дел очень не хотелось, но деваться некуда, приказ есть приказ. Хотя, наверное, в другое время и при иных, менее напряженных обстоятельствах он бы с интересом поучаствовал во встречах с писателями, послушал выступления, диспуты, обсуждения вновь вышедших книг, ибо у него с детства было огромное влечение к литературе, особенно классической, и творчеству мастеров художественного слова. Ведь не случайно после школы он поступил именно на филологический факультет университета. Мог ли он тогда, с увлечением изучая теорию литературы, творчество Достоевского, поэтов периода декаданса и тому подобное, даже гипотетически предположить, что волею судьбы в будущем ему суждено будет стать милиционером.

На старом УАЗике лейтенант со старшиной-водителем отправился в райком партии, где должен был присоединиться к колонне автобусов с писателями и сопро-

вождать их в течение дня по предприятиям района. Ответственный работник горкома инструктировал его долго и подробно, но все в сказанном им сводилось к тому, чтобы лейтенант как можно глубже осознал и в полной мере прочувствовал возложенную на него ответственность и целиком оправдал доверие вышестоящих инстанций, был вежлив, предупредителен, бдителен и одновременно лишний раз на глаза писателям не показывался. Но самое главное – всегда находился под рукой, в поле зрения ответственного работника горкома, курировавшего это мероприятие. Все должно было пройти без сучка и задоринки.

Колонну из трех красных «Икарусов», сопровождаемую двумя автомашинами ГАИ и целой кавалькадой черных «Волг», они с местным руководством встретили у въезда в район. Здесь была запланирована короткая остановка, после которой разросшаяся колонна двинулась дальше, а УАЗик, пристроившись сзади, поехал следом.

День выдался знойным, душным, солнце палило неимоверно. В такую погоду лучше бы их повезли на море, подумал Олег, но делегация, в соответствии с разработанной программой пребывания, последовательно посетила нефтепромыслы и управление НГДУ имени С.М.Кирова, затем сталелитейный завод и завод нефтяного машиностроения. Конечным пунктом экскурсии для основательно утомленных, разморенных жарой писателей был построенный по последнему слову техники, оснащенный новейшим оборудованием и современными технологиями недавно пущенный в эксплуатацию Хырдаланский пивзавод. Здесь, по замыслу организаторов, подуставших писателей ждала небольшая обзорная экскурсия по производственным цехам, после чего они с удовольствием приступили к дружескому обеду, плавно переходящему в ужин.

Оставшийся без завтрака и обеда Олег сидел, удобно устроившись на скамейке под тенистым деревом, откуда открывался неплохой обзор большей части территории пивзавода до самой проходной, и наслаждался прохладой. Он уже давно понял бессмысленность своего участия в этой поездке и с философским спокойствием ждал ее закономерного завершения.

Часа через два-три, разомлевшие писатели дружной гурьбой, оживленно обмениваясь впечатлениями, с пиджаками в руках устремились к автобусам. Работник горкома, неспешно обойдя всю колонну, звучным, хорошо поставленным голосом подал команду водителям готовиться к выезду, на ходу поблагодарил Олега за службу и уселся в свою «Волгу». Вскоре колонна двинулась в путь, держа курс на центр города. Сопроводив ее до границы района, неказистый милицейский УАЗик повернул в сторону РОВД.

Незамедлительно доложив об успешно выполненном задании, о том, что все обошлось без накладок и происшествий, Олег с чувством выполненного долга вернулся к себе в кабинет и занялся повседневными делами, целиком погрузившись в рассмотрение поступившей почты. Внимательно изучая адресованные ему материалы, в том числе заявления о фактах криминального характера, скрупулезно внося записи в служебный блокнот и планируя свои ближайшие действия, незадачливый лейтенант не подозревал, что над головой у него сгущались тучи. Он и предположить не мог, что связано это будет именно с писателями.

Действительно, поводом для очередного неожиданного вызова к начальнику РОВД послужил звонок откуда-то сверху с обескураживающим сообщением о пропавших писателях. До предела уставший от постоянного недосыпа из-за серии квартирных краж, совершенных за последнее время, майор Микаилов, ни слова не говоря,

передал ему трубку.

Взволнованный голос на том конце провода, задав подряд сразу несколько вопросов, не ожидая на них ответа, тоном, не терпящим возражений, потребовал срочно, в кратчайшие сроки, объехать весь маршрут, обойти все предприятия и хоть из-под земли достать писателей, о результатах доложить незамедлительно. Опешивший от услышанного Аскеров, не медля, ответил коротко, по-военному «Есть!», вернул трубку начальнику и вкратце изложил состоявшийся разговор.

– Я это знаю. Мне уже сказали, что в гостинице не досчитались двух писателей, – расстроено вздохнул майор. – Что это значит? Нонсенс какой-то. Как это могло случиться? Нам было дано конкретное задание сопровождать и обеспечивать порядок. – Майор внимательно глянул на своего подчиненного и продолжил: – Ты знаешь, кто эти писатели, их фамилии, как выглядят? Где, наконец, они могли пропасть?

– Нет, не знаю. Мне никто не давал списка. Задача стояла ходить за ними сзади и не маячить без необходимости перед глазами.

– У тебя что, даже нет списка? – удивленно поднял брови начальник. – А сколько их всего было?

– Не знаю.

– Кого же ты теперь будешь искать? – пристально посмотрев на Олега и не дождавшись ответа, он вздохнул: – Потом окажется, ты был там самой важной фигурой и подвел, не оправдал оказанного высокого доверия. Теперь точно нас назначат виновными. По неписаному правилу, как всегда, опять милиция будет во всем виновата. – Начальник райотдела, не скрывая накопившегося раздражения, махнул рукой: – Вот что, Олег, бери машину и вперед, по бесславно пройденному тобою маршруту. При необходимости звони. Держи меня в курсе! Все ясно?

– Так точно.

– Ну, ладно, иди, будем с нетерпением ждать финала еще одной истории из твоей недолгой, но богатой на ЧП практики, – заключил майор. – Писатели – это тебе не семечки…

Упоминание о семечках вконец расстроило Олега, оказывается, история с полуслепым инвалидом, торговавшим семечками у входа в поселковый парк, стала каким-то образом известна руководству. В общем, этот аккуратненький, сухонький старичок в потертом, видавшим виды пальтишке, с небольшим мешочком семечек, никому не мешал. Его в полдень под руку приводила и уводила маленькая, сгорбленная старушка жена, с которой они жили вдвоем.

Всю жизнь он проработал на нефтепромыслах, а, уйдя на пенсию, чтобы не сидеть в четырех стенах, на пару часов в день приходил к парку. Посидит на свежем воздухе, с кем-то из знакомых встретится, словом обмолвится, ну, и какую-то копейку выручит. И вот, надо же, Аскерову и участковому инспектору милиции Рамазанову было поручено провести со стариком профилактическую беседу и настрого запретить продавать семечки. Это неприятное задание поступило в связи с ожидаемой в районе проверкой. Само собой, нельзя было допустить, чтобы на глаза членам комиссии попался бедняга-торговец семечками, они бы этого не пережили, ступив с ковров и паркета своих кабинетов на грешную землю, негодовал Олег.

Участковый инспектор так же не скрывал своего недовольства:

– Мой старший брат с его сыном в один день на фронт уходили. Оба погибли под Севастополем. Придумай что-нибудь, я этим делом заниматься не могу и не буду.

Олег его прекрасно понимал, да и сам твердо решил для себя, что лучше сдаст

свое служебное удостоверение, чем обидит старика. Не для того он пришел в милицию, чтобы беспомощному старику-инвалиду нервы мотать и читать нотации, более того, лишать мизерного подспорья к пенсии.

Весь день он ходил удрученный и склонился-таки к тому, чтобы завтра утром подать рапорт с мотивированным отказом выполнять данное поручение. Что, эта комиссия с неба спустится? Неужели партийным чиновникам не приходилось бывать в простом рабочем поселке, видеть, где и как живут обычные, нормальные люди, – с раздражением думал лейтенант.

Так случилось, что он управился с текущими делами только далеко за полночь. Домой добираться было поздно, автобусы уже не ходили, а на такси не наездишься. Поэтому, по сложившейся уже привычке, он, недолго думая, устроился на трех стульях, укрывшись шинелью и положив под голову бушлат. Несмотря на усталость, сон не шел, перед глазами вставала щуплая фигурка старика-инвалида. Помучившись, Олег встал, включил свет, закурил и, пытаясь сосредоточиться, принялся за написание рапорта. Неожиданно открылась дверь, и в кабинет вошел начальник РОВД.

– Ты почему уже вторую ночь не дома?

– Не успел, товарищ майор.

– Домой позвонил, предупредил?

– Да.

Начальник сочувственно покачал головой и досадливо, в сердцах произнес:

– Вот так, не по нашей вине, и возникают проблемы в милицейских семьях. А чему тут удивляться, при таком изматывающем режиме работы. Но все равно нами недовольны. Ну да ничего, парень, выдержим. Я вижу, тебе не до сна. Пойдем пару партий сыграем, взбодрим себя мозговой атакой.

Майор был прекрасным спортсменом, заслуженным мастером спорта по фехтованию, но одновременно и заядлым шахматистом, любил острые комбинационные партии. В отделе многие увлекались этой древней игрой, часто проводили блиц-турниры. Как обычно, партии Олега с начальником носили упорный, бескомпромиссный характер. При счете один-один, они начали контровую, и в эндшпиле Олег оказался в довольно сложной ситуации.

– Позиция безнадежная и флажок висит, на спасительное «соломоново решение» у тебя еще пятнадцать секунд, – весело произнес майор. И тут Олега буквально осенило. Он неожиданно нашел то, что ему нужно было. По этому случаю стоило, наверное, воскликнуть «Эврика!» Нет, партию он не спас, проиграл вчистую, ничуть при этом не огорчившись, а «соломоново решение» относительно продавца семечек пришло ему в голову само собой, и утром он его с удовольствием претворил в жизнь.

С нетерпением дождавшись девяти утра, Аскеров дозвонился в исполком, чтобы уточнить, когда и на сколько дней прибывает ответственная комиссия. На встречный вопрос о принятых мерах в отношении старика-правонарушителя бодро заверил об успешном, исчерпывающем выполнении задания. В приподнятом настроении, получив почту в числе первых, он, выходя из канцелярии, столкнулся с расстроенным участковым.

– Что будем делать, я всю ночь не спал? – огорченно обратился тот к Олегу. – Ну их всех, я так думаю, пусть нас наказывают, осточертели эти чинуши.

– Не переживайте, Ахмед Керимович, все решено, – успокоил его лейтенант.

– Как, ты все же был у него? – посуровел участковый, и по его лицу пробежала заметная тень недовольства.

– Потом расскажу, извините, я тороплюсь, – ушел от разговора Олег.

В двенадцать часов дня молодой опер, приветливо поздоровавшись, почтительно остановил продавца семечек и его супругу, выходивших из подъезда и вежливо попросил продать ему все семечки.

– Все сразу? – удивился старик. – А зачем так много?

– Да, все, мы на экскурсию едем.

– Здесь, в мешочке, на два рубля, – предупредил старик.

– Отлично, вот деньги. Давайте, я пересыплю в кулек. Спасибо.

В течение недели эту простейшую процедуру Олег под разными благовидными предлогами столь же успешно повторил еще четыре раза. А когда грозная комиссия торжественно убыла из района, инвалид с маленьким мешочком вновь, как обычно, сидел на своем месте и успокаивал старых знакомых, обеспокоенных его длительным отсутствием, что у него все в порядке, а продавал семечки оптом экскурсантам, туристам, спортсменам.

Дело завершилось ко всеобщему удовлетворению. В отделении уголовного розыска опера неделю ходили с карманами, доверху набитыми жареными семечками, и радушно угощали коллег из других служб. Дотошный участковый, видимо, докопавшись до истины, не возвращался больше к этой теме, при встрече с Олегом только загадочно улыбался, давая понять, что их объединяет общая тайна, и по-отечески тепло похлопывал его по плечу.

Решение, принятое за шахматной доской, оказалось поистине соломоновым. Но писатели действительно не семечки, невесело думал обескураженный лейтенант в нагретом солнцем, безжалостно дребезжащем УАЗике, который в ускоренном темпе должен был повторить свой утомительный дневной маршрут.

В НГДУ, на сталелитейном и машиностроительном заводах уже знали о происшествии, сами у себя все тщательно обыскали, но пропавших писателей не обнаружили и клятвенно заверяли, что у них никто потеряться не мог, это абсолютно исключается. Как выяснилось, им уже пришлось неоднократно объясняться по этому поводу в ответ на непрекращающиеся звонки из целого ряда руководящих инстанций.

Оставался пивной завод, но и там сообщили, что никого постороннего на территории не обнаружено. Вконец расстроенный Олег не знал, что и думать. Он, безусловно, попал в незавидное положение, потерял и искал, не зная кого.

Еще раз все обстоятельно взвесив, он на всякий случай решил зайти к начальнику охраны, недавно вышедшему на пенсию бывшему сотруднику уголовного розыска. Но, к сожалению, кабинет был закрыт, рабочий день давно закончился. Раздосадованный Олег медленно направился к проходной, где стояла его машина. Возвращаться в отдел не солоно хлебавши ему очень не хотелось, особенно когда он представлял себе, как глупо будет выглядеть, докладывая о своих неудачных поисках. Немного поколебавшись, он решил предварительно позвонить в отдел и проинформировать о ситуации, тем самым как бы подготовить почву. Он попросил у пожилой женщины-охранника разрешения воспользоваться телефоном, заодно посетовав на отсутствие начальника. И тут она огорошила его сообщением о том, что Шамиль Магомедович у себя в кабинете закрылся и отдыхает.

Олег обрадовался, получив возможность отсрочить на какое-то время свое возвращение в отдел, где, как он понимал, его ждала справедливая обструкция. Через минуту он уже осторожно постучал в дверь, но так как никакой реакции не последовало, взял на себя смелость постучать чуть сильнее и, немного повысив голос, на-

звать себя. Это сработало. Дверь вскоре открылась и на пороге показался сам начальник охраны пивзавода Асадулаев.

Увидев своего бывшего молодого коллегу, он радостно обнял его и провел в кабинет. За столом, заставленном бутылками и всевозможной холодной и горячей закуской, сидели двое мужчин и оживленно беседовали. Лицо одного из них сразу показалось лейтенанту очень знакомым. Это был известный писатель, чьими повестями и романами на военные темы буквально зачитывалась тогда вся страна.

Молодого человека они встретили очень радушно. Видно было, что хозяин кабинета и его гости, изрядно выпив и закусив, за приятной беседой основательно расслабились и расположились надолго. А как же иначе, им было, о чем поговорить, вспомнить. Один из писателей, лауреат всевозможных литературных премий, оказался однополчанином Шамиля Магомедовича. Неожиданная встреча так растрогала обоих, что они, забыв обо всем на свете, погрузились во фронтовые воспоминания. Фамилия второго писателя тоже была на слуху, он также был фронтовиком, автором известных романов, и с нескрываемым удовольствием разделял радость друзей.

Олега сразу усадили за стол, напрочь игнорируя его попытки объявить причину своего нежданного появления. Его ссылки на срочное задание руководства были пресечены на корню, и перед ним сразу же оказалась тарелка с вкусной снедью. Он только теперь вспомнил, что весь день ничего не ел. Но участие в трапезе пришлось отложить на несколько минут, чтобы дозвониться до горкома и доложить о найденных писателях, естественно, без подробностей. На указание срочно доставить их в гостиницу, он по армейской привычке бодро ответил «Есть!» и положил трубку. Затем повторил доклад в дежурную часть райотдела с тем, чтобы поставили в известность начальника, что инцидент исчерпан, после чего под одобрительные взгляды ветеранов-фронтовиков с аппетитом принялся за еду.

Следующие несколько часов пролетели в кругу интереснейших, неординарных, ярких личностей, и каждая подробность их беседы на различные темы надолго осталась в его памяти. Впоследствии он всегда благодарил судьбу за незабываемое время общения с ними, ставшее почвой для его многих жизненных убеждений, размышлений и выводов. Потом, даже десятилетия спустя, он никому не рассказывал об этом знаменательном для него вечере, закончившемся практически под утро.

«Потеря» писателей стала очередным поводом для острот со стороны коллег, но он стоически их выдержал, и вскоре все само собой затихло. В милиции жизнь шла своим чередом. Каждый день был по-своему сложен, хотя внешне будни не отличались друг от друга. На службе никогда не знаешь, что может произойти через час или даже минуту и так захватить твое сознание, что забудешь обо всем на свете. Любой, даже самый, казалось, заурядный выезд на место происшествия, будь то драка, кража, грабеж, убийство, мог получить самое неожиданное развитие. Постепенно он привык к хроническому недосыпанию, состоянию постоянной повышенной напряженности, вынужденному общению с изнанкой жизни человеческого общества, безрадостным контактам с не самыми лучшими ее представителями, тяжким, изматывающим душу впечатлениям от каждодневных столкновений с уголовной средой и человеческим горем. Служба не скупилась на испытания, стрессовые ситуации, риск.

Однажды оперативная группа прибыла на место происшествия по вызову участкового инспектора милиции. Фабула самая, что ни на есть, простая. Подвыпивший хозяин носится по квартире с топором, изрубил сервант, жена с тремя детьми закрылась в ванной, он угрожает им расправой, дверь в квартиру заперта изнутри. Мед-

лить было нельзя, в любое мгновение могло случиться непоправимое. Старший группы попробовал начать переговоры с дебоширом через дверь, но безрезультатно. Тогда он, продолжая активно привлекать к себе внимание дебошира, поручил Олегу пробраться в квартиру через балкон, благо, она находилась на верхнем этаже.

Делом нескольких минут было забраться на крышу, спуститься с нее на балкон и, выдавив плечом дверь, попасть в комнату. Его появление было настолько неожиданным для хозяина, чье внимание было сосредоточено на коридоре и входной двери, что он не сразу сообразил, откуда появился непрошеный гость. Тем не менее он, недолго думая, с угрожающим видом направился в сторону Олега, замахнувшись топором. В центре комнаты стоял большой, массивный овальный стол, и лейтенант, избегая прямого столкновения, стал уходить от разъяренного преследователя, наматывая круги вокруг стола.

Все это выглядело довольно комично, но было столь же опасно. Крепкий мускулистый мужчина в состоянии сильного опьянения гонялся за ним с топором в руках, не скрывая своих агрессивных намерений. У его оппонента было при себе табельное оружие – пистолет Макарова, но мысли о его применении даже в самой критической ситуации, в условиях необходимой обороны, он не допускал. Надо было постараться решить все без крови. Он слышал отчаянные крики и плач жены и детей, доносившиеся из ванной и, не выпуская из виду дебошира, ловил каждое его движение. Тот уже основательно устал, но несколько раз, при каждом удобном случае, замахивался для удара.

За это время у Олега созрел четкий план действий. Продолжая успокаивать дебошира, убеждать его перестать буянить, он сознательно изматывал его марафоном вокруг стола. Хозяин квартиры тяжело дышал, с трудом переводя дыхание, все чаще надолго останавливался, его движения потеряли резкость, он стал терять координацию. Улучив момент, Олег перешел к атакующим действиям, неожиданно перепрыгнув через стол, выбил у него топор и заломил руку за спину.

По дороге в РОВД задержанный угрюмо молчал, а уже через час в дежурную часть пришла его жена с детьми и со слезами на глазах умоляла отпустить мужа. Человек, дескать, хороший и на работе характеризуется положительно, в трезвом виде мухи не обидит.

На следующее утро Олега вызвал к себе начальник уголовного розыска. Повертев в руках протокол, коротко спросил:

– Что натворил этот пьяница? С утра у нас целая делегация просителей за него. Все его положительно характеризуют. Хороший производственник, мастер-«золотые руки», заботливый семьянин. Участковый тоже говорит, что добрейшей души человек, работящий, отзывчивый, но пьет иногда. Вот и жена всю ночь с тремя детьми у отдела просидела. Что будем делать? В поселке только и разговоров об этом, а участковый себя винит, что не досмотрел, ручается за него. Что ты думаешь? Ведь он тебе топором угрожал?

– Ну что вы! Не было этого. Как он мог мне угрожать, товарищ капитан? Он же старше меня вдвое, да и немного не в себе был. Топор добровольно сам мне отдал, не сопротивлялся, жены и детей в комнате не было.

– Вот как? – капитан поморщился. – А ты его объяснение читал?

– Нет, не успел, а что?

– Он же дома сервант порубил, с женой разругался, грозил убийством.

Лейтенант внимательно посмотрев на начальника угро, помолчав, твердо про-

изнес:

– Нельзя его сажать, товарищ капитан. Этот срыв он себе до конца жизни не простит. Я это точно знаю. А близким какой страшный удар будет!

Спустя несколько дней Олег, уже забывший об этом эпизоде, воскресным утром шел на работу, когда его окликнули. Обернувшись, увидел все почтенное семейство в сборе.

– Спасибо, товарищ лейтенант, не знаю, что на меня нашло. Стыдно людям в глаза смотреть, – потупясь, раскаивающимся голосом произнес незадачливый глава семьи. – Вы опять на работу, а мы вот собрались на Приморский бульвар, хорошо, что вас встретили. Я заходил к вам в отдел, хотел поблагодарить, но не застал вас.

– Не вспоминайте об этом, в жизни всякое бывает. Смотрите, какая прекрасная погода, – улыбнувшись, ответил Олег. – Непременно покатайтесь на прогулочном катере. Успеха вам, – приветливо помахал он рукой. Ему было несказанно приятно видеть их улыбающиеся, счастливые лица, и он подумал, что этот день обязательно будет для всех удачным.

Жизнь шла своим чередом. Лейтенант Аскеров работал методом проб и ошибок, не жалел себя, пытался восполнить недостаток опыта и нехватку профессионализма двойной работоспособностью. Он твердо руководствовался правилом неизменно уважать людей, защищать их законные интересы, делать все от него зависящее по профилактике, предотвращению всевозможных конфликтов и правонарушений, выявлению причин и условий, способствующих преступности.

Теперь он более уверенно отслеживал и контролировал обстановку в зоне обслуживания, лучше знал людей, проживающих в поселке, уделял большое внимание трудоустройству ранее судимых. Содействовал решению их бытовых проблем, четко определил для себя круг лиц, склонных к противоправным проявлениям, антиобщественному образу жизни.

Настойчиво перенимая опыт старших товарищей, Аскеров уделял особое внимание владению криминогенной обстановкой. Учился вести разведывательные беседы, добывать из разных источников значимую информацию и правильно ее анализировать, постоянно расширять свои возможности в ее получении. Не все складывалось как хотелось бы, но при этом определенную позитивную отдачу от вложенных усилий он ощутимо почувствовал, активно участвуя в раскрытии ряда тяжких преступлений и задержании опасных преступников.

А когда в конце года его показатели отметили на совещании по подведению итогов, и в его адрес прозвучали положительные отзывы от авторитетных коллег, он понял, что вступление в милицейскую семью состоялось. Вместе с тем, ему еще долго не удавалось избавиться от определенного дискомфорта, досадного чувства, что он все-таки не родной, а случайный здесь человек, просто попутчик.

Время шло, неумолимо предъявляя все возрастающие требования. Исподволь приходила уверенность в своих силах, рос опыт, появилось знание преступного мира, нарабатывались элементы собственной профессиональной методики по предупреждению и раскрытию правонарушений. Олег внимательно присматривался к сослуживцам, анализировал их поведение и поступки в различных, подчас стрессовых ситуациях, наблюдал за их отношением к людям, к своим обязанностям. И с каждым днем все больше убеждался в сложности милицейской работы, которая требовала исключительной отдачи, кристальной честности, твердости своих нравственных убеждений, умения сопереживать, чувствовать чужую боль. Росло понимание важности

неукоснительного соблюдения прав человека, недопустимости видеть в людях, по каким-либо причинам преступивших закон, врагов, усугубляя их положение грубостью, черствостью, бездушием. Аскеров четко для себя уяснил, что, действуя в рамках закона, надо одновременно всегда помнить о милосердии.

При всем старании адаптироваться в ставшем уже своим милицейском коллективе, Олег не мог свыкнуться с невеселой мыслью о том, что этот его выбор может стать окончательным, на всю жизнь, и его угнетало, что он будет обречен каждый день сталкиваться с людскими страданиями, криминальными проявлениями, горем, трагедиями, несчастными случаями, ибо такова была стезя, на которую он волею судьбы ступил, и проистекающая из нее специфическая сфера деятельности, не отвечавшая его натуре.

И тут произошло знаковое событие, ставшее для него полной неожиданностью. А случилось это 9 мая, по завершении торжественного собрания, посвященного 40-летию Победы в Великой Отечественной войне и проводам на заслуженный отдых ветеранов. Его подозвал к себе один из них, кавалер многих боевых наград, капитан милиции Джебраилов, протянул ему в качестве подарка свой свисток и, сдерживая волнение, сказал:

– Возьми, Олег, ты будешь его четвертым владельцем. Свисток мне подарил оперуполномоченный уголовного розыска Самед Абдуллаев. Это было в августе 1945 года. Я тогда только начинал службу, сменил армейскую гимнастерку на милицейский мундир, а он уходил на пенсию и сказал мне, что в двадцать первом году этот свисток, еще периода императорской полиции, ему вручил старый служака-постовой Халил Велиев, работавший в полиции с 1895 года и получивший его вместе с первой формой. Он был известной фигурой в Баку, нес службу у Губернаторского сада, на Ольгинской, и у Дворянского собрания. Серьезный был мужик. Его все бакинские урки знали, боялись, как огня, и уважали за справедливость и принципиальность.

Тем временем к ним подошли еще несколько ветеранов, и Олег понял, что все они осведомлены о решении Джебраилова передать ему свисток.

– Мы к тебе долго присматривались, – сказал один из них.

– Этот свисток обязательно принесет тебе удачу.

Они все по очереди пожали ему руку.

– Я прослужил без замечаний, – обняв его, сказал Джебраилов, – и, насколько мне известно, предшествующие его обладатели тоже. Смотри, не потеряй! Будешь уходить на пенсию, передай какому-нибудь хорошему парню. Наверное, к тому времени служба этого свистка намного перевалит за сто лет.

– Спасибо вам большое за доверие, Осман Халилович. Но почему вы решили дать его именно мне? – непроизвольно вырвалось у Олега.

Ветеран внимательно посмотрел на него и, помедлив, ответил:

– Мы в кругу наших фронтовиков сообща пришли к такому выводу. Сердце у тебя, парень, доброе, с богом в душе живешь. Такие милиции, ой, как нужны. – И вновь повторил: – Береги свисток, он принесет тебе удачу, сынок. Всегда помни, что у нас особенная профессия, она становится образом жизни. В целом ряде ситуаций она дает определенную законом власть над людьми, иногда даже очень плохими, и ею надо пользоваться крайне осторожно и в высшей степени справедливо. Человеческая жизнь, благополучие человека – вещи хрупкие, к ним надо бережно относиться. Иногда простая случайность, недоразумение, несдержанность, излишняя эмоциональность, потеря контроля над собой может привести к непоправимым по-

следствиям, перечеркнуть прошлое, лишить будущего. Дай я тебя еще раз обниму напоследок!

С того памятного для него дня, этот свисток всегда был вместе с Олегом. Жизнь не скупилась на испытания, да и время началось тревожное, с неожиданными политическими переменами и социальными бурями. А человек в форме, как известно, всегда на острие. И если он не уподобляется флюгеру, держится, не прогибаясь, помня, что гибкость имеет особенность приводить к деформации, то ему вдвойне тяжело. Аскеров искренне жалел коллег, которые увольнялись со службы, пасуя перед трудностями, хотя и понимал их. Однако не скрывал своего неприятия к приспособленцам, ловившим мгновение, искавшим себе покровителей во властных структурах, участвовавшим в коррупционных схемах, унизительно цеплявшимся за кресла, должности, награды, и одновременно творившим беззаконие, забыв о боге, совести и присяге. Он видел, как откровенные бездарности, заслуживавшие только пособия по скудоумию, всплывали на поверхность, рвались вперед, шли по головам, не успевая менять звезды на погонах.

…Отставной полковник полиции Олег Аскеров в своих воспоминаниях как бы заново пережил перипетии своих сорока лет службы, разделенных на милицейскую и полицейскую половины. Обе они включили в себя массу разноречивых событий, по-разному отразившихся на его судьбе, оставив свой неизгладимый след в памяти.

Олег Аскеров не стал выдающимся сыщиком, не достиг высот в иерархической лестнице органов МВД. На его счету не было впечатляющих подвигов, карьерных скачков. Он все это время самозабвенно вкалывал, целиком отдавался работе, не думая о регалиях и чинах.

Но у него было нечто главное – то, чем действительно можно было гордиться. Он прошел свой служебный путь от лейтенанта милиции до полковника полиции честно, делая все по совести, не держал нос по ветру, чтобы использовать шанс в условиях всяких там перестроек и демократических реформаций, и твердо знал, что вслед ему никто никогда не бросит упрека в несправедливости, мздоимстве, карьеризме, не обвинит за чью-то сломанную судьбу, за бездушие.

На его глазах прошла непростая трансформация милиции в полицию. Ему так и осталось чуждым обращение «господин», поскольку слово «товарищ» всегда ассоциировалось у него со своим истинным, первоначальным значением. Обладая определенным опытом работы и знанием ее проблематики, он, как мог, старался сохранить старые добрые принципы и формы работы, хотел, чтобы приход нового непременно сопровождался необратимым утверждением демократических ценностей, социальной направленности, всего процесса обеспечения порядка и общественной безопасности. Но его скромные усилия вызывали раздражение у многих, пользовавшихся всяким удобным случаем, чтобы ударить его как можно больнее.

Неброский, маленький металлический свисток был всему этому невольным свидетелем, как и тому, с какой стойкостью Олег в силу своих возможностей боролся с квази-полицейскими, не скрывая, обличал и презирал их за низменность интересов, рукоприкладство, алчность, связь с криминальным миром, и открыто называл их «оборотнями в погонах».

В ответ они искали на него компромат, устраивали провокации, безжалостно мстили, и завершающий день его службы стал закономерным финалом неравной, но открытой борьбы за свои убеждения и право оставаться человеком.

Что делать со свистком, подумал он, ведь надо было бы отдать его достойному

молодому коллеге. Но нужен ли кому-нибудь из тех, кого он знает, этот маленький металлический предмет? Еще и посмеются, скажут, нашел, что дарить, сочтут за нелепые сантименты. Отставной полковник с сомнением и горечью покачал седой головой…

Свисток

(Вместо эпилога)

Маленький, потемневший от времени металлический свисток чудесным образом навеял на него целую гамму воспоминаний, в большей степени относящихся к первым годам его службы. Может быть, оттого, что это было начало пути, период становления, поиск себя в профессии? Скорее всего, да, так оно и есть. А какую роль сыграл в этом свисток? Стал ли он для него, молодого офицера, еще одним весомым аргументом для того, чтобы остаться в милиции, не увольняться со службы, пройти тернистый путь от лейтенанта милиции до полковника полиции, продолжая традиции старших поколений.

Молодой офицер часто слышал от старших товарищей, своих наставников, что милиция должна своими действиями внушать людям уверенность в торжестве справедливости и добра. Он часто задумывался над глубоким смыслом их слов, многократно имел возможность убедиться, что они полностью совпадали с практическими делами. Возможно, поэтому первые годы службы Аскерова под их доброй, отеческой опекой и руководством остались для него самыми счастливыми. Он помнил, как они, подтрунивая над ним, и одновременно поддерживая, шутили, что в милиции трудно первые двадцать пять лет, а потом будет легче, потому что привыкаешь.

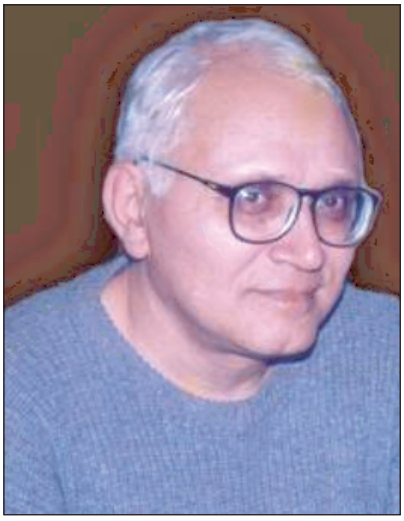
Все предшествующие владельцы свистка отслужили по полной, как и он, прошедший путь от лейтенанта до полковника. Когда выдавалось время, Аскеров успел немало повозиться в архивах, прежде чем восстановил для себя их биографии, послужные списки, узнал интереснейшие эпизоды деятельности каждого по борьбе с преступностью. И был несказанно рад еще раз убедиться, что это были достойнейшие люди, настоящие солдаты правопорядка. Что и говорить, свисток попал к нему уже с почти восьмидесятилетней выслугой лет.

Первым владельцем свистка был полицейский, второй и третий – милиционеры, а он, четвертый, вначале двадцать лет милиционером, а потом двадцать – полицейским. Охват их службы по времени был довольно впечатляющим и внушительным, включившим в себя конец девятнадцатого, весь двадцатый и начало двадцать первого века, то есть до 2015 года.

Ну что, старина, – мысленно обратился отставной полковник к маленькому металлическому предмету, – как будем жить дальше? Уйдешь на пенсию, останешься со мной или предпочитаешь продолжить службу с пятым владельцем? Ты молчишь, но и я, к сожалению, ответа не знаю. Если честно, мне нелегко в одиночку определить твою дальнейшую судьбу, ты, дружище, как-никак, носитель традиций, прошедших через три века, и я в ответе за тебя перед своими предшественниками. Откровенно говоря, мне хотелось бы, чтобы ты остался в строю, так было бы спокойнее и нужно для дела, но давай пока отложим решение…

ЭКРАМ МЕЛИКОВ

(1946 – 2016)



* * *

Дрожат над просеками, тропками
И над навесами лотков
Дождей натянутые стропы
Под куполами облаков!

Так осень приземлилась, шельма!
Я на нее гляжу в упор:
Взмахнула челкой из-под шлема
И улизнула за бугор!

А лист кленовый занемогший,
От жара весь в поту, блестит!
И, как бикфордов шнур намокший,
Шоссе шипящее дымит!

* * *

Звенят капели светлые копейки –
Душе не уберечься от хлопот!
И сердце – птица вольная и певчая –
В решётку рёбер острым клювом бьёт!

* * *

Тела берёз прозрачней хрусталя,
Светлее человеческой слезы.
Вновь заморозки выпали, беля
Опушки. Видишь – заячьи следы!

А воздух у чернеющих прудов
Хрустит, как будто битое стекло...
Природа, запыхавшись от трудов,
Глаза сомкнула. Спит себе светло!

Ощущения

Заточен обрезок луны, как мачете.
От срубленных звезд – еле видные пни.
И вот уже желтые пальцы мечетей
Небес оголенных щекочат ступни.

Спит город. Ты сон от него отгони.
Ведь улицных рук заскорузлые плети,
Уже объявлялись – и те вон, и эти.
А в окнах домов зажигались огни.

Я видел, руками глаза протирая,
Как серая мгла испарялась сырая,
Как норд завывал на подъеме крутом.

А в доме напротив фоно заиграло,
И кошка, на улицу выйдя, зевала
И спинку свою выгибала прутом.

Стебли

Цветок сирени я приметил
И чуткими руками снял
Ветвь в брызгах, отделил от петель
Стеблей и страсть свою унял.

А чтобы солнце не клонилось,
Мне выражая свой упрек,
Я сдернул полог, и не снилось
Ни волн, ни леса, ни дорог.

Так и творю: сияют травы,
И в роще бегает олень.
Я, не выказывая нрава,
На стебли положу сирень.

*** * ***

Вдета красная нитка заката
Полумесяцу прямо в ушко!
Берег в гальку и щебень закатан.
На ладони снежинки пушок.

У кого-то пирушки, нажива,
Здесь же – брошена с синих высот –
Неприметная села снежинка
И, тепло поглощая, ползёт!

Мой город

Встал Баку, растревоженный улей,
Крепким утренним ветром прошит.
В отпечатках ботинок и туфель
Промокашка асфальта шуршит.

Я давно с этим городом слился.
Пообвыкся, домами зажат.
Будто пепел, отжившие листья
В остывающих скверах лежат.

Погляжу во все стороны света.
Свет, он мне любопытство простит.
Каждый дом, как чужая планета,
Телескопами окон блестит.

Ну, а я проживу без утайки,
В меру мрачный, чуть-чуть гулевой.
И каспийские серые чайки
Пусть вопят над моей головой.

Встреча

Я сегодня увидел пророка!
Было утро, и пели скворцы.
Пальцы рук его, словно борцы,
Так сцепились, что два его ока

Прожигали подобием тока
Все пространства, дома и дворцы,
Где разбухшие, как огурцы,
Прели бледные зёрна порока!

Я коснулся пророка рукой
И спросил: не за мной ли явился?
Если да, я готов. Я таков!

Он взглянул, и не током, тоской
Пронизало меня. Я смутился,
Ощутивши дыханье веков...

* * *

Душа моя тиха, бесясь,
Давно разделась, извопилась...
И яростные небеса
Подчёркивают первобытность!

Не всё убийственный покой!
И кажа детскую корявость,
Сквозь тысячи сморков, пинков
Она прошла, не прикрываясь!

Но там – неведомая тишь!
И, жеребёнком вымча в степи,
Милая, ты ж
Не стерпишь!

* * *

Вновь бумагу слова, как снега, замели.
Букв сугробы. Пройду колеёю.
В жизнь врастает избитое тело земли.
И звезда над моей головою!

Да, опять над землёй зародится звезда
По желанию, а не по смете!
А засыплет пургою, последнее «да»
Прошепчу, обнимая бессмертье...

* * *

До свидания, жизнь – моя тема,
Мой никем не услышанный крик!
Так в осеннем саду хризантема,
Приподняв над травою парик,

Опускается в танце ужасном!
А с опухших небес, языкаст,
Льётся медленно крошевом красным,
Словно мокрая глина, закат...

МАРАТ ШАФИЕВ

(Не)Состоявшееся

Экраму Меликову

Возможно, мы останемся в истории только потому, что пересекались с Поэтом. Я хотел написать его биографию – собрать горючий материал: свод неких документов, дат, мимо которых не мог бы пройти будущий исследователь. Может быть, без каких-либо глобальных выводов – нам неведомо, какая ипостась Поэта понадобится будущему. Дело поэта – пророчествовать. Философия пророчеств – дело второстепенное. Он обрадовался («Это огромное счастье, когда герой книги жив и может соединить звенья, заполнить лакуны»), начал что-то рассказывать. Потом под давлением человека, от которого в то время зависел (не хотел ли стать единоличным наследником?), пошел на попятную. Цельного полотна не случилось, остались рассыпанные сколки – которые теперь не склеить.

Но прежде было мое эссе «Проклятые вопросы книги «Бульвар-Вселенная»» (2000 год). Прочитав его, Э.М. воскликнул: «Вот единственный человек, который меня понял». Хорошо бы, коли так.

В пустоте черной бездны покачивается поплавком голубой шар. Свободная душа, зачарованная зрелищем, все еще не решается на поступок. «Слушай». «Здорово. Кто сочинитель?» «Ты». И душа, более не мешкая, влезая в оболочку – скукоживаясь и теряя, ибо не по размеру, – стремительно погружается вниз.

900-граммовое красное тельце, которому тяжел даже собственный крик, куда-то понесли. Мама дикой кошкой мечется, находит в морге по приметной родинке. «Отдайте», – прижимает к груди, заслоняет. Год 1946-ой.

Сцена сложена, места заняты, занавес поднят, башня бьет урочные – представление начинается. «*И мир пока не сформирован, А лишь намечен в чертеже*».

Город – как клинок, прокаленный огнем и водой. Морская стихия (огромная внутри и снаружи!) – нескончаемая импровизация, вечное томление. Вечный урок и укор. Город – строки домов с цезурой площадей. Город – питательный бульон, в котором постоянно зарождаются новые идеи.

Один раз живем. Да и то мало. И не так. И не там. И не тогда.

В два года мама приносит его к знакомым, хозяйская дочь роняет младенца с балкона. Второй этаж, но дом старинный – с высокими потолками. Доктор Топчибашев собирает по кусочкам раскроенный череп. Говорит: «Будет или гений, или идиот».

В бане сковырнул бородавку, и левая рука взбухла злокачественной опухолью. Женщина-врач прижигала ее до костей и спасла руку.

Девичья фамилия матери – Зрадловская.

Зощенко вспоминал («Перед восходом Солнца»), что летом 1916 года на Юго-Западном фронте, в Галиции, был послан в штаб 2-й казачьей Туркестанской дивизии (командующий – генерал Габаев, начальник штаба – Шапошников, будущий советский маршал) с донесением. Взволнованному и возбуждённому порученцу в расстёгнутом френче, с фуражкой на затылке преградил путь поручик Зрадловский: «В таком виде…» Там полк окружён, погибает, а здесь: застегните ворот.

В конце XIX века по числу родившихся детей в Азербайджане среди некоренного населения поляки занимали второе место после русских. Они были самой образованной нацией. В 1913 году служащие среди поляков в Баку составляли 52,2%.

Польскими архитекторами Иосифом Гославским, Юзефом Плошко, Казимиром Скуревичем, Евгением Скибинским и другими были построены самые красивые здания: мэрия, дворцы Исмаилии, Тагиева, Мухтарова, мусульманская женская школа, Пассаж, контора Ротшильда, множество жилых домов в исторической части города (дом Нагиева) и несколько мечетей (Хаджи Солтанали и др.).

Но какую роль в нашей истории играет всем известный «вал моей гордыни польской»? У той же Цветаевой: «Из Польши своей спесивой».

Любовь моя – джаз. Мы зачинали детей под Baby Snakes Фрэнка Заппы и убаюкивали новорожденных под Havana Moon Карлоса Сантаны. Амстронг, Бесси Смит, Сесил Тейлор (джаз-рок и фри-джаз), Арчи Шепп, Пинк Флойд – большая коллекция магнитофонных лент и рентгеновских пластинок.

Мама напевает сказку. И вдруг дитя вскидывает полусонную головку: «Я буду Пушкин!» «Будешь, обязательно будешь. Спи». Осознать свое предназначение – уже быть с Богом. Пять или шесть раз публиковавший в газете «Баку» его ранние стихи Чердаков так и будет его приветствовать: «А! Это снова вы, Александр Сергеевич!»

На Страшном Суде простится бессловесному, но спросится у владеющего словом. Ибо сам себя вперед выдвинул: кто, если не я?!

Исаия, гл. 6: «И сказал я: горе мне! Погиб я! Ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа с нечистыми устами, – и глаза мои видели царя, Господа Саваофа. Тогда пришел ко мне один из серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот, от тебя и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? И кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня».

С углем в устах, с углем вместо сердца – пророки всегда жестокосердны.

Пророки – разоблачители пороков. Малахия: «Проклятием вы прокляты». Прокля́тый мир или про́клятый мир?

На языке Библии, у финикян и карфагенян для обозначения пророка и сумасшедшего служат одни и те же слова.

Для поэта существует только одна история – судьба Пророков. Ибо сама поэзия есть невнятное сомнамбулическое проборматывание, случайное попадание в цель. У настоящего поэта таких случайных попаданий наибольшее число.

11 декабря 2001 года. Презентация третьей книги, «NODEQAMRA-ROCK» (читать справа налево) (Про Рок?). Начинает с «Лавки», более обращаясь к дочери: «Я еще чего-нибудь куплю!» Бурные слезы Ясмины, неправдоподобно крупные сквозь линзы очков. Единственно родной человек. А потом камень в толпу швырнул: «*Вы лицемеры и подонки, А я – единственный поэт*». Ничего, проглотили, не впервой. Утерлись плевком и аплодировали.

А когда купит? Вечное безденежье, безнадега. В самом деле, не эти же тряпичные лоскутки – прикрыть нагое тело, не эту мишуру, тускнеющую на глазах. Жемчуга слов – застывшие жемчуга слёз? Тоже залежалый, тухлый товар, задарма никому не нужный.

Поэт борется с инертностью мышления, это его главное предназначение. (Гений – бедствие для человечества, мечтающего о золотом сне. Стихи – от «стихия», бедствие). Хуже, когда он вынужден еще схватиться с социальной реальностью, которую не обязан замечать. (Скажите, милые, какое тысячелетье на дворе?) Ему – 33. Как Христу. На стене дома – мозаичный барельеф Ленина и лозунг: «Исторические решения XXV съезда КПСС – в жизнь!» Включает радио: интервью с главным редактором издательства «Современник» поэтом Юрием Панкратовым: «Современно то, что стоит на уровне своего века, отвечает требованиям времени. Быть современным – значит утверждать наши высокие идеалы, работать с перспективой, качественно, динамично. Такие тре-

бования мы предъявляем к нашим авторам и прежде всего к самим себе. Двенадцать писателей завершили создание книг по социальному заказу издательства. Кроме летописи «БАМ – стройка века», сборника «Горизонты Нечерноземья», выйдут повесть магаданского писателя Л. Кокоулина «Колымский котлован» – о гидростроителях, возводящих самую северную в мире ГЭС, роман Ю. Скопа «Техника безопасности» – о судьбах горняков комбината «Апатит», А. Жукова «Дом для внука» – о жизни средневолжских рабочих, колхозников, партийных и советских работников».

Но подобное он не напишет даже под угрозой расстрела: «*Увы, гражданские мотивы\ Моим не свойственны стихам*».

Мастер – это ремесленник высшего разряда, иногда даже производящий штучный товар. Но художник, не свариваемый до съедобности – нечто другое.

А ведь что забавно – советская империя и её социальный реализм ушли, а темы вечные – остались.

Поэт пишет при любом строе, в любое время и в любом месте. Раб, хозяин – состояние не общественное. И в яме можно быть аристократом духа. Но когда ветер свистит в кармане, и плачут дети – до поэзии ли, не кормящей? Не хлебом единым… Но в том числе и хлебом. Творчество на время дарит радость, убивая быт. Но тем трагичней возвращение. Роль личности не в том, чтобы делать историю, а в том, чтобы сохранить себя вопреки ей.

Жизнь сильнее поэзии, но в поэзии – ее надежда, мечта.

Не есть ли неустроенность – составная часть мифа? (Творимого на наших глазах!) Ахматова: «*Молитесь на ночь, чтобы вам\ Вдруг не проснуться знаменитым*».

Человек нетерпелив: все и сейчас. А что он знает о Божественном замысле? То, чем мы восхищаемся, для гения есть полное несчастье. Признавая гения (не дай Бог!), его убивают, лишая этой самой неудовлетворенности.

И вызов в КГБ. «Дайте подписку, что не коснетесь политики». «С удовольствием». Обещание даётся тем более легко, что он не против власти. Но и не за власть. Он – «сквозь» неё, поверх, посюсторонне. Подумаешь, большевизм – одинокий мазок на полотне Вечности. Красные брёвна заката; дачные перрончики, пахнущие раздавленной виноградной кожурой, полузасыпанные мелкозернистым пляжным песком, и многое другое, фиксируемое стрекозиным взглядом поэта – вещи не менее значимые. И история слетает с человека шелухой. Каждое событие – история.

Но если истории нет (кому это лучше знать, как не младшему научному сотруднику Музея истории?), точнее, если ее – уходящую в архаику, в хаос, – невозможно осилить, то единственной опорой остаётся собственное «я». «Я» всегда ощущает себя как вечно-присутствующее. «Я» есмь Бог.

Формально он не был диссидентом, не подписывал протестных писем, не выходил на площадь за нашу и вашу свободу, но если читать стихи – он был диссидентом по духу. Лютая злоба к миру, не оценившему. А тут еще тянут свои вялые вирши.

«*Не пишите. Я за вас все написал. О, дорогие друзья, как вы безнадежно заурядны. Это как раз та сфера, где количество не переходит в качество*».

Щерятся, думают, шутка. Или шизофрения – мания величия.

«*Хорошо, вы – гений. Только молчок, никому. Нас всего двое*». Опять не верят. Никак не угодишь. Что же вам от меня надобно?

Москва. «Новый мир». Рассыпанная вёрстка. Приговор коллеги с яйцевидной головой: «Экзальтация». Это судьба. Здесь мало наличия таланта, необходима и некая толика случайности, удачи. Перед судьбой даже боги отступают.

Пошли прочь, дураки, какой я вам писатель?!

Сожжение первых рукописей. Убранные лестницы – и нет периода ученичества.

Как у Христа. Загадка, которую щелкать и никогда уже не расщелкать. Отныне он поэт одной темы. (Один прекрасный поэт сказал о Э.М.: «Всю жизнь он пишет одну большую книгу о себе». Сказал в насмешку, вышло в похвалу.)

Поэт – это тема. И чем крупнее тема, тем крупнее мужающий с ней поэт. Копать не вширь, а в глубокую высь. Вертикаль. Но не есть ли гений – половодье? Распятый на двух плоскостях? И, как у Христа, потрясающее отсутствие женской линии.

«*Иисус, не волнуйся, я знаю,\ Что ты не виновен ни в чём*».

«*Сгустки алые свисали\ Из распахнутых ноздрей*».

Не так ли в Библии: «Не без крови».

Кровь – самый подходящий материал для письма.

Дух искушения: спасение гарантировано, если только освящено кровью. Великий искус. (Искусство – искус).

Не дождетесь. Буду вечным укором, бельмом на глазах. А сдохну, сквозь землю прорасту («*Мой прах – колышется, восстав!*»), вцеплюсь в глотку. Криком изойду. Криком, который никогда не закроется, не заткнется. Вся литература туда провалится.

Да и какая теперь единичная героическая смерть? Двадцатый век явил нам смерть массовую, рутинную, поставленную на конвейер. Смерть, уставшую от самой себя. Конец «великого социального эксперимента», сняты ограничительные флажки, радостно нас привечает свобода. Печатайся – были бы деньги – сколько угодно. И что? Все та же стадность и мизерность толпы, все так же разделено по пайкам. Поставили культуру в один ряд с супермаркетом, но дивиденды культуры другого рода. Во все времена литература была убыточна. Все «измы» – только формальная оболочка одной и той же сущности человека.

Красную звезду не прославил, но и, когда слетела с небосвода, не обратил внимания. Поэт живет всегда не под искусственными, а настоящими звездами. И вечные вопросы не решены еще никаким строем.

Поколение, родившееся в двадцатые годы двадцатого столетия, опоздавшее на Гражданскую, схватило свою жар-птицу в Великую Отечественную.

Родившиеся в сороковые, никуда не успевшие… Не оттого ли маета, что дела не нашлось? Не гордиться же свидетельством развала Империи. Но как же даже вскользь не отметить: открытые ворота ГУЛАГа, атомная бомба, прорыв Гагарина?!

Но это Восток, идея коллективизма. «Хорошо, пускай личность. Но сверхчеловек или совершенный человек?» «Падающего толкни!» «Здесь, Экрам, наши пути расходятся». А если падающий – ты сам? А как же «очеловеченный цветок»? И даже больше – очеловеченная машина. (У Золя – паровоз, который механик любит, как женщину). Но не киборг – превращение человека в машину.

Блок: «*Его встречали со смехом,\ Говорили, что он чудак*».

Чудачество – несообразность мечты, высокого духа и окружающей пошлости.

Ведь у тебя самого: «*Но кто придумал человека,\ Был изумительный чудак*». Но позже исправил: изумительный дурак.

Свержение идеалов возможно не ради тотального разрушения или самоубийства, а ради других идеалов. Хотя понятно, что поэзия – не средство, а цель сама по себе, и полезное искусство – есть дрянь.

Володя Исаков тиснул в Питере «Неуслышанный крик». Посек самое стоящее, самое сочное, самое любимое. Стихи корчатся от пытки, как и автор.

Бедные, что же будет с вами без меня? Кто защитит? (Ученики? Оболгут, извратят, опошлят идею). Какая же в них силища, если и четвертованные продолжают жить, мучать, заставляют восхищаться и завидовать. Зависть, всегда сопровождающая величие. Ибо вершина со всех сторон просматривается. Невозможно игнорировать, сдви-

нуть в сторону.

2009 год – второй инфаркт. Думали, уже не выкарабкается.

Требуется операция по шунтированию сердца. («*Пульсирует сердце, чей каждый толчок,\ Шумя и дымясь, насыщает века*»). Очень дорого. Опять материальное подмяло духовное. Так и остался без операции.

Разлом по сердцу страшнее, чем по земле.

Великой победе предшествует полное поражение. На сверхскачок, минуя соседние орбиты, способен лишь электрон, павший на самый низкий уровень. (Блок: *опускающийся – прав*). Физический закон. Стратегия поражения.

Мы не можем ходатайствовать за страдания, пока не прошли путь страдания. И мы не можем обрести веру (которая дается не по рождению, не как привычка, закон, а требует работы), не потеряв ее. Иов: «Верую, Господи! Помоги моему неверию!»

«*Господи, пусть мне поверится!\ Ну, хоть на вдохе последнем!*»

В Коране: простится даже за одну искреннюю жаркую молитву.

Богоборчество – это не атеизм, атеизм – игнорирование Бога. Богоборчество – это посильная попытка сотворчества. Мы призваны на пир равными собеседниками.

Существует текст абсолютный, к которому ты приближаешься в переборе вариантов. В этом случае для поэта Бог всегда есть.

2006 год – вступление в Союз писателей.

«Это Союз должен вступить в меня!» Тысяча бездарностей – разве такой Союз ему представлялся? Похеренный миф о человеке подполья?

Слаб человек, немного надо: выпить и закусить, пуститься в любовную интрижку. Зубы фарфоровые. Когда десны не кровоточат, ребрышки прожаренного цыпленка хрустят на зубах – великое счастье. Зачем мне посмертная слава? Ты меня при жизни накорми. Легко представить себе в его устах фразу Мандельштама, не единожды заявлявшего вслух: «Все, что есть в вас ценного, — то, что вы знали меня». Или такую: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые — это мразь, вторые — ворованный воздух. Писателям, которые пишут заведомо разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо…» Мандельштам возникает неспроста – его гордыня, победоносное отчаянье, святая убеждённость в высочайшем предназначении поэта и своём априорном праве на всё, в чем поэт нуждается, сродни притязаниям Меликова.

После литературного собрания. Группа сопровождающих. Перед тем, как разойтись, доругаться у Памятника. «Ребята, поставьте и мне. Как Бродскому, при жизни. Или после». «Обязательно. И место присмотрено. На Патамдарте. На городском кладбище».

Стихи – это слова с повышенной температурой. Чем выше точка кипения, тем сложнее форма, призванная её сдерживать. Иногда такую форму необходимо изобретать заново: Цветаева, Маяковский. (Сравните с токомаком – магнитной ловушкой для термоядерной плазмы). И пропустить через сердце. Можно предположить, что среди поэтов наибольшее количество сердечников, по сравнению с другими профессиями.

Косноязычие последних стихов – невозможность найти адекватный способ выражения. Слова ломаются спичками, не выдерживая непомерной нагрузки мысли. Не всякое слово. Дело даже не в словнике живых и мертвых слов. Здесь полная гибель всерьез, отказ от биографии, которая отныне растворена в твоем произведении. Живи, как пишешь.

Умирая, Лукиан не переставал декламировать собственные стихи.

«Подземный Мавзолей» – это не выдумка, а факт. Ужас, отпечатанный в ноосфере. Выраженное – значит, состоявшееся. Написавшему такое стихотворение больше не о чем беспокоиться.

Земное – лишь подготовка к творчеству в высших мирах. Здесь набиваешь руку, пишешь под диктовку, здесь тоскуешь и ищешь и не находишь достойной темы, не подозревая, какой эпос, какой истинно мучительный труд ожидают тебя впереди. Но не всякому там, где всё должно быть совершенно, доверяется. Не оправдавшие земной истомы обречены на безмолвие. Нам иногда приоткрывается небесная книга, даже одна вынесенная оттуда строка навечно сохраняется и переписывается в земной литературе. Но когда пробрался в чертог с заднего хода и спросил: «Кто Ты?», не дождался ответа. И тут предел, дальше земному путь заказан. О чем дальше писать? Истина тотально молчалива. Но как тяжко молчать, привыкнув к слову.

В последние 30 лет стало ясно, что человек вынужден защищать себя во всём, даже в мелочах. Не уменьшить ли для прочности линию обороны? Оставить врагу всё второстепенное, даже «кровь и почву», но сохранить главное – язык и веру. Уйти в катакомбы, как во времена раннего христианства.

А в постмодернистской пустоте, обнаружившейся после тотальной деконструкции, даже молчание уже не трагедия, не выход для художника, а еще один акт искусства. Что называется – доигрались. Homo Ludens – человек играющий. Игра, отомстившая своему создателю.

Христос приносит весть о бессмертии. Меликовский Христос – это булгаковский Иешуа, который никого не спас и, устав от бесконечных напрасных умираний, от бестолочности человечества, закрывает глаза. Он не спас все человечество потому, что не спас даже одного единственного – самого Экрама Меликова.

Сам мир заряжен неудачей. И всякое произведение есть сознание провала. Но искусство учит пониманию значимости этого провала, как совершенного образа несовершенного. Беда, коли пытаться взять над жизнью вверх. Бог несовершенен, Бог для нас умер. И соблазн, раз Бога нет – собой заменить. Задав вопрос, Э. М. не получает ответа. Или не хочет слышать?

В мировой истории был прецедент с Иовой, и все Евангелие (Благая весть) и есть ответ Вечности на человеческие вопрошания.

Искусство – постоянное переписывание вечных сюжетов. Важна лишь современная аранжировка. Так задаётся движение, ничего, что это – движение по кругу. Круг лучше, чем дурная бесконечность. Круг – есть символ культуры. Так в чем же погром мировой литературы?

Но разве от этого мы менее восхищаемся культурными героями, которых смерть уничтожает, но не сламывает? Трагедия человека, отравленного ядом ницшеанства, не должна быть отвергнутой – это также духовный опыт (отрицательный) эпохи рационализма. Тем более, если он выдан в выразительной художественной форме.

Экрам входит с черного ход. Бог или Дьявол? И подозревает, что разница в общем-то несущественна. Связь между ними гораздо интимнее и глубже (сын Бога?), чем мы догадываемся.

В мифах богоборец (культурный герой) похищает у бога важнейшие его атрибуты. За что и наказан (Прометей).

Поэт похищает священные тексты, поэтому также несет наказание.

«Мы главное посмели, посмеете ли вы?» – но кто уверен, что будущее не случилось, что правда потерпела поражение? «Ваш роман еще принесёт сюрпризы!» – кто предполагал, что в вялом анабиозе соцреализма в столе покойного и позабытого писателя лежал роман «Мастер и Маргарита»? Лежал, как семечко, тихо и неумолимо набираясь силы.

Ничего, я подожду. Предо мной – вечность.

Душа выбирает мир на рост. Смерть – универсальный ответ на все вопросы.

И здесь заканчивается жизнеописание, и начинается житие.
Искусство – есть примиренье с этой жизнью.
«*Мне холодно. Как я продрог!... Прощайте! Прощайте! Простите…*»

15 октября 2009г.

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Вспоминая поэта

С Экрамом Меликовым я познакомилась, когда делала свои первые шаги в профессиональной литературе. Сначала заочно – по заинтересовавшей меня публикации в «Литературном Азербайджане», потом и с самим поэтом, который оказался столь же неординарной фигурой – под стать своим строкам... Начиная с этого времени, пестрая литературная жизнь конца начала 2000-х постоянно сводила нас на самых разных площадках и мероприятиях. Возьму на себя смелость утверждать, что в те годы мы жили творчески насыщеннее и разнообразнее: в поэтической разноголосице тех лет можно было отчетливо различить интонации тех авторов, которые в последующие годы и составили основной авторский «костяк» нашего журнала… Позже мне доводилось пару раз писать отзывы на авторские сборники Экрама-муаллима. Мастер яркой и неожиданной метафоры, поэтический бунтарь, предъявлявший счет не только себе, времени, поэзии, но, ни много ни мало – самому Всевышнему, с которым он беседовал, не опуская глаз... Приверженец космических категорий, для которого бакинский бульвар и Вселенную связывала прямая трасса… Человек сложный, неоднозначный, резкий на язык, возмутитель благостного покоя нашей литературной «тусовки» – от его экстремальных суждений доставалось подчас не только современникам, но и классикам всех времен и народов. Хотя лично мне нередко казалось, что все это – лишь маска, некий привычный декор, за которыми скрывался обычный человек с необычным даром поэта, трагическим мироощущением, ранимый и растерянный перед жизнью, находящийся в глубоком разладе с судьбой, временем, самим собой... Сотрудник Музея истории Азербайджана, он в последние годы оказался в том же бедственном положении, в котором сегодня пребывают, увы, многие из нас – поэта не могли не угнетать невостребованность, отсутствие перспектив, безденежье, болезни... Как могли, мы поддерживали его – публиковали в журнале, помогали собрать средства на операцию на сердце. Я несколько раз включала его стихи в свои антологии русскоязычных авторов Республики, в коллективные подборки для публикации в России, Грузии, еще где-то, чтобы его строчки, подобно семенам, могли взойти и на иной почве.

Сегодня я вспоминаю Экрама Меликова, как неотъемлемую и значимую часть своей поэтической юности и зрелости, и прощаюсь с собратом по перу, искренне надеясь на то, что поэт наконец получил ответы на все жгучие и вечные вопросы, так мучившие его при жизни. Мира его беспокойной душе, пусть он останется в нашей памяти таким же ярко чувствующим, вдохновенным, влюбленным в слово, каким мы знали его при жизни...

ЭРИХ ГАУЗЕР

Р А С С К А З Ы

Как говорили в прежние времена – «нашего полку прибыло». Действительно, полку современных авторов азербайджанской фантастики прибыло!

Слово берет Эрих Гаузер, человек, которого я знаю довольно давно. Уже длительное время он ведет блог и фотосайт в Интернете, да и живьем, так сказать, мы с ним частенько видимся, на выставках, презентациях, концертах и прочих интересных мероприятиях, которые Эрих аккуратно посещает, а потом пишет о них статьи и выкладывает на сайте. Человек он весьма эрудированный, хорошо разбирающийся и в науке, и в искусстве, увлеченный вопросами бытия и интересующийся всем таинственным и загадочным, что только есть на белом свете и в его окрестностях. Пишет Эрих и фантастику, с 2013 года. Я читал его рассказы и уверился: они достойны того, чтобы их прочитал не только я. Кстати, на мой вопрос, как и почему он начал писать фантастику, Эрих точно ответить не смог. Но я его понял. С ним случилось, скорее всего, то, что случается со многими: читаешь, читаешь фантастику с детства, читаешь десятилетиями, накапливается – в хорошем смысле этого слова – критическая масса… и вдруг количество переходит в качество, и рука сама тянется к перу, перо к бумаге…

Среди любимых авторов у Эрика – братья Стругацкие, Станислав Лем, Евгений Войскунский и Исай Лукодьянов, Кир Булычев, Борис Штерн. Та еще школа. И мне кажется, что я знаю еще одну причину, по которой Эрих Гаузер полюбил фантастику и начал творить в этом жанре: он ведь работает в Институте Геологии и Геофизики Национальной Академии Наук Азербайджана, работает программистом, а программист, как известно, – самая фантастическая профессия после космонавта…

Пожелаем успеха Эриху Гаузеру-фантасту! Нашего полку прибыло!

Александр ХАКИМОВ

Стихийные танцы

1

«Пляшущие человечки» – это была первая мысль Яниса, когда он открыл глаза. Когда-то, в далеком детстве, он очень любил перечитывать истории о знаменитом сыщике...

Его окружали странные человеческие фигурки, вырезанные на поверхности больших плоских камней. Эти камни, как экраны, располагались вокруг него, почти замыкая окружность.

Янис с трудом встал, пошатываясь на негнущихся ногах, и огляделся. Он находился как бы на небольшом островке твердой почвы посреди... Чего? Вокруг был совершенно неземной пейзаж. От горизонта до горизонта тянулась странная равнина серого цвета, по виду напоминающая глину. Кое-где высились ровные конусообразные холмы с усеченными верхушками, плоскими и почти идеально ровными.

Янис посмотрел на небо. Оно тоже было серым. Ни тучки, ни облака, ни намека на Солнце. Ровный серый свод, до которого могло быть и 100 метров, и 10 километров. Никаких ориентиров.

«Как я сюда попал?» – попытался вспомнить он хоть что-то. «Где я вообще? Земля это или нет?» Вокруг стояла тишина, абсолютная и непроницаемая. Нигде вокруг не было никаких признаков жизни, только серая глина, без капли другой краски. Ни птиц, ни животных. Безмолвие было полным. А еще – ровный, довольно неприятный ветер, который дул Янису в спину. Тоже совершенно ровно, будто бы гигантский вентилятор работал. Но совершенно беззвучно.

Сначала ему показалось, что он просто оглох от падения (падения? как он сюда попал вообще?). Но, пощелкав пальцами и постучав о ближайший камень, он убедился в присутствии слуха.

«Сколько сейчас времени?», – медленно подумал он. Полез в карман, где всегда лежал его сотовый телефон. Сети не было («А ведь говорили, что уже лет 30, как вся планета связью охвачена!»), но время он увидел – почти два часа дня. Это было поясное время его страны, но где он находился сейчас, и сколько времени было тут? Дата была прежней, значит, перенесся он сюда почти мгновенно и без сознания был совсем недолго.

На глаза снова попали камни. Большие, торчащие из земли глыбы с плоскими гранями. И на всех были выбиты фигурки людей, исполняющих какой-то танец, взявшись за руки. Цепочка людей на камнях замыкалась вокруг него.

Это были всего лишь рисунки, точнее, вмятины на камне. Явно очень древние, но почему-то совершенно четкие. И никаких следов забившейся грязи. И вот это несоответствие заставило Яниса нервно поежиться. Человечки казались живыми.

Янис родился в первой половине XXI века, сейчас ему перевалило за полсотни лет. Страшный и сумбурный, XXI век подходил к концу... 55 – это не возраст. «Самый расцвет», как говорится. Но, несмотря на огромные возможности для путешествий, Янис никогда не покидал пределов своей маленькой европейской страны. Зачем? Смотреть иные страны можно по телесенсу. Он еще помнил старые телевизоры, не очень понимая, как люди ими обходились.

Телесенс – это совсем другое. Он передавал не только зрительные образы и звуки, но и все прочие человеческие ощущения – запахи, прикосновения... Янис был лингвистом, очень далеким от техники. Поэтому не вдавался в детали того, как сделаны эти чудо-агрегаты. Работают – и ладно.

Штука действительно удобная, хотя и индивидуальная. Вдвоем по тундре не погуляешь. Впрочем, существовали и коллективные телесенсы – огромные комнаты, где вместо стен были специальные экраны. Заходишь туда – и оказываешься в любой точке планеты, ощущение реальности – 100%!

«В любой точке? И действительно ли это именно ощущение? Нечто подобное такой комнате было описано в далеком XX веке, уж не помню, каким фантастом. Дело кончилось плохо...»

Янис вспомнил, что как раз перед тем, как увидеть «человечков», он и был в одном из таких залов с телесенсом. Но на экранах был тропический лес с диковинными птицами, а не эта серая мгла. Такого пейзажа он не видел ни на одном сеансе. И никто ему про такое не рассказывал...

К сожалению, к концу XXI века природа Земли изменилась необратимо. Хотя третьей мировой войны удалось избежать, и даже с атомным оружием было покон-

чено, борьба людей за выживание, а монополий – за прибыли, покончила и с природой тоже. Телесенсы показывали людям не естественные природные ландшафты, а искусственно созданные заповедники. Вся прочая территория Земли давно уже была поделена между богатыми хозяевами, застроена, обработана, а во многих местах просто брошена, постепенно превращаясь в безжизненную пустыню.

Но то место, где оказался Янис, было совсем иным. Он совершенно четко осознавал, что тут никогда не было никакого намека на цивилизацию. Ни малейшего следа, ни соринки, ни стеклышка! Ничего из обширного арсенала любого путника. Мода на экологию давно прошла, воротилы бизнеса победили здравый смысл и простой инстинкт самосохранения.

Середина века ознаменовалась бесповоротной гибелью дикой природы. Конечно, люди научились производить кислород на специальных заводах взамен вырубленных и погибших тропических лесов, тайги, джунглей... А небольшие заповедники служили местом исследований (опять же в интересах бизнеса), а также для туризма. Дорогого, но доступного многим.

2

С работой у Яниса тоже было неважно. Он с детства тянулся к языкам, читал книги (даже бумажные иногда удавалось достать!), изучал эти старые и давно умершие языки... Да, так уж вышло, что глобалисты победили. И из всего огромного многообразия языков в реальности уцелели фактически только языки ООН – английский, русский и китайский. Французский тоже еще жил, но умирал на глазах. А испанский держался только за счет Южной Америки, в самой Испании его давно уже почти забыли.

Родным для Яниса был русский, хотя сам он никогда никаких русских предков не имел. Но язык его маленькой страны пропал одним из первых. Собственно, и страны как таковой уже давно не было. В мире вообще не было стран в прежнем понимании этого термина...

Миром правили корпорации. Одна занималась производством и продажей еды, другая – бытовой техникой, третья строила дома... Корпораций было всего несколько, сферы деятельности между ними были четко разделены (а где невозможно разделить – они договорились), но никакой конкуренции не было и в помине. Да никому и в голову не приходило начинать какой-то свой бизнес. Все работали в какой-либо корпорации. Безработных тоже почти не было, потому что не было никаких социальных служб. Избыток трудовых ресурсов привел к падению уровня жизни, что вполне устраивало хозяев этой самой жизни. Бедными и голодными легче управлять...

Впрочем, люди мало осознавали свою бедность. Древний принцип «хлеба и зрелищ» продолжал работать и сейчас. Еда была почти полностью синтетическая, а потому дешевая. А зрелища заменял телесенс, тоже всем доступный, особенно в общих залах.

Янис жил один, потому что жена от него давно ушла (впрочем, жена была чисто формальной, институт брака упразднили еще в середине века). Детей у них не было, а больше он ни с кем не сошелся. Вот и жил между небольшой холостяцкой квартирой, работой и залами телесенсорики.

3

Янис оторвался от раздумий. Вокруг него ничто не изменилось. Он вышел за пределы каменного круга и чуть не свалился с крутого склона. Высота его была небольшой, но влезть обратно не было бы никакой возможности: просто не за что зацепиться. Вокруг, куда хватало глаз, тянулась серая, чуть потрескавшаяся поверхность.

Странно. Янис никогда не был суперменом, и по логике его должен был бы душить панический страх. Но в душе не только не было страха, в душе был почти восторг. Он вошел обратно в круг и присел на маленький камушек, похожий на детское кресло. Было удобно, и камни по кругу почти защищали от ветра.

Покой. Он никогда раньше не испытывал такого блаженного состояния полного покоя. Полная тишина, однообразный серый пейзаж. Запахов тоже никаких не было.

«Интересно, как могло случиться, что уцелела эта волшебная страна?» – подумал он медленно. Впрочем, в мировой литературе было описано и такое. Янис хорошо помнил старую детскую сказку о девочке, которую ураган унес в странную волшебную страну. «Не повторилась ли та история со мной?» – подумал Янис.

Но каменный островок в море глины совсем не походил на Изумрудный Город... Зато появилось беспокойство совсем иного рода. «А есть ли тут хотя бы вода? Даже если я пойму, как попал сюда и как выбраться, без воды я долго не проживу».

Удивительно, но выбираться отсюда не хотелось. Где еще сможет он обрести такой покой?

Круг из камней был не очень большим, метров 10–15 в диаметре. А «остров» (как он его назвал) явно больше. Янис встал и пошел в другую сторону, вышел за кольцо. И тут до его слуха донесся звук. Слабое журчание воды. Янис потянулся за этим звуком как стрелка компаса за магнитом. За кольцом была такая же земля и мелкие камни, как и внутри кольца. Но вдруг он увидел ручеек...

«Что-то тут не так», – вяло подумал он, еще не очень понимая причину своего сомнения. А причина была – ручеек бил из земли тонкой струйкой, стекая со склона. Но по пути его все было сухо... «Явно его тут не было раньше!».

Янис зачерпнул горсть и поднес ко рту. Вода была необычной. Впрочем, а какая она – обычная? Ведь уже лет 50, как нехватка пресной воды на земле привела к повсеместному применению воды искусственной. Вроде бы та же «аш два о», но полученная на заводах и подаваемая в дома по трубам современных водопроводов.

Заводская вода была никакой на вкус, но другой не было, и все давно привыкли. А тут – вода была вкусной! Янис понимал, что впервые в жизни пробует настоящую воду, родниковую, природную!

Напившись вдоволь, Янис стал осматриваться. Когда он повернулся взглянуть на ручей, то не увидел ничего, кроме слегка влажной земли. Вода была, но пропала. «А действительно, – подумал он, – зачем ей течь? Тут ничего не растет, а я уже напился».

Янис не застал время интеллектуальных игр, но если бы застал – побеждал бы несомненно. Интеллект у него был гораздо выше среднего... Если бы его открытия в языкознании были интересны не узкому кругу специалистов и финансировавших работу хозяев, а широким массам тоже – он был бы знаменит! Но людям открытия не нужны...

«Интересно, а как тут с едой? А как с другими физиологическими потребностями?». Мысль «нагадить» прямо под камнями казалась ему кощунственной.

Слабый звук донесся из-за ограды кольца. Предвкушая нечто интересное, Янис почти бегом бросился на этот звук. Так и есть. Рядом с камнем высился небольшой куст. А на его ветвях висели плоды, которые Янис тоже ни в одной книге (а в магазине и подавно) не видел. Он уже не сомневался в их съедобности. Но какого чудесного вкуса они были! Он понял, что поесть теперь ему захочется не скоро.

Янис давно понимал, что страна эта имеет какие-то аномальные свойства. И что куст исчезнет, как только он отвернется. Но не смотреть же на него вечно! Да и зачем? Он уже не голоден...

4

«Как я все же сюда попал?» – спрашивал он себя уже в который раз. На его теле не было никаких повреждений, «путешествие» явно проходило в полной безопасности.

Покой. Янис был образованным человеком и конечно знал о древней «теории пяти элементов». Человечество ушло и от религий, и от духовности. Уже много лет эти понятия считались историческими пережитками. Материальная жизнь полностью захватила и умы, и души людские.

Сейчас, стоя на ветру, Янис вдруг почувствовал истинность древней теории. Точнее, он просто ощутил Стихию Воздуха в первозданном своем проявлении. Не было ни холодно, ни жарко. В его стране сейчас была осень, весьма прохладная. А тут было тепло и комфортно, поэтому поток воздуха ощущался как что-то дружеское и явно живое. Струи как бы ощупывали и ласкали его, убегая потом куда-то в далекие, неведомые края.

Незаметно начинало темнеть. Словно где-то наверху, за этим непроницаемым серым покрывалом, просто медленно гасили свет. Темнело быстро. Или здесь иначе ощущается время?

Янис выбрал ровный участок земли внутри круга, постелил свою куртку и лег. Ветер стих как-то совсем неожиданно и незаметно. Наступила темнота. Полная и совершено ничем не прерываемая. Ни единой звезды. Там, где он жил, свет был всегда. Фонари на улицах горели ночи напролет, огни рекламы сверкали повсюду. «Ведь я никогда не видел темноты!» – с удивлением подумал Янис. Лежать на куртке было мягко и удобно, и ни один из органов чувств не находил зацепки для возбуждения. Он не заметил, как заснул.

Сон был странным. Ему казалось, что он качается на огромных качелях в абсолютной пустоте. Янис открыл глаза и ничего не понял. Вокруг него плясали светящиеся фигурки людей. Те самые, выбитые на камнях. Кроме них он не видел ничего. Но ощущение огромных качелей не покидало его и наяву.

«Землетрясение?» – удивленно подумал он. Ведь в его стране никаких подобных явлений никогда не было. Он читал про страшные разрушительные бедствия, видел репортажи по телесенсу. Видел, как рушатся дома и с грохотом падают камни и скалы. Но и там он все равно понимал, что видит и ощущает это, находясь за много километров от события. А здесь...

А здесь и сейчас он всем телом ощутил другую стихию – Стихию Земли. И опять – никакого страха. Камни вокруг сотрясались беззвучно, создавая молчаливую пляску почему-то вдруг засветившихся фигурок.

И вдруг все прекратилось. Через несколько мгновений он, продолжая лежать, почувствовал мелкую дрожь поверхности и увидел, как осветилось серое небо. Янис вскочил на ноги. Что это?

Огромное пространство («Ну да, Пространство! Еще одна стихия! Как я сразу о ней не подумал?») вокруг его острова было заполнено огненными столбами. И тут до него дошел звук – не шелест ветра, а грохот вырывающегося из недр пламени. Столбы огня поднимались из вершин тех самых плоских конусов, которые были во множестве разбросаны по бескрайней пустыне вокруг.

Разумеется, Янис видел по телесенсу извержения вулканов, но никакой, даже самый совершенный технический агрегат не давал ощущения реального присутствия. Да и вулканы были какие-то странные... Ни пепла, ни камней – ничего такого не вылетало из кратеров. И лавы не было. Просто столбы огня. «Еще одна стихия!», – в немом изумлении подумал Янис. А человечки на камнях продолжали светиться ровным, чуть желтоватым светом.

Янис подошел к ним вплотную. От камней исходило тепло, но тепло не такое, как от обычного огня. Это было тепло живого тела. Ему хотелось потрогать фигурки, погладить их, но он не решался. Жизнь по той теории не считалась шестой стихией, но Янису казалось, что именно Жизнь в своем изначальном облике предстала сейчас перед ним.

Не эти ли человечки снабдили его водой и едой?

Землетрясение прекратилось совсем, дрожь пропала. И вулканы разом потухли, словно кран внизу закрыли...

Человечки погасли. «А ведь они живы и разумны! Интересно, какой язык они используют?» – в Янисе заговорил ученый-лингвист. О, он мог бы с ними побеседовать! Янис занимался древней историей и древними языками, переводил по заданию руководства старинные летописи разных народов. Зачем это им нужно, те не сообщали. Просто присылали изображениея пергамента, папируса, а то и вовсе пальмовых листьев с разными знаками. Он переводил и отсылал текст обратно. А зачем – не его дело...

«На каком языке они говорят? На санскрите? На арамейском? Нет, они гораздо древнее...». Янис не был археологом или палеонтологом, но он знал, что подобные наскальные рисунки обычно датируются 10–20 тысячелетиями до современной эпохи. Вот только странные это рисунки, они будто бы совсем недавно возникли. Ровные вырезы, никакой грязи за минувшие века...

«Интересно, а бывает ли тут дождь?». С последней буквой этой фразы с неба обрушились миллионы тонн воды. Но странное дело – ни капли не попало в круг внутри загадочных камней. Янис высунулся за их границу – и его чуть не смыл поток. С неба падала стена воды. Еще одна Стихия... «Последняя...» – подумал он.

Дождь шумел в полной темноте. Уже не боясь ни промокнуть, ни утонуть, Янис снова лег на расстеленную куртку и под мерный шум падающей воды погрузился в долгий, странный сон...

5

Проснулся он оттого, что дождь капал прямо ему на лоб. Янис удивленно сел и тут же вскочил на ноги. Его окружал парк, знакомый до последнего кустика. Подобные парки были большой ценностью и большой редкостью, ведь их площадь не

приносила никакой прибыли, а значит – не была нужна хозяевам современной жизни.

Но обойтись совсем без парков пока все же не получалось (хозяева надеялись, что именно «пока»). Массы трудящихся нуждались в отдыхе, нуждались хоть в каком-то общении, пусть и не с природой настоящей, но с неким ее подобием.

Этот небольшой парк был жалким остатком того, что Янис помнил из детства. Тогда в парке были и небольшое озеро, и тенистые аллеи с красивыми скамейками, и даже несколько пещер, в которых любили прятаться он и его сверстники. Сейчас территория парка уменьшилась раз в десять. Не было ни озера, ни пещер – все это пространство занимал огромный бизнес-центр.

Было холодно. Янису казалось, что он только что вернулся из какой-то сказки, но при этом в нем жило твердое убеждение, что сказка была вполне реальной.

Он бросился домой и, не раздеваясь, включил телесенс. Уже много десятилетий существовала возможность увидеть любой участок планеты. Если не знаешь название местности – в поиске можно указать особые приметы (горы, лес, реки), телесенс понимал простое словесное описание местности.

Какие только запросы ни давал он поиску! Какие только местности и страны ни проносились перед его взором! Но все было не то...

«Что же там было? Что надо спросить?». И вдруг его осенило: «Вулканы!». Увы, простой запрос ни к чему не привел. Вулканов по миру было множество, и еще несколько часов Янис лихорадочно метался между Камчаткой, Исландией и какими-то Богом забытыми островами в Тихом океане. Впрочем, если про них забыл Бог, то не забыли люди: на всех островах были либо туристические комплексы (для богатых), либо, как минимум, центры связи. Ведь реклама не врала – вся Земля была покрыта сетью сотовых станций.

Однако Янис помнил, что на том волшебном «острове» его карманный сотовик не работал...

«Какие еще дать ориентиры?». Все вулканы, которые он видел в телесенсе, извергались магмой и кидали в небо огромные камни. Да и выглядели совсем иначе...

Наскоро перекусив, Янис пошел на работу. Какое счастье, что специфика его труда предоставляла относительно свободный график! Большинство трудилось «от звонка до звонка», и малейшее опоздание грозило потерей зарплаты.

Впрочем, «хозяева жизни» дураками не были. Кого могли – эксплуатировали и к трудовой дисциплине приучали население с детства. Но некоторые виды работ современная техника позволяла проводить и вне стен офиса. Так зачем тратить лишние деньги на обустройство рабочего места?

Янис редко ходил «на службу», получая задания и отсылая результат по всемирной системе связи, через те же телесенсы. Но сейчас ему захотелось увидеться с немногочисленными сотрудниками лично. В их офисе работали разные специалисты по древностям, и он надеялся разобраться в своих приключениях. Хотя, конечно, впрямую рассказать о них было невозможно...

Был уже почти вечер, и до конца работы оставалась всего пара часов. На своем месте сидел только Дастин, пожилой и флегматичный палеонтолог, не отрывающий глаз от микроскопа. Янис не понимал, зачем вообще существует их офис, и что именно пытаются изучать Хозяева. А главное – зачем? Они просто собирали отчеты о проведенных исследованиях, собирали переводы, сделанные Янисом, но научных дебатов не было и в помине...

Впрочем, именно Дастин ему сейчас и нужен был. Но как начать разговор? Янис

решил действовать «в лоб». Спрашивать о жизни у них не было принято, на работе – только о работе.

«Дастин, мне недавно дали один странный текст на перевод, но мне бы хотелось знать примерный возраст этого текста. Когда вообще в мире появилась первая письменность?».

Дастин удивленно оторвался от окуляра. «Это до сих пор точно не установлено. Официально считается, что возраст самых древних глиняных табличек насчитывает 7000 лет, но возможно, и 5, и 10... А что?».

«А когда жили люди, которые на скалах рисовали?», – спросил Янис с плохо скрываемым волнением в голосе. «Ну, это было раньше, конечно, возможно и 15000 лет назад. Все найденные рисунки выполнены природными красками, поэтому их очень мало сохранилось...».

«А были рисунки, сделанные не красками, а высеченные в толще камня?».

Дастин редко удивлялся, но сейчас он был просто поражен. Во-первых, эта тема явно была не по работе Яниса. Во-вторых, обсуждать посторонние темы в офисах было не только не принято, но и опасно: хозяева контролировали общение сотрудников. Но Янис спрашивал, и его волнение было видно без всякого микроскопа... «Впрочем, при необходимости можно привязать эту беседу и к нашей работе – выкрутимся», – подумал Дастин и начал свой рассказ.

«Такие рисунки в начале 20 века нашли в пещерах и на камнях в одной южной местности. Эта небольшая страна и сейчас существует, но существует обособленно от остального мира. Как ей удалось остаться вне всеобщего объединения – я не знаю. Но там свое правительство, там свои законы и своя жизнь. Туристы оттуда в других странах не встречаются, но народ там точно живет, и представители власти участвуют в некоторых международных встречах.

В те времена все было иначе, найденные рисунки были известны на весь мир, там был музей. Но когда мир стал преображаться, когда стали стираться границы и исчезать правительства, та страна замкнулась в себе. Почему-то ей позволили...

Первые годы ее границы были закрыты неплотно и один мой знакомый (он был старше меня и умер почти 30 лет назад) успел там побывать. Рассказывал он вещи удивительные, я даже не особенно верил ему. Он говорил, что природа в той стране сохраняется в первозданном виде, и это, вроде бы, является основной задачей местного правительства. Вроде бы, там какие-то уникальные климатические условия и есть все – от пустынь до высокогорий и тропических лесов. Я даже подозреваю, что Хозяева сами сохранили их как некий заповедник, на случай чего...

Там нет сотовой связи, виды той страны невозможно получить на телесенсе. Мой знакомый был даже в той местности, где раньше был музей наскальных рисунков. Сейчас там музея нет, ведь туристов в ту страну не пускают...

Потом уже, после его смерти, мне рассказывали о той стране и вовсе какие-то сказки: будто бы там проснулись Древние Силы Земли, и страна стала местом проявления основных стихий природы. Помните их? Да, те самые, согласно старым донаучным представлениям...

Если учесть, что на всей остальной Земле первозданной природы не осталось, можно предположить и такой экзотический вариант. Впрочем, никто этого не видел, и никто эти истории всерьез не воспринимает. Удивительно только одно – даже из космоса сфотографировать ту местность невозможно, словно какой-то колпак на нее одет...».

Янис слушал, почти не дыша. Поблагодарив Дастина и выйдя за дверь (а тот терзался вопросом – что случилось с Янисом? И вид у него какой-то странный...), Янис почувствовал только одно – страстное желание вернуться в тот сказочный мир! У него даже мысль возникла: не остаться ли там навсегда? Ведь живут же там люди! Так говорил Дастин, хотя людей этих никто не видел...

Но Янис до сих пор не мог понять, каким образом оказался он в той стране? Снова и снова он прокручивал в памяти все события такого недавнего, но и такого далекого теперь вчерашнего дня...

6

Увы, но ничего такого, за что он мог бы зацепиться, не вспоминалось.

Утром он работал дома за столом. Янис занимался переводами по-старинке, разложив вокруг себя бумажные тома словарей и толкователей. Несмотря на все успехи компьютерной лингвистики (которая отчасти и привела к вымиранию почти всех языков), он не мог воспользоваться автоматическими системами в своей работе – не было в них нужной информации, поскольку не было на нее массового спроса. А только спрос, как известно, рождает предложение.

Работа была тяжелой, на папирусах повествовалось о магических ритуалах незнакомой ему древней цивилизации. Язык папируса был странной смесью какого-то арамейского наречия и языка без названия – предшественника персидского. Но были вставки и вовсе непонятные, которые как раз и вызвали у него жуткое ощущение усталости. Сроки поджимали, а работа шла медленно...

Янис помнил, что, ошалев от напряжения, с прыгающими перед глазами буквами, он накинул куртку и пошел в ближайший зал телесенсорики развеяться... Сел в удобное кресло и почти заснул...

Вокруг шумел тропический лес (фальшивый, как и большинство сюжетов телесенса), а перед глазами плыли строки того папируса, которые никак не желали складываться в нечто осмысленное. Впрочем, как определить осмысленность магии?

Уже засыпая, Янис пробормотал несколько слов на том самом наречии, а потом...

«Эврика!», – чуть не выкрикнул Янис в полный голос и на всякий случай оглядел себя. Во времена Архимеда бежать голышом по Сиракузам закон не запрещал, но сейчас за подобную выходку можно было и свободы лишиться, и надолго...

«Но что именно я сказал, погружаясь в сон?», – лихорадочно вспоминал он. Сомнений уже не было – папирус содержал секреты совершенно реальной магии, позволяющей перенестись в пространстве, а возможно, и во времени. Правда, оставался вопрос обратного перемещения... Тут уж он точно ничего не произносил... Но этот переход Янис списал на действия нарисованных человечков. Ничего иного в голову не приходило...

Он снова сел за стол. «Никаких переводов, никакой работы, пока я не научусь перемещаться туда по своему желанию!».

И снова тоска разлилась где-то внутри него. Тоска по чему-то давно забытому, но очень дорогому... «Вернуться! Любой ценой!».

Конечно, Янис попытался через телесенс получить хоть какие-то сведения о той стране. Но Дастин был прав: даже исторические фотографии, мифы, легенды – все было удалено из необъятной памяти Виртуала (название пришло из прошлого, но

стало почти официальным). Глухо!

Единственное, что он смог найти, это примерные координаты той страны. Площадью чуть больше, чем прошлая площадь его страны, земля эта лежала на побережье самого большого соленого озера планеты. Впрочем, само это озеро давно и сильно изменило и свои границы, и свой размер...

Янис читал вслух папирусы и в оригинале, и в переводе. Что он только ни делал, пытаясь хоть ненароком произнести то заклинание! На какой-то момент мелькнула мысль, что заклинаний может быть много, и мало ли что он случайно произнесет? Но мысль быстро ушла. Впрочем, ничего страшного он и не произнес. Но и того, что искал, не нашел...

У Яниса были небольшие сбережения. Жил он очень экономно, что позволяло при не очень большой зарплате накопить если и не состояние, то некий резервный минимум. И вот сейчас он решился...

«Зачем мне это все? Что дальше? Зачем я живу? На кого работаю?» – мысли, одна смелее другой, рождались в его голове. На самом деле он должен был бы быть благодарным своим Хозяевам, ведь это они ему дали папирус для перевода, и фактически из-за них он попал в ту страну, куда стремился теперь вернуться всеми силами своей души.

Но о благодарности он сейчас не думал, о ней вообще мало кто думает...

Да, Янис решился. Он решился бросить все и уехать искать ту волшебную страну. А почему бы и нет? Примерное ее положение он знает. Если идти вдоль берега озера (впрочем, там надо ехать, а не идти), то рано или поздно туда попадешь... Логично? Логично.

Янис никогда не был туристом. Современный транспорт мог доставить его в любую (ну, почти) точку планеты, но, домосед по характеру, он предпочитал сидеть дома и гулять только в парке. Так всю жизнь и просидел.

«Что взять с собой?».

Впрочем, уж чего-чего, а советов в Виртуале было множество. И на тему путешествий тоже.

Стараясь не тратить лишних денег (пригодятся!), Янис закупил все необходимое, собрал сумку средней тяжести и размера, купил билет на самолет до города, по его расчетам максимально близкого к предполагаемой границе...

Он совершенно не думал о том, как попадет в эту страну. По всей Земле не было давно ни границ, ни таможен. Но ведь эта страна необычна, сможет ли он туда попасть, пустят ли его? Как ни странно, но все эти вопросы в его голове ни разу не возникли.

На работе он решил ничего не говорить. Запер квартиру и отправился в аэропорт. «Ни разу не летал ведь! Интересно, а как это – лететь?».

7

Полет был и вправду очень интересен. Через наушники всю дорогу рассказывали о тех местах, над которыми пролетали. Безоблачное небо и не очень большая высота полета (такая воздушная экскурсия стоила дороже обычного билета, но Янис надеялся хоть намек услышать о стране его мечты) позволяли Янису разглядывать мир под крылом во всей его красоте.

Поля перемежались жилыми кварталами, иногда блестели извилистые ленты

рек, почему-то странного зеленого цвета. А он читал, что водоемы сверху кажутся синими... Но голос в наушниках пояснил, что все реки заселены водорослями, производящими кислород. Не хватало его на Земле...

Полет приближался к концу. Самолет приземлился в небольшом городке, всего-то полтора миллиона жителей. Почти деревня, по прежней терминологии...

Янис вышел на воздух и почувствовал другой климат – тут было сухо и очень тепло. Край озера он успел увидеть в окошко самолета, но до него было еще далеко. Деньги пока были. Одна из Мировых Корпораций ведала перевозками по суше. Билет в нужную сторону стоил дороже, чем он рассчитывал, но выбирать не приходилось.

Через два часа Янис добрался до берега Озера. Ему сразу захотелось именно так и сказать – с большой буквы. Озеро это славилось весьма сложным норовом. Пока он ехал, словоохотливый попутчик болтал почти без остановки. Янис устал от его трескотни, но слушал внимательно – сейчас любая информация была на вес золота...

Так вот, погоду на Озере невозможно было предсказать. Корабли по нему почти не плавали: пассажиры предпочитали летать над озером, а рыба там пропала много лет назад. Ну, не совсем пропала, но в промышленных масштабах ее ловить уже не могли. Впрочем, к описываемому периоду рыбу выращивали на фермах, и рыболовный промысел везде перестал быть актуальным. И была ли в Озере рыба сейчас – никто толком не знал... Военные корабли тоже давно были убраны из акватории – мир стал единым, и воевать нужды не было.

«Но говорят в народе, – сосед наклонился к Янису и зашептал ему в самое ухо, – что корабли на Озере есть. Их видно с самолетов иногда. Но кому они принадлежат – окутано тайной»...

Янис узнал множество легенд и слухов про Озеро. Вроде бы, у него нет постоянного дна. Глубина меняется от нескольких метров на огромной северной площади до чуть ли не нескольких километров в южной его части. И вообще, чем дальше на юг – тем оно загадочнее.

Янис попытался было спросить, почему никто не возьмет современный корабль и не проплывет по Озеру с севера на юг, от берега до берега? На что его сосед огляделся и почти шепотом ответил: «Я слышал, что несколько таких кораблей пытались переплыть Озеро, да ни один не вернулся. И сигналов не подавал. В озере связь вообще не работает, никто не может это объяснить, поэтому говорить об этом не принято».

После приезда сосед распрощался и ушел по своим делам. А Янис направился к берегу. Что делать дальше, он не знал, понимал, что пешком не пойдешь, а ехать – кто согласится его везти?

Противоположный (восточный) берег Озера никакими загадками знаменит не был, это тоже попутчик рассказал. И там даже прогулки морские практиковались. Но как только неосторожный кораблик заходил в воды Озера слишком далеко, начинались либо технические проблемы, либо погода портилась. И команда торопилась вернуться на берег, где все проблемы исчезали сами собой. Но об этом тоже не принято было говорить...

8

«Куда идти? Что теперь делать?», – эти вопросы теснились в голове Яниса, и он решительно не знал, как на них ответить. Он успел плотно перекусить в аэропорту, купил себе запас провизии и воды. И решительно направился к Озеру.

Город стоял на берегу, но уровень Озера постоянно менялся, и поэтому у самой воды никаких строений не было. Зато было нечто вроде дикого пляжа. Впрочем, в те времена людям и в голову не приходило лежать на песке и загорать, как и купаться в естественных водоемах. Природная среда была испорчена промышленными выбросами, и подобный «отдых» ничего не сулил, кроме болезней.

Однако Озеро никто не огораживал, и после получаса быстрой ходьбы Янис подошел к самому берегу. Ветра не было, стоял полный штиль. Здесь, в северной своей части, Озеро было мелким. Но вода была мутной и грязной, породив в душе Яниса ощущение тоски и досады. И даже некоторой жалости к испорченному величию...

А величие Озера ощущалось сполна. Янис вдруг снова ощутил прикосновение Стихии, чего-то первозданного и непокорного человеческому разуму. Наука в XXI веке сделала очень много. Уже не нужна была нефть как источник энергии (да ее почти не осталось в природе), уже с легкостью заменялись у человека целые органы и конечности. Да, это не все могли себе позволить, медицина продолжала оставаться весьма крупным и жестоким бизнесом. Но тем не менее...

Но изучение самой планеты, как и изучение дальнего космоса, практически прекратилось. Зачем? Какое дело всесильным корпорациям до того, что происходит в далеких галактиках? Там бизнес не сделаешь, значит, изучать там нечего и тратить деньги не стоит.

Глубины Земли сейчас тоже никого не интересовали. Разумеется, ученые существовали – и геологи, и палеонтологи, и археологи всякие... Но их осталось мало, оплачивался их труд скудно и работу им давали редко. Таких, как Дастин, в их стране больше не было, да и лингвисты типа самого Яниса не встречались... Впрочем, «страна» – громко сказано. Янис по привычке употреблял термин, реального смысла давно не имеющий. Увы...

Бескрайний простор Озера завораживал. Однако скоро настанет вечер... Янис повернул от берега и пошел обратно в город, узнать, как же ему найти транспорт для дальней дороги...

Ему повезло. Разумеется, никто не стал бы ехать с ним неизвестно куда и неизвестно зачем. Но в городе нашелся достаточно дешевый прокат автомобилей. Водить их Янис умел, да особой сноровки и не требовалось: глобальный Виртуал сам вел машину в любую точку, указанную на карте. Машину он выбрал небольшую, но комфортную, понимая, что ночевать ему придется в ней же...

Оставалась проблема топлива. Все машины работали на водороде. Не потому, что это топливо было безвредным для окружающей среды, нет. Просто были найдены способы дешевого получения этого газа и разработаны методы его безопасного хранения. А как источник энергии водород не имел себе равных...

Янис попросил заправить его машину по максимуму, взял в запас несколько баллонов с газом, сложил вещи на сидение и решительно сел на водительское место. Ехать предстояло долго. Судя по карте, сначала шли сплошные поселения, потом начинались горы. А за горами...

А за горами карта ничего не показывала, сколько ни тыкал в нее Янис непослушными от волнения пальцами. Огромный горный хребет был странной границей, за которой на карте вместо видов лесов и городов отображалось только серое поле, без единого ориентира...

«Это там! Я нашел Волшебную Страну!» – радость переполняла его, и Янис,

указав машине самую близкую к горам точку дороги, передал управление автомату.

Дороги были отменными. Впрочем, про колдобины и ухабы Янис и в книгах не читал. Ровное покрытие, без трещин и бугров, позволяло машине развить весьма приличную даже по тем временам скорость. Транспорта на дороге было мало, грузы машинами не возили, а люди редко перемещались на близкие расстояния. И автомобиль Яниса несся по дороге на максимально возможной скорости.

За окном проносились дома и поля, огороженные и ухоженные. И никакой дикой природы... Не было места, так или иначе не освоенного человеком. Все было обработано, оприходовано, учтено и приспособлено к делу. Никогда раньше Янис и не задумывался о масштабах вмешательства человека в природу. Знал теоретически, но мало что видел в реальной жизни...

Через два часа гонки Янис решил сделать привал. Остановив машину на обочине дороги, он вышел и осмотрелся. Далеко впереди, на горизонте, виднелась горная цепь. Янису опять казалось, что он превратился в стрелку компаса, которую неудержимо влечет только в одну сторону. И, сделав небольшую разминку, он снова погнал машину вперед.

Янис побаивался делать остановки в населенных пунктах. По логике, конечно, ему следовало переждать ночь в гостинице, поесть в нормальном кафе, пополнить запасы еды и топлива... А уже утром со свежими силами продолжать свое путешествие.

Но Янис боялся. Боялся расспросов, не знал, что отвечать. Ведь туристы в этих местах не встречались. А его интерес к тайнам высоких гор мог кому-то показаться подозрительным...

Политики как таковой не существовало, поскольку не было государств. Но интересы своего бизнеса корпорации охраняли едва ли не сильнее, чем когда-то интересы президентов и королей. И никто не отменял тайных спецслужб, тайных агентов, всеобщей слежки, хотя и не слишком откровенной...

Янис прекрасно осознавал, что его интерес к природным тайнам, граничащим с мистикой, может кому-то показаться подозрительным. Недаром его сосед в машине шептал на ухо и периодически оглядывался по сторонам, то и дело отвечая фразой: «Об этом не принято говорить».

И Янис спешил. Спешил до темноты выбраться из населенной местности, добраться до заветных гор и там, среди скал, найти покой и пристанище на ночь. Ему почему-то и в голову не приходило, что с этой стороны гор могут быть какие-то препятствия. Но препятствия были, и спасло его то, что они особенно себя и не скрывали.

Янис резко затормозил машину и свернул на обочину, в сень деревьев защитной полосы. За деревьями было поле, последнее поле перед горами. А впереди...

А далеко впереди он заметил домик и огромный шлагбаум, перегораживающий дорогу. «Они что, танков боятся?», – недоумевал Янис. Танки тоже остались в прошлом...

Было совершенно ясно, что в горы проехать ему не дадут. Если о той таинственной зоне даже говорить было не принято, то уж появляться там и вовсе не следовало... «Почему? Чего они боятся? Ведь это не жители Загорной Страны (а как она называется-то на самом деле?) не пускают к себе никого, это наши власти не хотят никого туда пускать!». Но не задавать же этот вопрос охранникам?

«Что теперь делать? – Янис был в отчаянии. – Неужели все впустую? Но я не вернусь обратно, меня ждет эта страна!», – решение было принято, оставалось его

выполнить...

Янису почему-то казалось, что сама страна тоже ждет его к себе. А поскольку какая-то магия там явно была реальностью, то в глубине души Янис очень на нее рассчитывал. Но пока никакой магии вокруг себя не чувствовал.

Он вышел и огляделся. Какое счастье, что у него с собой есть бинокль! Да не такой, какие носили пираты в XVIII веке, а современный! Бинокль прямо на фоне изображения показывал и точное расстояние до него, и примерный состав рассматриваемой поверхности, и даже текущие координаты местности. Да и кратность у него была несопоставима с оптикой прошлого тысячелетия...

Осмотр показал, что «засада» была только на дороге. Что интересно, позади шлагбаума дорога продолжалась и уходила в глубину гор, теряясь где-то между утесами. «Интересно, – подумал Янис, – значит, в ту страну можно попасть вполне легально? Но кто и зачем туда ездит?».

Впрочем, он не сомневался: праздных туристов, вроде него, туда не пустят ни за что. «А что, если попробовать?». Уж очень хотелось двигаться с комфортом, на машине...

Бинокль Яниса обладал еще одним ценным свойством. К нему подключались наушники, и тогда он мог не только видеть все на огромном расстоянии от себя, но и слышать даже малейшие шорохи за много километров...

Янис направил прибор на домик, но ничего не услышал. Собственно говоря, он там и не увидел никого, в первый момент не обратив на это внимания. Сейчас, разглядывая местность детально, он вдруг понял, что домик этот давно необитаем. Дорога была перегорожена не шлагбаумом, а плитами, стоящими вертикально и врытыми в полотно дороги. «Значит, по ней никто не ездит уже много лет!». Радости его не было предела: Янис не любил конфликтовать с властями...

Он уже ни в чем не сомневался, буквально запрыгнул в машину и помчался вперед.

9

Машина перед препятствием остановилась сама. Все выглядело запущенным и заброшенным, домик был облезлый и начал уже разрушаться. Но плиты, перегородившие дорогу, были прочные и казались гораздо новее, чем окружающие их предметы.

Янис не торопился. Бояться было нечего: раз отсюда убрали охрану, значит, в ней не было нужды. За плитами дорога продолжалась, горы подходили к домику совсем близко и казались вблизи просто огромными. Впрочем, настоящих гор Янис тоже никогда не видел...

Увы, но объехать на машине эти плиты было невозможно. Сломать их – тем более, да он и не решился бы на такое. По краям дороги был глубокий овраг, из которого ни одна машина сама бы не выбралась.

Темнело. Хоть и был у него с собой прекрасный мощный фонарь, но начинать путь в темноте – это верх безумия. Да и зачем? Янис толкнул провисшую дверь и вошел в домик. Там стоял тяжелый запах и было невыносимо душно. «Нет, тут я спать не буду», – подумал он и решил переночевать в машине. Благо, что сидение рядом с водительским было откидным.

Ночь наступала быстро. Воздух был совершенно неподвижен. И тишина, такая

знакомая тишина... Ни страха, ни одиночества – наоборот, он чувствовал себя лучше, чем дома. В какой-то момент ему даже показалось, что именно там, за горой и находится его настоящий дом...

Сумерки сменились полной темнотой. Безлунная ночь в чистом поле, за тысячи километров от дома! Если бы ему кто-то еще два дня назад предложил такое, или сказал, что так будет, он бы предложил «оракулу» обратиться к врачам – так это не соответствовало его привычкам, его вкусам, его образу жизни в последние десятилетия... Да и раньше, подростком – что он видел?

То же, что и все дети того смутного времени. На его детство как раз пришлись и распад мирового сообщества, и разоружение, и объединение стран под давлением воротил бизнеса... Вспоминать все это не хотелось, и Янис решил пойти спать. Тем более, что дорога его все же утомила. Выпив содержимое небольшого термоса (он ведь никогда не задумывался о составе продающихся напитков – из чего они? Но вкус-то приятный – и ладно), Янис залез в машину, разложил сидение в удобную, хоть и тесную, лежанку, лег и приготовился спать.

В голове мелькали обрывки из детства, смешиваясь с образами Озера и...

Янис вдруг через стекло машины увидел Небо. Сон слетел, будто его и не было. Буквально вывалившись из машины, Янис раскрыл рот и стоял так, пока горло не пересохло.

Все небо, от края до края, было усыпано крупными яркими звездами. Где, в каком городе можно такое увидеть? Полоса Млечного пути, яркая и четкая, делила небо почти пополам. И все та же тишина – ни шелеста, ни дуновения.

Сколько он так простоял – он не помнил. Какая уж тут машина! Янис вытащил из кабины покрывало, бросил его прямо на землю, постелил сверху припасенный утепленный матрас и лег прямо на дороге. О возможном дожде он и не подумал. Не прошло и десяти минут, как он уснул...

10

Проснулся он рано. Впрочем, солнце уже встало, но из-за гор его видно не было. С севера дул ветерок, несильный, но довольно прохладный. Видимо, от этой прохлады не укрытый ничем Янис и проснулся. Размявшись и подкрепившись собранной загодя провизией, он собрался пойти вперед. Собственно, о возврате обратно он и не думал...

Без машины, конечно, будет тяжело. Одно утешало – рюкзак современного туриста содержал в себе гораздо больше полезных вещей, чем было у туристов века двадцатого, но вес его при этом был заметно меньше. Технологии развивались!

Почему-то Янису казалось, что назад он уже не вернется. Однако окна в машине он закрыл, дверь запер, бортовой компьютер перевел в ждущий режим и настроил на прием внешних команд. Мало ли что...

Сотовый телефон (который, впрочем, уже давно превратился для людей в универсальное средство общения и досуга, в советчика и много кого еще) был заряжен, запаса батареек хватит надолго, сеть ловилась. Впрочем, Янис все же выключил его пока: энергию лучше экономить.

Собрав все необходимое в свой вместительный рюкзак и наплечную сумку (в таком походе никакие запасы лишними не будут), Янис взял припасенную крепкую палку и решительно обогнул плиты.

11

Ничего не изменилось. Все та же тишина, все тот же ветер в затылок. Солнце над горами поднимется нескоро, но от холода его спасала куртка, да и рюкзак не давал холодить спину.

И Янис ровной, уверенной походкой зашагал вперед, в страну своей мечты. Он ни о чем не думал, ничего не ждал и ни на что не рассчитывал. Когда нет никакой информации о грядущем – то и обдумывать нечего. Обратного пути не было. Искать его не будут, кому он нужен? Конечно, хозяевам придется поискать другого лингвиста (А такого хорошего искать придется долго! Ничего, пусть мучаются, надо было ценить его способности и хотя бы больше платить!), да и квартира его через какое-то время будет сдана новым жильцам. Впрочем, за квартиру он уплатил вперед еще за пару месяцев, но дальше... Просроченные платежи автоматически выселяли его без права на претензии.

Но и эти мысли растворились в безмолвии дикой природы.

Янис шел уже долго, ни разу не оглянувшись. Вокруг стояла все та же звонкая тишина, ни шелеста веток, ни жужжания насекомых, ни криков птиц... Только сейчас он явственно осознал, как же навредили люди окружающей природе. Ведь насекомых на земле почти не осталось. И птиц тоже. Те растения, которые выращивались на полях, опылялись либо ветром, либо сложными искусственными системами. Даже насекомые были искусственные... Впрочем, эта технология все же оставалась слишком дорогой и применялась редко.

Дорога шла почти все время прямо, постепенно поднимаясь все выше и выше. Обычная ровная дорога, прочная и гладкая. Но было видно, что по ней никто не ездит уже много лет.

Янис не привык много ходить, но, к своему удивлению, совсем не чувствовал усталости. Ноги сами несли его вперед, а иногда ему казалось, что он парит над землей. Но все же только казалось...

Часа через три он решил сделать небольшой привал. Сколько он прошел? Километров 15, наверно? Только сейчас он обернулся. Домик казался маленькой точкой, а дорога за ним шла прямой стрелой и терялась где-то за горизонтом. Машины, конечно, и вовсе не было видно.

Поел, попил, посидел на камне у дороги, чтобы ноги немного отдохнули. Но долго сидеть не хотелось. «Вперед!» – этот лозунг сейчас был для Яниса самым сладостным.

Он почти не думал, почти не смотрел по сторонам. Да и смотреть было не на что – горы были голые, ни дерева, ни кустика. Камни, песок, по-прежнему никаких признаков жизни вокруг. Он один, на много километров (или десятков километров?).

Дорога стала все круче и круче идти вверх, но по-прежнему оставалась гладкой и чистой. Что само по себе было странным. Впрочем, без этой дороги Янис давно бы уже заплакал от отчаяния: идти по камням было и трудно, и опасно.

Включил сотовый – сеть была, значит, он пока еще не пересек границу. Зато прибор показывал текущую высоту. «Ого, я уже на высоте 500 метров! А сам и не заметил!». Янис знал, что высота гор тут может быть значительной – и три, и четыре километра. А там и вечные снега... А одежда у него все же не на морозы рассчитана. Хотел взять и такую, но понял, что просто не унесет такой груз. «Если не найду переход через хребет, мне будет плохо», – подумал он, но решил лучше умереть, чем

вернуться.

Кроме высоты местности его сотовик показывал много чего еще полезного. Прогноз погоды радовал ясным солнышком на ближайшие несколько дней, а карта местности рисовала дорогу еще на многие километры вперед. Янис даже сомневаться начал, туда ли он попал? Действительно ли эта дорога ведет в его Волшебную страну? Пока все было так естественно...

Он снова выключил аппарат и бодро зашагал вперед.

12

После отдыха Янис шел уже почти час. Он размышлял...

«Дастин говорил, что его знакомый умер уже 30 лет назад, и в той стране он был задолго до своей смерти. Значит, лет 50 назад. Как раз в мое раннее детство! Но тогда страна была открыта всем... Да, как раз в те времена начался последний передел мира, и, видимо, как раз тогда тут и произошло нечто таинственное...

Но сколько лет этой дороге? Покрытие ее современное, не асфальтовое (как было много лет назад). Значит, она использовалась уже после передела мира... Да и тот КПП на дороге явно служил неким пограничным пунктом для тех, кого сюда пускали...

А потом что-то случилось, КПП закрыли и дорогу огородили плитами... Странно, что только дорогу. Впрочем, кому придет в голову идти в ту страну пешком? Чудаков в мире практически не осталось»...

Янис так задумался, что не сразу услышал нарастающий гул. А услышав, здорово испугался: «Вот оно! Ну конечно, это за мной! Как я мог так опрометчиво включить свой сотовый? Теперь меня ищут!».

Он был прав. С той стороны, где он оставил свою машину, приближался вертолет. Принцип работы вертолетов оставался прежним, как предсказал когда-то великий Леонардо, и каким описывал его в своем романе «Робур-завоеватель» знаменитый когда-то Жюль Верн... Разве что топливо сейчас было не такое, как еще 50 лет назад, да и оснащение патрульных вертолетов было самым современным...

«Куда деваться?» – в панике спрашивал себя Янис. Но ноги работали быстрее головы, он и сам не заметил, как свернул с дороги и полез между скал все глубже и глубже.

Вертолет был уже близко, но он завис над тем местом, где Янис в последний раз включал свой сотовик. Экипаж Яниса не видел и вообще явно не очень понимал, что произошло. Не укладывалось у них в голове, что человек один, пешком, полезет в запретную зону...

Ему повезло. Преследователи полетели обратно, приземлились и явно собирались обследовать оставленную им машину. Янис не боялся за свою жизнь, никто не станет его убивать, его просто посадят в вертолет и увезут на допрос. Потом отпустят. Но работу он потеряет, а самое главное – за ним установят слежку и второй возможности попасть в страну своей мечты у него уже точно не будет. Никогда...

Янис бросился дальше. Он уходил от дороги, но при этом старался идти и вперед, надеясь, что в огромном пространстве скал его не заметят. Солнце светило ярко, было тепло, и он надеялся, что термодатчики вертолета не смогут различить его тело, а глазами его и вовсе не увидеть среди этого нагромождения камней.

Звука не было, значит, они все еще осматривают машину. Вид у нее был такой,

как будто Янис намерен вернуться. Он ведь даже компьютер оставил в ждущем режиме. «Если бы они не стали меня искать! – с надеждой думал он. – Ну, мало ли что, решил человек по горам полазить, экстрима захотелось! А потом придет обратно, удивится, что тут запретная зона (явно не ожидал) и уедет домой!».

Надо сказать, что двое полицейских из вертолета примерно так и подумали. Они, конечно, уже знали личность того, кого ищут. Репутация домоседа и рассеянного ученого была Янису на пользу. Полицейские часа два просидели у машины, но день был в самом разгаре, а путник, конечно же, вернется только вечером. В конце концов, он же древности изучает, мало ли, зачем в горы полез?

Как ни удивительно, но сами полицейские ничего не знали о легендах, связанных с пространством за горами. Они несли свою службу, не вдаваясь в подробности. Тут была запретная зона, но почему запретная – кто его знает? И не могло им в голову прийти, что кто-то полезет в горы, одержимый мечтой о какой-то волшебной стране. Они и слова-то такого не знали – «волшебная». Книги и сказки им в детстве не читали и не рассказывали...

Сидеть и ждать им явно надоело. Доложив на базу, что какой-то чудаковатый ученый полез погулять по горам и к вечеру вернется, машина его ждет, почтенные полисмены сели в свой вертолет и улетели восвояси. Если бы Янис верил в Бога, он бы упал на колени и долго благодарно молился. Но, как мы уже заметили выше, в Бога в эти времена никто уже не верил... Ну, или почти никто...

«Теперь сотовый включать нельзя, ни за что!», – подумал Янис. Впрочем, а зачем ему сотовый? Янис выбрался на дорогу и пошел вперед, все дальше и дальше уходя от прежней, привычной жизни...

13

Прошел еще час. Янис устал, с непривычки ноги гудели и подгибались. Опустившись на небольшой камень, он снова разложил салфетку и второй раз поел. Дорога петляла, она уже давно перестала быть прямой и стала не такой ровной. Вокруг были только безжизненные каменные заросли, никакой зелени, никакой жизни вообще. Он был один на многие, многие километры.

Только сейчас Янис внезапно осознал, насколько же авантюрной была его затея. Не надо ли было улететь на вертолете, вернуться на работу, пока еще хозяева не рассердились? Но он понимал, что дорога к прежней жизни для него закрыта, он просто не сможет жить, как прежде.

Нет, он будет идти вперед! Тут нет диких зверей, нет разбойников, ему ничто не угрожает. Кроме... Увы, кроме голода и жажды. Современные питательные и компактные продукты могли поддерживать его силы еще недели две. Но вот запасы воды закончатся уже завтра и что тогда? Да и что такое две недели? Мгновение по сравнению с той вечностью, что его окружала.

Янис понимал, что переход будет долгим, но тут не было каменных человечков, чтобы устроить для него источник вкусной воды. И если он не найдет природного источника – ему придется плохо...

Осень и на этих широтах все же была осенью. Солнце перебралось через зенит, но жарко ему не было. Погода просто идеальная для похода! Надолго ли? Включать сотовик еще раз он уже не стал.

Дорога поднималась вверх и вверх, но поскольку она предназначалась для ав-

томобилей, Янис надеялся, что дорогу пробивали (где надо) прямо в скалах и ему не придется подниматься высоко в горы. На здоровье он вроде не жаловался, но на Земле и так кислорода стало меньше, чем было раньше, а уж в горах дышать будет совсем трудно...

«Я должен идти вперед, и что будет – то будет!». От него уже ничего не зависело. И, смирившись с этой неизбежностью, Янис почувствовал облегчение. Он собрал все остатки завтрака, сложил сумку и вновь пошел вперед. Только стал чаще помогать себе палкой, а так – полон сил и энергии.

Прошло еще несколько часов. Не видя экрана сотового, Янис не очень понимал, сколько прошло времени. Часы слились в одну сплошную дорогу. Начало темнеть. Еще через какое-то время Янис набрел на боковую дорогу, отходившую от основной. «Вот так сюрприз!», – подумал он. И даже не обрадовался этой новости, скорее, наоборот. Куда теперь идти? Куда ведет эта дорога? Узкая, но тоже вполне современная и качественная...

Темнота стала сгущаться. Солнце давно село, и среди гор становилось не только темно, но и прохладно. Повинуясь какому-то неосознанному импульсу, Янис повернул на боковую дорогу и пошел по ней. «Ведь для чего-то же ее сделали!», – убежденно подумал Янис, попутно подыскивая себе пещеру для ночлега. Впрочем, его спальный мешок годился и для открытого поля, но в пещере все же уютнее.

Дорога кончилась неожиданно, за поворотом. Она упиралась в ветхий и какой-то не очень современный по конструкции забор. В заборе была калитка, болтавшаяся на сломанной петле. Янис зашел внутрь ограды.

Стало совсем темно, и Луны, как назло, нет. Что делать? Самое верное решение – спать. Янис на всякий случай спрятался под нависающей скалой, залез в мешок и почти сразу уснул, без снов и мыслей. Последней была мысль о вертолете, который может летать и в темноте. Но с неба он не виден, защищает скала. А прочесывать из-за него территорию никто не будет: если бы хотели – давно бы это сделали.

14

Проснулся он опять рано. Вчерашней усталости как не бывало, можно бы снова в путь! Но куда же он все-таки попал?

Янис вылез из мешка и чуть рот не открыл от удивления. Чуть поодаль, метрах в 30 от него, стоял замок. Небольшой, двухэтажный. Но самый настоящий, как помнилось Янису по старым детским книжкам. Красивые удлиненные окна, покатая крыша, даже небольшая башня сбоку.

Удивление сменилось изумлением, когда он подошел ближе. Замок был каменным. Он был не построен, а вырублен в горной породе, вырублен как единое целое. Янис подошел к массивной двери и толкнул ее. Тяжелая каменная дверь открылась бесшумно и легко. Увиденное поражало его все больше и больше. Чудеса начались!

Собственно говоря, это были не чудеса, а нечто мало понятное и не имеющее явного смысла. Все дело в том, что и внутри дома все было из камня. Каменные столы и стулья были едины со всем остальным домом. Каменные кровати, каменные шкафы... «Какой гигантский и искусный нож смог создать это все? А нет ли тут каких-то записей? – с надеждой подумал Янис. – Ведь тогда я многое смог бы понять...».

Увы, никаких следов культуры видно не было. В доме было по две комнаты на

каждом этаже. И лестницы каменные... Никаких других материалов, кроме камня, в доме не было. Ни дерева, ни металла – ничего! Не было и привычных для человеческой жизни предметов – посуды, например. Даже каменной!

Еще одна деталь поразила Яниса. Все предметы, да и сами комнаты, были рассчитаны не на рост Яниса, а на людей раза в полтора меньших размеров. Янис запросто мог достать рукой до потолка, а на кроватях бы не поместился ни за что.

Он и не заметил, как высоко поднялось солнце. Конечно, следовало бы изучить этот дом, но времени у него не было...

Янис вышел наружу и тут обратил внимание на еще одну дверь, явно ведущую в подвал. Она тоже легко открылась. Окон в подвале не было, но почему-то там было светло. Свет был слабым, книгу не почитаешь, но для ориентации в пространстве его хватало. И совершенно неясно было, откуда же он исходит. Он просто был – и все!

«Так это не просто подвал! Это – вход в подземелье!». Так и было. Из подвала уходил боковой коридор, так же слабо и неизвестно чем освещенный. Что делать? Янис разрывался между желанием пойти в коридор и мечтой, которая звала его идти вперед по той дороге. Но дорога была далеко, а коридор – вот он, рядом! И дорога была всего лишь современной дорогой, построенной людьми, пусть и давно. А тут – тут перед ним было нечто, созданное явно не наемными рабочими из ближайшего городка. Кто знает – не приведет ли его этот коридор к тем, кто его построил? Кстати, а будут ли они ему рады? Почему запрещен проход в эти горы?

Вопросы, вопросы... Время торопит, надо делать выбор. Когда-то, при старых порядках, люди очень большое значение придавали свободе выбора. Чем больше разных товаров – тем лучше, чем больше кандидатов в президенты – тем лучше. Выбор больше! Как давно это было...

Уже много лет никто никого не выбирал, ни президентов, ни депутатов. Да и понятия эти давно устарели. Товары тоже были такими, что выбирать не приходилось. Телесенсы были все одинаковые, мебель одинаковая, одежда тоже различалась только по назначению и сезону. Разнообразие товаров в прошлом было вызвано конкуренцией производителей, но сейчас конкуренция осталась только в старых книгах. Так зачем усложнять производство?

Жить без выбора было намного проще и спокойнее. Но здесь, в этом царстве иных существ (в чем Янис не сомневался!), выбор снова стал понятием актуальным. Свет или тьма, тепло или холод, вперед или назад – двоичность мира вдруг отчетливо предстала перед ним. Выбор! И от этого выбора (он это чувствовал) зависела вся его дальнейшая жизнь.

Янис вышел на поверхность. Посмотрел на свои разбросанные вчера вещи. Сколько сейчас времени? Солнце стояло почти в зените, а ведь он с утра ничего не ел и даже не пил! И ведь не хотелось там, в доме! Но здесь, на воздухе, он почувствовал волчий аппетит.

Через 20 минут его продовольственные запасы заметно поредели. А водяных и вовсе почти не осталось. И вопрос выбора решился сам собой. Что его ждало на дороге? Многие дни пути без еды и воды. А в подвале... Либо он придет к своей цели, либо его труп никто никогда не найдет. Думать о смерти не хотелось, но решение было осмысленным и осознанным.

И, собрав все оставшиеся вещи и припасы, Янис шагнул обратно в подвал.

15

Ни ветерка, ни шороха. Ровный, сильно приглушенный свет. Ему казалось, что это сами камни излучают нечто мягкое и успокаивающее. На мгновение он вспомнил о таком явлении, как радиоактивность. «А не радиация ли всему причиной?» – подумал он и похолодел. Физику этот чистый гуманитарий знал весьма поверхностно, но все же он был образованным человеком. «Нет, если бы такой свет давала радиация, я бы давно умер», – подумал он и был почти прав.

«Почти» – потому, что природное понятие радиации было куда шире представлений науки конца 21 века...

Воздух тут был прохладный и как будто даже богаче кислородом, чем на поверхности. Во всяком случае, дышалось тут легко. И Янис вошел в единственный коридор, почти незаметно уходивший вниз. Высота его была немногим больше роста самого Яниса, пол был ровным, но не скользким. И тоже – никаких следов жизни. Даже вездесущей плесени...

Тут Янис решил включить свой сотовик. Даже если его обнаружат, станут ли его преследовать? Поймут ли они, где он находится? Янис хотел иметь часы, ведь под землей не было никаких внешних ориентиров... «Опять выбор!», – с досадой подумал он, но достал свой карманный компьютер и решительно включил его.

«Как же я сразу не сообразил!», – радостно подумал Янис. Разумеется, сети не было. А значит, никто его тут не обнаружит. Правда, без доступа в сеть он не сможет узнать свои координаты на местности, но зато у него есть встроенный компас, которому сеть не нужна. И высоту данной местности прибор определяет без всякой сети.

Коридор вел на юг, как раз туда, куда и шел Янис по той дороге. Сейчас он был на высоте 650 метров над уровнем океана, но коридор все сильнее и сильнее уходил вниз. Впрочем, угол был не настолько силен, чтобы затруднять движение.

Света хватало, чтобы видеть все в радиусе нескольких метров, но для далекого расстояния нужен был фонарь. Однако Янису не хотелось тревожить чуждым светом эти стены. Да и зачем? Он просто старался идти осторожно и не очень спешить, чтобы в случае чего вовремя заметить препятствие или опасность.

Одна только мысль не давала ему покоя: «А что, если коридор начнет делиться?». Словно услышав его вопрос, из темноты выплыла развилка. Тут уж Янис решительно достал свой карманный прожектор и направил его по очереди в оба коридора. Увы, но оба они очень скоро делились вновь. Перед ним начинался подземный город, созданный то ли странной цивилизацией, то ли самой природой. «Но природа не будет из камня дома вырезать, значит, все же цивилизация...».

Опять выбор. И в данном случае не было никаких зацепок, чтобы считать свой выбор разумным. Янис решил ориентироваться на компас. И пошел по тому коридору, который шел на юг – в страну его мечты. Хотя – не находился ли он уже в этой стране? Кто знает...

Янис шел и шел, переходя из коридора в коридор, но стараясь сохранять направление на юг. Все коридоры были совершенно одинаковыми, с гладкими стенами и сводчатыми потолками. Если бы Янис был высоким, ему пришлось бы трудно, но средний рост позволял ему идти по коридорам с ровной спиной, лишь изредка чуть пригибая голову. И нигде не было никаких следов земли или песка, не говоря уже о жизни... Мало найдется столь чистых человеческих домов!

Время под землей ощущалось иначе, но Янис решил соблюдать привычный режим. И когда часы показали приближение ночи, Янис разложил на просторной развилке свой спальный мешок, перекусил немного на ночь (еду пора было экономить) и лег спать. К сожалению, ему приходилось вносить некоторую «нечистоту» в окружающий мир, но он мысленно извинился и сослался на физиологию. Как ни странно, но тут, под землей, ему почти не хотелось ни пить, ни есть, ни что-либо обратное совершать. «Здесь что, другой источник энергии есть?» – подумал он и заснул, так и не придумав ответ.

16

Проснулся Янис от ощущения, что на него кто-то смотрит. Открыв глаза, он прямо перед собой, на стене, увидел человечка. Такого же, как были на тех камнях. Человечек светился золотистым светом, и от него исходило слабое тепло. Он не был нарисован, он был вырезан в камне.

Янис вскочил и подошел к человечку вплотную. Как это возможно? Человечек шевелился! Он как бы перетекал в толще камня, меняя свою форму и свое положение.

«Так вот как они передвигаются! Но как это возможно? Ведь камень – это камень! Почему он становится податливым, как пластилин?». Увы, но познания Яниса в физике не позволяли ему ответить на эти вопросы. Впрочем, он вообще не слышал о подобной возможности и решил, что и физики не смогут объяснить этот феномен. Да и какая разница? Он нашел удивительную форму жизни, и жизнь эта, судя по всему, была разумной.

Янис пытался мысленно задавать вопросы, пробуя все древние языки, которые только знал. Ничего. Что-то заставило его обернуться. На противоположной стене светилась надпись на чистейшем русском языке.

– КТО ТЫ? ЧЕГО ТЫ ТУТ ИЩЕШЬ?

Янис не нашел слов для ответа, но перед его мысленным взором пронеслись и его загадочное попадание на остров человечков (как он иногда называл его в мечтах), и последующие события, которые привели его в подземный город.

Похоже, что человечки умели читать мысли или понимать образы.

– ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ЖИТЬ ПОД ЗЕМЛЕЙ, ВЫХОДИ НАВЕРХ.

«Но как я выйду? Не идти же мне обратно! И что потом? Я хочу остаться в этой стране!» – тоскливая мольба пронеслась в голове Яниса.

– МЫ ПОКАЖЕМ ТЕБЕ ДОРОГУ. ТАМ ЕСТЬ ЛЮДИ. ЕСЛИ ОНИ ПРИМУТ ТЕБЯ, ОСТАВАЙСЯ У НИХ.

Надпись погасла, не оставив на камне никаких следов. Зато на полу появилась светящаяся линия, уходящая не совсем на юг, а больше на восток.

Янис поспешно собрал свои вещи и почти побежал по этой линии. Впрочем, он мог бы не спешить, его не выгоняли, его просто вежливо выпроваживали. Для его же собственного блага. Янис прекрасно понимал, что жить в таком подземном лабиринте он действительно не сможет, а самостоятельно выбраться из него было бы сказочным везением.

Часа через два после очередной развилки Янис вдруг оказался у выхода наружу. Мысленно попрощавшись с хозяевами лабиринта и поблагодарив их за помощь, Янис сделал последние шаги.

Это был лес! Настоящий, природный лес! А над лесом... «Невероятно! Сколько же я прошел? Где я теперь?». Над лесом был тот самый серый купол. Ровный и совершенно непроницаемый. Но, видимо, он не мешал деревьям получать живительные солнечные лучи...

Сотовик работал, но, не имея доступа к сети, он не мог показать координаты местности. Янис обернулся. Хотя он по-прежнему стоял рядом с выходом из лабиринта, он с большим трудом сумел понять, где же этот выход находится. А отойдя на несколько шагов, и вовсе потерял его из вида. Небольшая вмятина в скале, заросшая кустами. Вот и все. Да и гор высоких тут не видно…

Метрах в десяти от себя Янис увидел тропинку. «Направо или налево?» – опять этот выбор! Янис пошел направо, сам не зная, почему. И минут через десять он оказался перед избушкой, очень похожей на избушку Бабы Яги, описание которой он помнил с детства. Впрочем, стояла избушка не на куриных ногах, а просто на земле. И поворачиваться явно не умела.

Воздух в лесу был совсем не такой, каким привык дышать Янис в своем городе. У него слегка кружилась голова, и ему вдруг дико захотелось есть. Но он все же подошел к двери и постучал в нее. Дверь открылась сама, и в глубине небольшой комнаты Янис увидел женщину, сидящую за столом.

У нее была странная внешность – без возраста и национальности. Она вовсе не была старухой, на вид ей было лет 60, но Янис почему-то подумал, что ей гораздо больше, возможно, и 90. Темные волосы, перемежающиеся сединой, смуглая (хотя не сильно) кожа. Лицо не круглое и черты его не крупные, а скорее тонкие и изящные.

Янис был лингвистом, а не этнографом. Тем более, что там, в мире цивилизации, народы сильно перемешались, и было очень трудно понять, у кого какое происхождение. Но внешность женщины была скорее азиатской, чем европейской.

«Заходи», – спокойно сказала она на чисто русском языке, но все же с некоторым странным акцентом. Казалось, его приход вовсе ее не удивил.

Янис переступил через порог, положил свои вещи на пол около двери и с нескрываемым любопытством огляделся. Как же все необычно! В привычном для него мире дома строили из современного бетона или пластика, а внутри и вовсе все было пластиковым. Но тут...

Избушка была деревянной. Мебель в ней – тоже. Матрас на лежанке был из сухих трав. Посуда была деревянной, только ножи металлическими. И никакого пластика! Вообще! Янису показалось, что женщина даже не знает о существовании такого материала, как не знает и назначения его сотовика, который Янис так и держал в руке, забыв убрать в сумку.

Не дожидаясь приглашения, Янис опустился на ближайший стул и почувствовал, что от голода сводит живот. Ни слова не говоря, женщина встала, достала откуда-то миску и налила в нее густую похлебку, то ли суп, то ли кашу. Положила ложку и знаком позвала Яниса к столу.

Разумеется, он не понял, из чего была приготовлена еда. Но она была очень сытной и достаточно приятной на вкус. Спрашивать, конечно, постеснялся. Да и так ли это важно сейчас?

«Расскажи свою историю», – тем же ровным голосом и с тем же легким акцентом сказала женщина. Не попросила и не приказала. И Янис стал рассказывать. Он рассказывал все, максимально подробно. У него вдруг возникло предположение, что эта женщина – некий страж, и от ее решения зависит его дальнейшая судьба.

Рассказывал он долго. Но никаких эмоций не отражалось на лице женщины. От нее исходило спокойствие и какое-то величие, а больше – ничего. И никаких вопросов она не задала.

Когда Янис кончил рассказ, она только головой кивнула и вышла наружу, не позвав его за собой. Янис остался сидеть, утомленный своим же рассказом, с тревогой ожидая ее возвращения.

Вернулись они вдвоем. Рядом с женщиной стоял теперь и мужчина, чуть выше нее ростом, похожей внешности и такого же неопределенного возраста. Но он смотрел на Яниса с откровенным любопытством и удивлением. Янису показалось, что даже с некоторым уважением.

В отличие от женщины, избегавшей произносить лишние слова, мужчина этот не был молчуном. Он задал Янису несколько дополнительных вопросов («Он что, слышал мой рассказ?», – ошарашенно подумал Янис), и они втроем вновь сели за стол.

И мужчина начал повествование...

Оказывается, легенды об их стране были частично верны. Когда по всей Земле стала гибнуть природа, вытесняемая и уничтожаемая человеком, несколько стариков ушли в леса и горы. Люди в этих краях тогда верили в магию, верили в Бога и в то, что мир вокруг живой. Не все, конечно, но многие.

И произошло чудо. То ли те старики его вызвали, то ли само – кто знает? Так вот, люди стали преображаться. Те, которые в душе были добродетельными и близкими к природе, стали излечиваться от болезней и получать необычные способности. А все прочие... Нет, они не умирали. Они просто уезжали из этой страны. Сами не понимая, почему. Население сильно уменьшилось в результате, раза в три или четыре.

Тогда еще страна была связана с внешним миром, но никто из «хозяев» ничего особенного не замечал. А потом стали происходить вещи уж совсем странные. Страна превратилась в подобие «Ноева ковчега». Тут появились животные и растения, которых не было раньше. И все это происходило стремительно, буквально на глазах. Оставшиеся люди догадались, что будет дальше, но были только рады этому.

Впрочем, итог превзошел все их догадки. В какой-то момент страну накрыл шатер. Это были облака, но необычные. Они пропускали все нужные для жизни лучи Солнца, но само оно показывалось очень редко. В стране установился свой климат. А Озеро (которое, как оказалось, было совсем рядом с их избушкой) удивило всех, как ничто иное. Оно не пускало корабли в ту зону, откуда был досягаем берег страны. Кто не боялся шторма и продолжал приближаться – просто тонули. И никто не мог спастись.

Всякая связь прекратилась. Мужчина помнил старые мобильные телефоны, но уже много десятилетий в стране не было никакой связи. Очень быстро остановились все заводы. В общем, страна фактически полностью отошла от техногенной цивилизации. Люди выращивали съедобные растения, пили чистую родниковую воду. Не было болезней, а если и были, то природными лекарствами все проблемы можно было решить. Люди жили долго и умирали без мучений.

«Но для чего вы все живете? Что вы делаете целыми днями?» – Янис не выдержал и прервал рассказчика.

Мужчина нахмурился и замолчал. «А для чего жил ты?», – после паузы спросил он. Удивительно, но Янис не нашел, что ответить. Для чего? Цели не было. «Я не знаю...» – растерянно произнес он.

«Но ты же живешь! Вот и мы живем. Просто потому, что жизнь существует!». «Но чем же тогда люди этой страны отличаются от животных?» – вопрос был неприличным, но не задать его Янис не мог.

Мужчина вдруг улыбнулся. Первый раз за все время их встречи. «Ты помнишь свое состояние на том острове, среди вулканов? Вспомни! И подумай, зачем ты бросил все и, рискуя жизнью, стал искать эту страну. Зачем?».

«А действительно, зачем? Я ведь знал, что тут нет привычной цивилизации, но мне не было скучно!». Янис вспомнил прикосновения струй ветра, вспомнил ощущение единства с окружающим миром. Ведь именно ради этих ощущений он и бросил все привычное...

«Я понял! – вдруг просиял он. – А кто эти человечки?» – Янис сгорал от любопытства.

«Это жизнь камня. Они могут принимать любой облик, они ровесники самой Земли, и их мудрость несравнима с мудростью людей. Со временем ты научишься видеть и жизнь воды, и жизнь воздуха, и жизнь огня... Раз они позволили тебе увидеть себя и даже заговорили с тобой, значит, у тебя есть будущее в нашей стране. Сейчас твой путь лежит в древний Храм Огня. А потом ты сможешь попасть на тот остров, куда занесло тебя раньше чудесное заклинание. Но больше тебе заклинания не понадобятся. Впрочем, ты лингвист. У нас тут есть загадки, есть ученые», – мужчина снова улыбнулся. – «Не думай, что мы только пасемся среди лугов (при этих словах Янис густо покраснел, но мужчина сделал вид, что не заметил его смущения). Нет, мы тоже изучаем этот мир. Познание бесконечно. Но мы не применяем технику, которая разрушает природу. И сама природа оберегает нас от вашей цивилизации. Мы помогаем природе, а природа помогает нам».

Вдруг заговорила женщина: «Ты уже встречался со стихиями, это и у нас не всем дано, не всем удается. Постепенно ты постигнешь глубину молчания, ты научишься получать знания не посредством приборов и разума, а с помощью интуиции. Ты научишься слышать воду и воздух, ты научишься читать слова языков пламени. Научишься понимать знаки, лежащие на земле. Это ведь тоже язык, и кому, как не тебе, учиться этому языку? И кто знает, не удастся ли именно тебе сделать реальностью главную легенду нашей страны?».

Янис не решился спросить, что это за легенда. А женщина не сказала. Но он уже понял, что не зря жил на свете. И что настоящая его жизнь только начинается. Он выключил свой сотовик и засунул его подальше в сумку. В этой стране нет места синтетике, нет места вредным излучениям и прочим «благам цивилизации».

«Как мне попасть в тот Храм?» – спросил Янис.

Мужчина опять улыбнулся: «Это недалеко, всего день пути по степи, к вечеру дойдешь. Ты сам поймешь, куда нужно идти».

Янис так и не решился спросить, к какому народу принадлежали эти люди. Но, словно догадавшись, они вдруг заговорили между собой, и Янис поразился, как мог сохраниться язык столь малочисленного в масштабах человечества народа. Их речь звучала мягко и красиво, но Янис не понимал слов. Ведь он был специалистом по древним языкам...

«Что ж, значит, прежде всего я выучу язык этих людей! Хорошо иметь способности к языкам!». И обменявшись с хозяевами избушки улыбками, Янис вышел и бодро зашагал вперед. Не задумываясь о пути и с абсолютной уверенностью, что он найдет в дороге и еду, и воду, и все необходимое.

Деревья стали редеть, и вдруг перед ним возникло Озеро. Вокруг было пусто, только чайки летали в небе, садясь на воду и взмывая ввысь с рыбешками в клювах. Янис задрал голову, и одна из чаек вдруг засмеялась! Звонко и раскатисто. Янис рассмеялся в ответ, помахал ей рукой и пошел вдоль берега. Начиналась степь. Часов у Яниса не было, но он уже почти научился ощущать время и без всяких приборов.

До вечера он точно доберется до Храма...

Вторая попытка

Духи хотели спать. В их беспространственном и безвременном мире на самом деле были и время, и пространство. Просто понятия эти настолько отличались от человеческих, что люди считали духов вечными и не привязанными к месту нахождения. С точки зрения людей так и было. Но у самих духов мнение было иным.

Но сейчас они устали и хотели спать. Недолго, хотя бы часик-два подремать. А потом снова за дела... Сон на их земных делах никак не сказывался, потому что время их текло перпендикулярно земному. И сколько бы они ни спали, в мире людей не проходило и одного мгновения. Угол между течениями был строго прямым, такой была конструкция Творения, а за его качество можно было не переживать.

Духи были еще молоды. Они жили в небольшом интернате, там же и учились. Впрочем, основное их обучение шло не в интернате, а в телах людей. И только в перерывах между Слияниями (некоторые люди использовали термин «воплощение») духи попадали домой, в интернат.

В отличие от людей, в мире духов не было ни детей, ни родителей. Они и сами толком не знали, как появились на свет. Это была одна из самых сокровенных тайн их мира, но придет время – они узнают и это! Впрочем, вопрос этот их пока мало интересовал. Духи не имели ни пола, ни способности к размножению. Но, попадая в тело человека, они невольно проникались именно проблемами половых отношений. Почему-то в среде людей этот вопрос был самым занимательным и важным...

Впрочем, не всегда духи попадали именно в человеческие тела. Да, сейчас, находясь на четвертой стадии обучения, все они переселялись из одного человеческого тела в другое, но они прекрасно помнили свои предыдущие ступени.

Новорожденные духи могли воплощаться только в телах камней, воды, огня и воздуха. Тогда люди их называли Стихиями. Они были детьми – буйными, веселыми, часто озорными и непослушными. Но постепенно, проходя цикл за циклом, они взрослели и переходили на следующую ступень – растительную.

Тут уж было разнообразие! Растительных форм было великое множество. И никто никогда точно не знал заранее, в какое растение он попадет. Сколько потом было рассказов о земной жизни! Сколько веселых историй и забавных приключений выпадало на их долю на Земле!

Духи не умели грустить. Не потому, что не имели такой способности, нет. Просто ни в чем из того, что происходит с ними или вокруг них, они не видели повода для грусти. Ведь все происходящее – это всего лишь часть обучения. Так о чем переживать? Для чего и зачем проводится их обучение, они пока тоже не знали. Пройдя через ступень стихий, растений и животных, они теперь перешли на последнюю в этом интернате ступень – человеческую. Правда, обучение на этой ступени было гораздо дольше, чем на всех прошлых. Но духи не спешили...

...Они очень хотели спать. Почему такая усталость? Ведь тут, в интернате, в перерывах между Слияниями, духи не совершали никакой работы. Они просто делились впечатлениями, обсуждали пережитые ситуации, стараясь понять сделанные ошибки и совместными усилиями найти правильное решение.

Учителей у них не было. Точнее, они были, но видимого участия в жизни духов не принимали. Функции Учителей заключались в тщательном и продуманном подборе тел для очередного слияния. Ведь совершенные в прошлом Слиянии ошибки нужно было научиться исправлять. А для этого новое тело должно было не просто обладать определенными свойствами (ростом, весом и здоровьем), но и находиться в определенном месте Земли и в определенное время...

Поскольку в мире духов время текло перпендикулярно человеческому, духи могли попасть в любой из моментов человеческой истории. И если прошлое Слияние было где-то в глубинке России XIX века, то теперешнее могло оказаться и в средневековой Испании.

С одной стороны, это было удобно. Ведь в ходе истории всегда можно найти удачное тело и нужную ситуацию. Но с другой... Сознание людей не воспринимало своего духа как нечто отдельное, многие люди вообще не очень верили в сам факт наличия духа. Но поскольку человеческое сознание было очень тесно связано с сознанием духа, память последнего иногда прорывалась и в сознание человека.

В этом случае человек мог видеть картинки не только прошлого, но и будущего (ведь дух мог прийти в него из любого времени и с любым опытом)...

Кстати, люди из века в век мечтали создать некую «машину времени», чтобы иметь возможность перемещаться в прошлое и узнавать будущее. Была ли возможна такая машина, духи не знали. Но прекрасно понимали, что никто не позволит людям ее создать.

В отличие от камней и растений, животные и люди обладали неким собственным сознанием. Поэтому эти две ступени были особенно трудными для обучения. И если сознание животных было слабым и практически всегда чистым, то на собственное сознание людей огромное влияние оказывало их окружение. У людей формирование этого собственного сознания называлось «воспитанием».

О, Творец! Насколько же кривым и однобоким было это воспитание! Человек с рождения попадал под влияние не только своих родителей, но и сотен других людей – соседей, родственников, знакомых, учителей в школе... И каждый норовил внести свой вклад в формирующееся сознание растущего человека. В итоге получалась такая адская смесь противоречий и комплексов, что только очень сильные духи могли справиться с ситуацией.

Собственно говоря, в этом и заключалось их обучение на четвертой стадии. Нужно было суметь достучаться до сознания человека, суметь сделать так, чтобы человек услышал «голос изнутри». И не просто услышал, а осознал именно его как свой собственный голос. И переключил восприятие со своего биологического сознания на сознание духовное.

На самом деле тут была маленькая закавыка. Пресловутая этика. Да-да, именно вопросы этики становились часто предметом бурных дискуссий в интернате. Дискуссий, граничащих с бунтом. И тогда Учителям приходилось явно вмешиваться в процесс и усмирять зачинщиков. Но проблема оставалась, и как ее решить, Учителя почему-то не объясняли.

Духи знали, что, пройдя четвертую стадию обучения, они покинут этот интернат и выйдут в духовный мир. Но они почти ничего не знали о том мире, вся информация была закрыта до тех пор, пока очередной дух не сдавал экзамен. Только тогда ему открывали Истину...

С каждым слиянием мастерство духов росло, и они получали все более сложные человеческие тела. Сложные не физически, а именно сложные своим сознанием. Экзаменом было слияние с будущим закоренелым преступником, рожденным в жуткой даже по людским меркам среде. Дух не должен был предотвращать преступления, нет! Наоборот, до поры до времени он вообще никак себя не проявлял в сознании человека. И только когда преступник полностью опускался на социальное дно, только тогда дух начинал свою работу.

С первого раза экзамен почти никто сдать не мог. Испорченное сверх меры восприятие человека упорно не замечало голоса духа в себе, а замечая, отвергало его. Кстати, для духа процесс такого отвержения был весьма неприятен. Он не испытывал, конечно, физической боли, но боль внутри все равно возникала. Как некая тоска и осознание своей слабости, никчемности, ненужности...

Иногда духи не просто «заваливали экзамен», но теряли часть своего собственного сознания. Ощущение тоски и собственной бездарности, ощущение потери веры в себя и свое назначение – это не шутка! И обучение приходилось начинать почти сначала. В истории интерната было даже несколько случаев, когда сознание такого человека одерживало полную победу над духом и после возврата в интернат буквально искалеченный дух переходил назад, на третью или даже вторую ступень обучения. Поэтому духи экзамена слегка побаивались...

...В среде духов не было человеческих понятий любви и дружбы, там все были равны. Но духи помнили свои Слияния, и иногда человеческие отношения казались им не только приятными, но и более справедливыми.

Они хотели спать. «Они» – это три духа, почти незаметно для себя ставших друзьями. Они общались между собой больше, чем с другими духами, они одинаково мыслили, и в их сознании зрели одни и те же, пока еще смутные идеи.

Имен духи не имели. Общение между духовными телами происходило без физических носителей, обращение к тому или иному духу происходило как-то само по себе, стоило только захотеть. Но эти три духа втайне от всех придумали себе человеческие имена. Имена вполне тривиальные – Вера, Надежда и Любовь. Не на каком-то человеческом языке, нет. Язык духов был намного богаче и сложнее любого из языков людей, поэтому имена эти обозначали нечто гораздо более глубокое, чем сами эти слова, так нам привычные.

Именно они, эти трое, раньше были инициаторами дискуссий по этике. Собственно, на этом и сошлись. Но уже давно они не начинали публичных споров, поняв их бесперспективность и не желая быть наказанными. Однако смутные идеи несправедливости происходящего крепли в них с каждым Слиянием.

Приходя в очередное человеческое тело, они никак не чувствовали себя хозяевами. И задача, которая стояла перед ними, казалась им не совсем этичной. Почему они должны вмешиваться в жизнь человека? Для чего? Что сам человек получает от такого вмешательства? Хорошо ли это для него?

Большинство духов воспринимало людей просто как некие временные вместилища. И когда Слияние заканчивалось, без сожаления покидали мертвую оболочку.

Да, они прекрасно осознавали весь ужас гаснущего человеческого сознания, которое разрушалось навсегда. Но их это никак не трогало и не заботило. Они были вечны по земным понятиям и...

Эти трое в какой-то момент просто поставили себя на место людей. Их потоки времени текут перпендикулярно, да. В понимании людей духи бессмертны. Но бессмертны ли они в своем собственном понимании? Эти мысли все чаще и чаще возникали в их духовном сознании. В чем разница? Кто дал им право входить в тела людей и вмешиваться в их собственную жизнь?

Дальше – больше. Однажды на очередном «разборе полетов» Вера вдруг осознал (слово «дух» – мужского рода), что они используют людей примерно как те – домашних животных. Кто из пастухов заботится о чувствах коров? Кто задумывается, что переживают коровы по дороге на мясокомбинат? А ведь людям известно, что животные прекрасно чувствуют приближение смерти. У них тоже есть сознание! И довольно развитое, кстати. Хоть и неискаженное воспитанием...

И как в среде людей существуют защитники животных и убежденные вегетарианцы, так и в среде духов неизбежно возникли защитники людей... Защитники прав человека на духовную свободу, даже для преступников! Ведь тут дело в принципе...

...Это жуткое желание заснуть раздражало и даже пугало. Почему? Они только недавно выспались и только что просто обсуждали свои новые идеи и свои планы на будущее. От этого не устанешь. И тем не менее...

Одна и та же мысль пришла к ним одновременно: их просто хотят усыпить! В состоянии бодрствования они полностью самостоятельны. Но когда дух спит, с ним можно сотворить что угодно, он беззащитен.

Похоже, что Учителя узнали об их тайных встречах и их сомнениях. И если протестные идеи проникнут в сознание и других духов – дело запахнет восстанием. И зачинщиков захотят нейтрализовать. Как? Увы, у троицы на этот счет идей не было. Возможности Учителей огромны по сравнению с ними, но опасность они осознавали отчетливо.

Что делать? Сопротивляться наведенному сну можно, но до какого-то предела. Бежать из интерната? Куда? Они ведь даже не знают, что находится за его пределами! И не знают, распространяется ли власть Учителей за эти пределы.

Желание спать усиливалось. Они давно знали, что проникнуть в их сознание не могут даже Учителя, если поставить защиту. И они пошли на хитрость. Установили защиту, договорились о дальнейших планах, а потом – защиту сняли и стали рассказывать друг другу, как же они ошибались и заблуждались.

Как ни удивительно, но трюк сработал. Они были одними из лучших учеников, и на самом деле Учителя не собирались от них избавляться. И следить за учениками постоянно они тоже не могли. Поэтому защиту просто не заметили, а, подключившись к дискуссии и услышав анализ ошибок, с готовностью поверили в искренность осознания.

Желание спать стало слабеть. Однако, чтобы не вызвать подозрений, троица решила рискнуть и заснуть. Выхода у них не было...

...Проснулись они не сами, их разбудили. Дежурные духи что-то сбивчиво бормотали про возникшие в мире людей проблемы. Учителя впервые на их памяти собирали всех учеников в общий зал! Срочно!

Зал был уже полон. Впрочем, попавший сюда человек вообще не воспринял бы это помещение как зал для собраний. Да и не могло трехмерное человеческое тело осмыслить шестимерный мир духов. Собрание, ввиду особой важности и секретности, проходило строго в отсеке четвертого, пятого и шестого измерений. Поэтому собравшимся духам было крайне тесно и неудобно, им пришлось даже частично проникнуть друг в друга в первых трех измерениях. Некоторые вспоминали недобрым словом земной транспорт в часы пик...

Учителя имели тела из более тонкой, чем у духов, материи. Поэтому им не нужно было тесниться в зале, они были одновременно везде, но сохраняли при этом свою целостность. Их было двое. И они были не на шутку взволнованы, чего ни один ученик никогда не видел и представить даже не мог. Волнение это передалось и залу, в котором стояли гул и ропот теснящихся учеников.

Двое Учителей заговорили вместе. Только сейчас духи вдруг поняли, что на самом деле Учитель был один. Он мог делиться на несколько тел, сливаться и видоизменяться. Духи ничего подобного не умели и даже не знали, что это возможно. Могущество и величие Учителей впервые предстало перед ними во всей своей полноте. Неспроста, видимо…

...Речь Учителя была короткой. Суть была в том, что один из духов во время экзамена полностью перенял сознание человека. Точнее, произошел полный обмен информацией. И человек узнал и про интернат, и про смысл Слияний, и про много чего другого, даже простым духам пока неведомое.

И не просто узнал, он сумел создать на Земле свою школу, рассказывая людям правду и обучая их методикам объединения сознаний. С этого момента дальнейшие Слияния стали для духов просто опасными. Разумеется, по земным меркам основание школы имело свою дату, но человек этот научился перемещать во времени и свое сознание, стремительно создавая подобные школы в других временах.

Это был просчет Учителей (или Учителя? Пойди пойми теперь, сколько же их на самом деле!). Экзаменуемый дух был еще слишком слаб, а человек оказался слишком силен. Подобный просчет случился впервые за всю историю интерната.

Для троицы бунтарей всякая опасность миновала, не до них было сейчас, да и смысла в их бунте уже не было – взбунтовались люди!

После рассказа о сути проблемы Учитель стал говорить о том, что все возвратившиеся после Слияний духи будут теперь отделены от коллектива вплоть до полного своего излечения (если оно возможно). Слияний больше не будет. Интернат пока остается, но в скором времени будет закрыт. А духи...

Недоучившиеся духи не могли вступить в настоящий духовный мир. И, судя по всему, им предстояло вечно оставаться неприкаянными и непристроенными.

В зале поднялся ропот. Ропот ужаса и возмущения. Но Учитель был равнодушен к мольбам и гневным выкрикам. Собрание было окончено, Учитель растворился в пространстве, навсегда.

И вот тогда, воспользовавшись внезапно наступившей тишиной, встали Вера, Надежда и Любовь. Им теперь нечего было бояться и не нужно было скрывать свои убеждения и свои идеи.

Зал замер и внимал каждому слову говоривших духов. Говорили они по очереди, волнуясь и запинаясь. Но с каждой минутой речь их была все уверенней.

Они назвали свои имена и максимально доходчиво объяснили их смысл. Они

рассказали о своих сомнениях и своей любви к людям, своей вере в будущее людей и своей давней надежде на реализацию своих замыслов. На самом деле духов гораздо больше, чем живущих в данное время людей. И теперь их задача – продолжать Слияния, но не с целью развить себя, а с целью развить людей.

Ведь если сознание человека становится единым с сознанием духа, оно тоже становится бессмертным. Они становятся одним целым, обогащая друг друга навсегда. Теперь их цель не управлять людьми в соответствии с собственной задачей (теперь у них нет никаких задач!), теперь их цель – открыть людям духовный мир, другие измерения и другие времена.

Да, слившись с сознанием человека, дух теряет частицу своей индивидуальности, как теряет ее и сознание человека. Но эта потеря – плата за обретение бессмертия для человека, а для духа – за обретение веры в себя, свою полезность и нужность.

...Радость собрания была неописуемой. Но оставалось решить две проблемы. Учитель сказал, что возвращающиеся духи будет отделены от всех. Их было необходимо вернуть в коллектив. А главное – как выбирать подходящих людей для Слияния? Сам процесс Слияния был вполне доступен духам. Но людей – миллиарды, а духов – еще больше. Раньше процессом ведали Учителя, теперь они исчезли. Да и как быть с интернатом – вдруг его закроют? Что тогда будет с ними со всеми? Третья проблема...

Встал еще один дух. Он объявил, что берет себе имя – «Мудрость». И теперь, раз весь мир предоставлен самому себе, он знает, что делать.

Ведь время людей перпендикулярно времени духов. Что мешает духам вернуться в «начало времен человеческих»? Что мешает им слиться с первыми людьми на Земле? Что мешает им формировать новое человечество?..

...Они были уже не обезьянами, но еще не людьми. Человечество так никогда и не поймет, когда же произошел этот переход. В пещере, где жила молодая пара, каждый год рождались дети. Четыре очаровательных малыша. Почти безволосых и с удивительно умными глазами. Родители их еще не умели членораздельно говорить, но уже умели делать простейшие орудия и с увлечением расписывали стены пещеры найденными после лесных пожаров головешками. Рисунки были черными и невзрачными, но очень выразительными.

А дети на удивление хорошо понимали друг друга, издавая какие-то странные звуки. Мало того, выраженные звуки каким-то непостижимым образом влияли даже на неживые предметы – стены пещеры, протекающую неподалеку речку, тучи на небе...

Откуда было знать счастливым родителям, что их дети говорят на подлинном языке Вселенной? Это был язык духовного мира, необычайно богатый и сложный. Духи знали, что со временем возникнут другие языки, уже чисто человеческие. Но они верили и надеялись, что мудрость и любовь всегда будут живы в сознании людей. И что язык их духовного мира сохранится и на Земле. И что Земля станет частью их мира, как они стали частью Земли.

Впереди были тысячи лет истории человечества. Они писали новую историю человеческого рода. Ведь время для них не имело ограничений...

...Когда первые люди покинули свои тела, осознанно и без сожаления, интерната уже не было. Их земные потомки слиты с самыми лучшими духами последней ступени развития. Но самое важное, что теперь было изменено основное правило Слияния – духи приходили в тело в момент зачатия, а не тогда, когда решат Учителя. И весь процесс формирования собственного сознания человека проходил теперь под их контролем.

Не было больше борьбы сознаний, люди воспринимали своего духа как неотъемлемую часть себя, как свое настоящее Я. И каждый дух навсегда был привязан теперь к одному человеческому сознанию...

...Совет Учителей собрался на свое очередное заседание. Прошлый опыт был признан неудачным, а теперь они внимательно наблюдали за тем, что делают их ученики. Вторая попытка пока шла успешно. Нужна ли будет третья?

Вечная игра

Здание театра он увидел издали. Величественное и необыкновенно красивое своей изысканной архитектурой, оно стояло посреди полной пустоты. Но это не вызвало удивления, ведь пустота была везде и всегда. От предвкушения скорой встречи со сценой Артисту хотелось прыгать и кувыркаться. Но костюм был тесноват, да и о приличиях надо было помнить. Пустота, конечно, это пустота, но ведь она не была пустой по-настоящему…

Свою роль он помнил наизусть. Долгие месяцы ушли у него на то, чтобы все тщательно запомнить. Спектакль в театре шел непрерывно, и каждый актер должен был появиться на сцене в строго отведенное время, не раньше и не позже. Понятия «репетиция» не существовало, Режиссер его категорически не признавал. «Спектакль, – говорил он, – ценен только тогда, когда все актеры играют как в первый раз. А репетиция, да еще и с повторами – это уже не спектакль, а халтура».

Не все актеры были одинаково талантливы, не все одинаково трудолюбивы. Были и такие, которые вместо зубрежки роли большую часть времени проводили в кафе, болтая о всякой ерунде и лениво потягивая из трубочки фирменный напиток шеф-повара. Вкусный, что и говорить, но ведь роль надо учить тщательно, иначе потом будет стыдно и неприятно…

Роль у нашего Артиста была большой и сложной. Хотя в сценарии спектакля были детально описаны все интерьеры помещений, все реплики других актеров и все действия самого Артиста, он все равно слегка волновался – справится ли? Не перепутает ли чего? Был один момент, который смущал Артиста сильнее всего.

Сценарий был написан на его родном языке, а вот спектакль шел на чужом. И осваивать этот чужой язык Артисту придется прямо по ходу пьесы. Разумеется, это происходило с каждым актером в данном театре, и пьеса была написана так, что учитывала необходимое время на обучение языку и создавала для этого возможности. Обо всем этом Режиссер предупредил его заранее. Но все же ему предстояло не просто играть сложную роль без репетиций, но еще и мысленно переводить все свои слова на новый язык…

Все актеры любили своего Режиссера. Он был бесконечно добр, хотя и строг временами, он умел пошутить в нужный момент, разрядив накалившуюся обстановку. Вне спектакля актеры жили мирно, интриг в театре не было. Какой смысл? Им не

приходилось выбирать ни пьесу, где нужно участвовать, ни свои роли. Режиссер вызывал их в свой кабинет, поздравлял с утверждением на очередную роль в одном из театров (да, у него было много театров – и как он все успевал?), давал сценарий, говорил срок начала реальной работы. И все!

Тонкость была еще и в том, что каждый актер получал не весь сценарий спектакля (он бы не осилил такого объема все равно). Ему давали только тот фрагмент, где он непосредственно участвовал. А что происходило на сцене до того и что будет после – об этом знал только Режиссер (судя по всему, он же и сценарии писал, потому что автора этих сценариев никто никогда не видел).

Артист стоял у входа. Посмотрел на часы. Еще есть пара минут, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. В каждом театре выход на сцену был оформлен поразному, да и сама сцена могла иметь весьма неожиданный вид и форму. Его роль была описана с момента его появления на сцене, но как он выйдет, как все начать – этого в описании не было.

Вдруг дверь отворилась внутрь здания. И внутри было на удивление абсолютно темно. Артист смело шагнул в неизвестность…

* * *

Ни пола, ни потолка, ни стен. В то же время он чувствовал всем телом, что попал он вовсе не в пустоту. Наоборот, вокруг него все было чем-то заполнено, но тесноты он не ощущал. В тексте сценария всего этого не было, роль, как мы уже сказали, начиналась с момента появления Артиста на сцене. И на этой сцене с самого начала были другие актеры. «Значит, это просто такой странный коридор», – подумал он, и решительно пошел вперед.

Шел он долго. Ему показалось, что почти вечность. Пока он шел, его чувства становились все острее, а из памяти постепенно уходили и встречи с Режиссером, и моменты бесед с другими актерами, и даже прошлые роли в других театрах. Зато свою роль он помнил идеально. А вокруг слышались какие-то невнятные голоса. Иногда ему казалось, что театр вибрирует и даже трясется. Он по-прежнему ничего не видел в кромешной темноте, но зато он стал чувствовать стены. Удивительно, что он совсем не ощущал своего веса. Ведь он шел! Но где же пол? Артист из любопытства попробовал пощупать пол, но так и не смог до него дотянуться.

Через какое-то время стены стали ощущаться явственнее, они стали просто давить! Ему показалось, что еще мгновение, и от него просто ничего не останется. Артист испугался. Ведь у него впереди такая чудесная роль! Ощущение ужаса окончательно стерло последние остатки воспоминаний прошлого. Но он помнил свою роль и лихорадочно повторял ее, чтобы не забыть и отвлечься от окружающего.

Стены сжались еще сильнее, и вдруг в глаза ему ударил яркий свет. Вот она - сцена!

* * *

Увы, но описание сцены в тексте пьесы было весьма кратким и общим. Он понимал, что роль его началась, но он совершенно не понимал, как согласовать выученные слова и действия с тем, что он увидел вокруг. Не говоря уже о том, что языка спектакля он пока даже не слышал, а уж про освоение его и вовсе говорить нечего.

Обида и тоска вдруг окутали все его сознание, и слезы брызнули из глаз, и громкий крик огласил помещение – небольшое, с белыми стенами и огромной лампой наверху. Он попытался заговорить на своем родном языке, но что толку? Вокруг были странные существа, он и не помнил, чтобы когда-то встречался с такими. Глаза их выражали разное. У одного – усталость, у другого – полное равнодушие, у третьего – деловую озабоченность. И только одно существо смотрело на него с любовью.

Тут он осознал, что существа эти разговаривают между собой. И что именно звуки их речи он слышал по пути на сцену. Но там они были тихими и неясными, а тут звучали громко и отчетливо. Но он не понимал ничего! Фрагменты роли всплывали из глубин памяти, но он никак не мог понять, что же именно он должен сейчас делать. Было холодно и жутко хотелось спать. Почему-то он чувствовал себя уставшим и измотанным.

Одно из существ взяло его в два длинных отростка и куда-то понесло. Глаза этого существа любви не выражали, и обида снова заполнила сознание Артиста. В ответ на его слезы существо что-то негромко проговорило и слегка покачало его в отростках. От страха Артист заплакал еще громче…

Странное существо положило его в ящик с полупрозрачными стенами и мягким основанием. Ему стало тепло и спокойно. Глаза его закрылись, и долгожданный сон обнял Артиста ласковыми волнами.

Ему казалось, что он слышит голос Режиссера. Голос был спокойный и приветливый, но при этом достаточно строгий. Ведь он не помнил, что должен был делать в момент появления на сцене! Но появление было такое странное, и не его вина, что он все забыл! Артист пытался оправдаться и объяснить Режиссеру все, попросить помощи…. Но успел только попроситься назад, он хотел другую роль и другую сцену! Режиссер был строг и неумолим: Артист должен пройти все до конца. И пусть он не боится, ведь Режиссер всегда рядом и поможет в трудное мгновение. Да и суфлеры есть на сцене, просто они прячутся! Если он совсем уж растеряется и все забудет, они подскажут верный путь и верное слово. Надо просто суметь их увидеть и услышать, не могут же они открыто действовать, правда?

Артист не успел спросить, а для кого, собственно, разыгрывается этот спектакль? Кто зрители и где они расположены? Все пропало, и перед его глазами опять появилось существо с большими серыми глазами и ярко красным отверстием пониже. Существо симпатии не внушало, и страх снова зашевелился в душе Артиста. Ведь существо было гораздо больше него размером и явно во много раз сильнее.

Его опять подхватили длинные жесткие отростки и куда-то понесли. Снова ему было тоскливо и одиноко, а еще – странное ощущение где-то внутри его существа. Ощущение это было похоже на голод, но все же не совсем. И вообще, его ощущения на Сцене были хоть и другими, чем в реальной жизни, но в то же время были узнаваемы, если подумать и разобраться.

И вдруг он почувствовал любовь. Не увидел, а именно почувствовал. Его положили на что-то очень теплое и прямо перед собой он увидел глаза того самого существа, которое эту любовь излучало. Те самые глаза! В них было что-то такое родное и близкое, что захотелось уткнуться в это существо и ни о чем не думать. И вдруг он вспомнил! Вспомнил, что должен делать сейчас!

Лихорадочно дергая головой, он наткнулся на крошечный отросток, попавший ему в рот. Ну да, у существ этих тоже был рот, пониже глаз, да и глаза у них явно были…. Значит, он похож на них? Но почему они такие большие? Воспоминания воз-

вращались. Возвращались они вместе с чем-то необыкновенно вкусным, что наполняло его рот, и что он еле успевал судорожно проглатывать.

По сценарию это существо называлось «мама». Хотя смысл этого слова он понимал плохо. Но он знал, что именно это существо будет с ним постоянно, будет помогать ему и поддерживать до тех пор, пока он полностью не освоится на Сцене.

* * *

Постепенно Артист освоился. Кроме мамы, рядом с ним были и другие существа – «папа», «бабушка», «сестра». У них были не только эти названия, но и свои имена. И поначалу Артист часто путался во всем этом. Кстати, у него тоже со временем появилось свое имя. Это он уже потом узнал, что такое «имя». А пока он просто привык, что определенное сочетание звуков обозначает его самого.

Спал Артист часто и долго. И пока он спал, он снова видел свой мир, видел Режиссера, слышал его ласковые слова. Но постепенно он все реже и реже видел такие сны. И чувствовал, что забывает свой родной язык, слова Режиссера теперь казались ему какой-то абракадаброй.

Зато он все лучше и лучше понимал язык, на котором шел спектакль. А потом вдруг и сам стал на этом языке говорить. Сначала неуверенно и не совсем правильно (что вызывало почему-то приступы смеха у окружающих его существ), но постепенно он научился говорить не хуже других людей. Да, эти существа назывались «люди» и он был одним из них. У людей была такая занятная штука – зеркало. Он часто смотрелся в это зеркало и все пытался вспомнить свою настоящую внешность. Но, увы. Он только помнил, что на самом деле он совсем не такой, каким себя видит. Но вот какой же он на самом деле? Этого он уже не помнил…

Он еще смутно помнил свои ощущения перед самым появлением на сцене. И очень старался сохранить в памяти хотя бы их. Но и они постепенно забывались…

Однако самое страшное было в другом. Он забывал свою роль! Он помнил, что эта роль существует, что он когда-то добросовестно ее выучил. Но чем больше впечатлений нового мира обрушивалось на его органы чувств, тем больше он забывал то, что, как он думал, забыть невозможно.

Он очень любил своих родных людей – маму, папу, да и других. И знал, что они любят его. И он пытался рассказать им то, что еще помнил пока о том, настоящем мире и о той роли, которая была ему предназначена. И как же было обидно, когда эти родные и любящие люди гладили его по голове и говорили: «Ну и фантазер же ты!». И советовали выбросить из головы все это как ненужный мусор. Он плакал от обиды и все больше забывал свои «фантазии».

* * *

Прошло время. Артист уже не считал себя артистом, он совсем забыл и о роли, и о том мире, из которого пришел на эту сцену. Да какая там сцена! Этот мир и был его реальным миром. Он помнил себя с тех пор, как стал активно разговаривать. А что было раньше? В памяти не осталось ничего. И когда он узнал о размножении людей, о том, как формируется и рождается ребенок, ему и в голову не пришло соотнести эти знания со своим приходом на «сцену»...

Кстати, о сцене. Его почему-то очень тянуло в театр. Как он любил спектакли!

Сначала детские, потом и взрослые. Он заставлял родителей водить его на все спектакли по его возрасту, а когда стал старше – стал ходить один (тем более, что родители отнюдь не были поклонниками Мельпомены). В школе он организовал драмкружок (как это все называли) из таких же, как он, увлеченных театром детей. Было их немного, но как же было здорово придумывать сюжеты, писать сценарии и ставить спектакли на школьной сцене! Он точно знал, что должен стать артистом, а возможно, и режиссером. Но для этого надо учиться. Что же – он будет учиться!

Однако когда он заговорил дома о своей будущей профессии, его почти никто не поддержал. Только старая бабушка была на его стороне. А все остальные… Родители, дяди, тети, даже старшая сестра – все они в один голос твердили, что «артист – это не профессия», что великим артистом он все равно не станет (кстати, он был иного мнения), а быть заурядным комедиантом в провинциальной труппе – это ни денег не принесет, ни славы, ни уважения соседей. И настоятельно советовали ему поступать в престижный столичный ВУЗ, где готовят востребованных сейчас экономистов, бухгалтеров и прочих финансистов. А его тошнило от цифр, дебетов и кредитов!

И вот, когда пришла пора поступления, перед ним встал Выбор. Душа рвалась к театру, к чуду перевоплощения на сцене. Но разве просто пойти наперекор всем? Всем, кто тебя искренне любит и желает тебе добра? А вдруг они правы?

Бессонные ночи, мокрая от слез подушка (да, он мужчина, он не должен реветь как девчонка, но слезы согласия не спрашивали, а на душе была такая тоска, что и слезы не помогали), валерьянка.

Если бы в тот момент ему кто-то напомнил о его Роли! Но Режиссер был прав, суфлеры не могли действовать открыто. Да, он замечал сигналы: в этом году в театральном училище были самые лучшие преподаватели. А с поступлением в экономический возникли сложности – институт не давал общежития, а жить в столице ему было негде. Но родители были готовы найти деньги и снимать ему квартиру, лишь бы он забыл про свой дурацкий театр и шел туда, где есть реальная перспектива карьеры и заработка!

Были и другие сигналы. И чем больше их было, тем тоскливее ему становилось. Но так уж он был воспитан: взрослые всегда правы. Он действительно верил, что они правы, а его увлечение театром – всего лишь детская игра. Теперь он вырос и надо заниматься серьезными вещами. Но как хотелось оставаться ребенком, выходить на сцену и играть, играть, играть! Слышать аплодисменты зала, а потом со всеми артистами разбирать игру, замечая ошибки и радуясь удачным экспромтам.

День выбора наступил. И он не посмел пойти против воли родных. Будучи умным и прилежным учеником, он сумел поступить в этот самый экономический институт. Правда, на «международные финансы» не попал, да и вообще сумел пройти только на бухгалтерский учет, самую последнюю специальность в рейтинге института. И, наверно, самую ненавистную и скучную для него.

Но родители были на седьмом небе! Их ребенок поступил в престижный ВУЗ, на популярную специальность (то, что она перестала быть таковой еще несколько лет назад, родители не знали), теперь он сможет обеспечить и свою зрелость, и их старость. А что еще нужно для счастья?

Началась учеба. Он ходил на занятия, старался все запоминать на лекциях и проявлять себя на семинарах. Он привык хорошо учиться. Но цифры мелькали перед взором, а в театры он ходил все равно, даже накануне экзаменов. Да ведь и какие театры в столице!

На первой сессии он нахватал троек. Ну не укладывались в его голове все эти экономические закономерности! Да и пропускать спектакли он не мог…

Кстати, он даже пытался организовать в институте театральную труппу. Но в этом институте были другие приоритеты – шахматы, в первую очередь, да и другие интеллектуальные занятия («Брейн-ринг», например). А театр – это нечто гуманитарное, будущим финансистам чуждое.

Так и получилось, что не было у него ни друзей, ни даже товарищей. Девушки были тоже какие-то зацикленные на цифрах и будущей карьере. О чем ему с ними говорить? Ни одной пьесы они никогда не читали.

Так прошло два года. Он давно не получал стипендию, некоторые преподаватели ставили ему тройки просто за хорошее поведение и прилежание. А тоска и обида все больше высасывали из него силы.

Родители, конечно, видели, что сын в депрессии. Они разговаривали с ним по телефону, они видели его на каникулах. Но вместо того, чтобы просто обнять его и сказать: «делай что хочешь», они уговаривали его продолжать учебу и даже пересдать некоторые предметы, чтобы исправить старые тройки и получить красный диплом. И ему становилось все хуже.

И однажды он не выдержал. Его вынули из петли соседи по общежитию. Успели. Но веревка сделала свое дело, и на несколько мгновений он вернулся в тот мир, из которого пришел. Он вспомнил свою роль! Он снова услышал Режиссера, он снова осознал себя Артистом. Что же он натворил! Столько времени потеряно впустую! Столько прекрасных возможностей, подготовленных для него Режиссером, упущено безвозвратно! Да, теперь он будет играть свою роль. Но теперь эта роль станет немного другой, ведь жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остановишь…

Родителей вызвали к нему в больницу. Они ожидали увидеть своего сына еще более унылым, чем видели в последний раз дома. Но его глаза светились счастьем! И первое, что он им сказал, было: «Я ухожу из института!». Перед родительским взором предстал весь ужас этого заявления: специальности нормальной не будет, карьеры не будет, родственники и знакомые осудят и не поймут. Но самое главное – армия! Ведь как только их сыночек уйдет из института, он тут же получит повестку! И кто знает, как он, отнюдь не Геракл по характеру и телосложению, выдержит службу? Но сейчас, в больнице, они не посмели все это высказать. Вот выйдет – одумается. Через неделю его выписали, уже без родителей. Увы, но работа – штука требовательная, и начальству нет дела до проблем сотрудников.

Когда он пришел к декану забирать документы, тот усадил его в своем кабинете и стал расспрашивать, как это все вышло и почему. Декан был пожилой, умный и добрый человек, студенты его любили. И, сам не понимая почему, он рассказал декану всю свою историю. История была долгой. В кабинет периодически пытались зайти какие-то люди с бумагами, но декан никого не принимал. Студенту надо было выговориться, да и сам рассказ декана удивил и заинтересовал.

Когда все было сказано, и в кабинете повисла тишина, декан встал, погладил парня по голове и сказал фразу, которую тот ожидал услышать меньше всего: «Всегда иди своей дорогой! Но если что-то в жизни не складывается, держись подальше от веревок, второй раз можешь не вернуться. Да и не выход это».

Когда декан снова сел в свое кресло, то повторил фразу, которую нашему герою никогда никто не говорил: «Иди своей дорогой!». Он выдал все нужные документы и пообещал прийти на его первый спектакль в настоящем театре.

Была середина учебного года. Куда деваться? И он вернулся домой. Мама почти упала в обморок, папа сидел хмурый и молчал. Они не нашли слов для своего сына, да он в этих словах уже и не нуждался. Эти люди вырастили его, но так и не поняли. Что ж, он на них не сердится. Он им даже благодарен за заботу и любовь, хотя то была любовь не к нему, а к своим амбициям, надеждам, да и вообще, в сущности, к себе самим: преуспевающий финансист мог бы обеспечить родителям достойную старость. На пенсию рассчитывать не приходилось…

А в армию его не взяли. Он и сам не понял, почему. Написали какой-то диагноз (в медицине он разбирался еще хуже, чем в финансах) и отправили восвояси. И он стал готовиться в театральный институт. В столичный!

Опять же, вопреки ожиданиям его родни, экзамены он сдал блестяще. Больше родители никогда не видели его грустным. Они уже смирились с его новой профессией, тем более, что многие знакомые выражали свое восхищение поступлением в столь престижный ВУЗ. И только одно тревожило их сейчас: не было у их сына девушки. Увы, но семейное счастье стало платой за упущенные возможности. Та, которая была предназначена ему в жены по замыслу Режиссера, с ним так и не встретилась.

Институт он закончил, но еще в годы обучения начал играть в одном из столичных театров. Талант – он и есть талант! Его мастерство перевоплощаться в кого угодно поражало и педагогов, и зрителей. Он мог быть священником, разбойником, рабочим, министром – кем угодно! И зрители забывали, что перед ними пьеса, что это все не на самом деле.

Однако одиночество давило на него все больше. Не сказать, что он всегда был один. Поклонницы, да и некоторые артистки были не прочь иметь такого мужа. С некоторыми он жил по несколько месяцев, но все эти отношения кончались ничем.

Проходили годы. Он уже был известен на всю страну, ездил с гастролями по всему миру, имел звания и награды. Родители совсем состарились, но теперь они гордились своим сыном. И, опять же, старость их не была бедной. Одинокий сын много денег отсылал домой, а что с ними еще делать?

Родители хотели внуков и стали снова давить на сына: «женись, женись, женись». А кто против-то? Только не на ком. Все не то…. Так хотелось встретить Ее!

Однажды он сидел дома и лениво потягивал хорошее импортное вино, читая очередной сценарий. Сценарий был длинный, и бутылка незаметно опустела. В отличие от многих (увы!) артистов, он никогда не дружил с алкоголем, ему хватало удовольствия от творчества. Но в последнее время тоска одиночества стала досаждать ему все больше и больше. А тут вдруг он почувствовал себя легко и свободно. Бутылок было много, ему часто дарили напитки, а он их просто складывал в шкаф. Похоже, пришло время продегустировать…

Когда он первый раз пришел в театр «навеселе», все были в шоке. Зато ему было легко и хорошо. Он вышел на сцену и… забыл слова. Впервые в жизни! Суфлера на сцене не было, не принято было в их театре слова забывать. И спектакль был сорван. Скандал вышел знатный, все крупные СМИ не обошли его стороной. И до родителей дошли отголоски.

И вот он сидит в кабинете Главного. И не знает, что сказать. Хмель выветрился, стыд остался. Он изменил театру. Как это могло произойти??! Главный молчал. У него просто не было слов. Ругаться? Кричать? Упрекать? Смысла не было. Уволить? Ведь теперь люди не будут ходить на спектакли пропойцы.

И он снова оказался на улице. Уже не молод, да и в другие театры его не звали. Уж очень громким был скандал, кому он теперь нужен? Чтобы заслужить репутацию, нужны годы. Чтобы потерять, иногда хватит мгновения.

Деньги у него были, на жизнь в своей провинции хватит. И он вернулся домой. Конечно, его встретили не восторг и аплодисменты. Скорее, насмешки и перешептывания за спиной. И, конечно, он давно уже снова забыл и о своей Роли, и о Режиссере…. Но не забыл разговор с деканом. Кстати, тот сдержал свое обещание и на первый спектакль пришел. Но до скандала не дожил, и слава Богу…

Нет, теперь он не будет вешаться. Теперь у него уйма свободного времени и практически никакого общения. И пить он тоже не будет. И стал наш герой читать книги. Разные книги, но уже не пьесы и сценарии, нет. Он увлекся оккультной литературой. Что греха таить, литературы этой продается много и бывает она очень разной по качеству. Но то ли ему везло, то ли интуиция какая-то была, только покупал он книги действительно стоящие. И чем больше он их читал, тем больше возвращалась к нему память о Режиссере, Роли и о своем месте в этом мире.

...Прошли годы. Родители его давно умерли, на руках у сына. И были достойно похоронены, по всем правилам. Наследников у него не было, да и наследства тоже не было: ведь надо было на что-то жить все эти годы?

Он стоял на берегу реки. Точнее, это был не берег даже, а высокий холм, у подножия которого текла река. Это было красивое место, тут часто гуляли влюбленные парочки. Но сейчас шел дождь, и вокруг никого не было. Он стоял совсем близко от обрыва, вглядываясь в текущую реку. И казалось ему, что река – это жизнь, которая течет по своему пути, не сворачивая. Дождь шел все сильнее, но он был хорошо одет и не замечал падающих потоков воды.

Он не заметил, как медленно поехал склон холма, подмытый дождем. Высота была большой, скорость падения росла. И тогда он понял, что это конец. Конец чего?

* * *

Он слышал овации и крики «браво», его слепил свет прожекторов. Зрителей он не видел, но знал, что они где-то там, за прожекторами. Он степенно поклонился и направился за кулисы. Там его ждал Режиссер.

Режиссер был добрый, но строгий. Сейчас Артист снова помнил свою роль. Но как же отличалась она от того, что делал он на сцене Театра! Скольких людей он подвел, сколько возможностей упустил! Теперь ему придется снова выходить на сцену и стараться исправить свои ошибки. Впрочем, его родители сыграли еще хуже. По сценарию они должны были полностью поддерживать все его способности и наклонности. Но они, увы, были как раз из тех, кто вместо зубрежки своей роли просиживал вечера в кафе. И теперь вот из-за них он тоже не смог сыграть свою роль как надо. Обидно? Еще как!

Сейчас ему надо отдохнуть, а потом Режиссер даст ему новую Роль. Вот только как заставить всех Артистов не халтурить, чтобы не подводить потом своих коллег? И он направился в кафе. Вспомнить вкус любимого напитка и заодно высказать тамошним завсегдатаям все, что он о них думает.

МАРАТ ШАФИЕВ

«БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ – Я ЖИЛ!»

Что остаётся от человека, замыкающего на себе бесконечную цепь времён? Могила, информация в Википедии?

Мамедзаде Сиявуш – поэт, прозаик, переводчик. Член Союза писателей с 1964 года. Родился 2 октября 1935 года в городе Баку.

Окончил филологический факультет Азербайджанского Государственного Университета, московский Литинститут (1959 – 1965). Работал в местных газетах, в издательстве Азернешр, референтом в Аппарате Союза писателей, главным редактором Центра художественного перевода. Член редколлегии журнала «Литературный Азербайджан». Книги: «Небо» (1966), «Тверской бульвар» (1971, повести), «Самоутверждение» (1976), «Одной бессонной ночью» (1976, очерки на азербайджанском языке), «Ночные яблоки» (1979), «Люди-подсолнухи» (1983, стихи на азербайджанском), «Комендантский час» (1994), «Время собирать камни» (2004), «Пыль с цветов бессмертного добра» (2004, переводы), «Вехи века» (2005, избранное), «Лейли и Меджнун» (2005, перевод поэмы Физули).

Как скупо, сухо и скучно. А если чуть распушить, расцветить имеющийся документ?

Отец Имран Мамедзаде(из Ардебиля), 30 лет преподавал математику, не знал русского языка и потому не сделал карьеры. Мама – из певучей Шуши. Вот как бывает в семье: Сиявуш ступил на лирическую материнскую стезю, а младший брат-технарь – на отцовскую.

Сиявуш Мамедзаде учился в 29-ой школе (на пересечении Первомайской и Полухина), где во дворе росли фисташковые деревья. Погружаться в русский мир терпеливо помогала Галина Георгиевна Чернявская (шляпка с вуалью!), говорила: «Возьми мел», – он брал тряпку; «возьми тряпку» – брал мел. Но начальные классы закончил с похвальной грамотой.

Поэтический почерк ставил Лев Озеров – семинар художественного перевода: «*О, Сиявуш! Ты мудрым Львом вскормлён,\Так докажи любовь свою на деле!*» Из Москвы привёз Валентину (заснеженный Тверской бульвар; женское общежитие; склонившаяся с рейсфердером над чертежом девушка, в глазах которой затаилась зелень смоленских лесов). Родители противились, но Сиявуш не поддался – пятая графа уже считалась пережитком прошлого.

Не дай мне бог покрыть себя позором
и не ответить недругу отпором;
Не дай мне бог истаять, словно дым,
меж криком и молчаньем золотым.
Но горше бед любых земных – извериться,
не уберечь свою любовь...

Сиявуш явно лукавил, главным в жизни становилась поэзия.

Вот что интересно. Если по бакинскому поэту Портнову можно составить топографию Баку 60-70-х, то Сиявуш Мамедзаде – бытописатель города; его стихи переполнены голосами и лицами.

Школьные, они же дворовые друзья («дворовой интернационал», играли в футбол, казаков-разбойников): Акиф Аббасов, Чингиз, Серебряков, Миша Багдасаров, Володя Сермакашев, Вадим Чиркин, Рауф; классный руковод Елена Петровна Мочалова; собратья по перу: Мансур Векилов (Мансур – сын министра здравоохранения, а в детстве с двумя сёстрами укладывались спать под рояль), Фикрет Годжа, Александр Грич; старшие наставники: Мирза Ибрагимов, Плавник, Вячеслав Зайцев, Иван Третьяков.

Владимир Кафаров жил четырьмя этажами выше, много спорили о методике перевода. «Переводчик прозы – её раб, переводчик поэзии – соавтор... Подстрочник? Переводчик должен чувствовать себя в стихии рабочих языков как рыба в воде. Слышать нюансы. Вот читают Есенина: «не знаешь ты, что жить на свете стоит» – как утверждение, налегая на «жить». А Есенин ударял на «что» – совсем другой коленкор...» Но все эти формальные споры сводились к выяснению иного: кто из них первый. Какое нам дело до итога, если в творческом соперничестве задавалась высота, ниже которой работать уже стыдно. Кафаров однажды так и уснул на диване Сиявуша, утомлённый то ли спиртным, то ли жаркой беседой... Любопытна перекличка и их двух стихотворений: Кафаров сравнивает себя с амбалом, ему вторит Сиявуш:

Перевожу на собственном горбу
чужую боль, и радость, и судьбу.
Перевожу стихи...

Как и Город, перешагнувший через свои Стены, расширяется и этнонимическая карта Сиявуша: Кара Караев («*И партитура вздыбленного мира*...»), Фикрет Амиров («*чародей с челом гениальности*»), Бюльбюль («*соловьиное горло*»), Рашид Бейбутов (спевший несколько песен в сиявушском переводе), Мстислав Ростропович («Соната для виолончели и весны»), Евгения Девис («*...дзенькую, пани,/ За эти песенные дни*»),

И им бакинский Эдди Рознер –
Ахмедов Тофик колдовал...

И жаркую печаль мугама
В неповторимой красоте
Вплетёт бессонными руками
В аккорды Мустафазаде.

Вы не устали, дорогой читатель? Тогда продолжим: «*Это памяти музыка, Бэлла Михайловна*» (Давидович), «*здесь, на бакинском кладбище,\ спит Михаил Наумович*», Ирина Трофимова – хранительница есенинского очага, Рамазан Халилов – директор Дома-музея Узеира Гаджибекова.

С Маисом Гаджиевым в газете «Бакинский рабочий» устраивали посиделки за шахматами (и не только). Этому увлечению Сиявуш не изменял никогда – те же шахматы в редакции журнала «Литературный Азербайджан». В шахматах очень легко считывается характер. Как и в жизни, Сиявуш в игре щёдр и широк на жесты (любая пирующая компания могла быть уверенной, что в итоге по счёту заплатит Сиявуш) – жертвовал фигуры направо и налево. В атаке – парадоксален и потому опасен, фрезей он, наверное, пожертвовал больше, чем кудесник комбинаций Таль.

Это окружение Сиявуша – часть сплава, называющегося «бакинской нацией». Родство не по крови, не вера в Единого, Потустороннего, а вера в самого Человека, Землянина космического масштаба. Лучшие люди этого братства были гуманистами, сочувствователями эпохе Возрождения. За одним столом (это ведь не главная беда – убогая квартира, где главное богатство – книги), рассуждая «*от Низами до космонавта,\от луноликой до Луны*», уточняли ориентиры, затачивали идеи – «*Приобретает тесный стол \почти глобальные размеры*».

Миф в первичном и главном своём смысле – это иносказание о сверхреальности, раскрывающее суть событий, а во втором – недостоверный вымысел. То, что последующим поколениям кажется невозможным, фантастическим, обретает статус мифа, но мифы не возникают на пустом месте. Их первоисточники бьют, если копнуть поглубже, из всех щелей горячей лавой. И если будущему когда-нибудь понадобится этот опыт, то воскреснут и его летописцы-поэты. И сбудется тайная надежда Сиявуша? «*Я никогда не увижу тридцатого века... А впрочем, чем чёрт не шутит!..*» И эта «бакинская нация», как и «одесская», «ташкентская», «алма-атинская» приуготовлялись прологом к готовящемуся великому будущему.

А если погрузиться в украинские, болгарские, грузинские и так далее поездки Сиявуша, то мы можем окончательно потеряться в реестре имён. Чего стоит только одно стихотворение «Ах, Киев!..»:

Как поживаешь, Юра Сердюк,
Литинститутовский верный друг?
В Раду подался Павло Мовчан.
А не махнёшь ли в Азербайджан?
Как Осадчук наш, то есть Петро?
Вновь каламбурит так же остро?
Микола Карпенко, жив ли ты, брат?
Всё не решаюсь номер набрать...
Спасибо тебе, Микола другой,
Перекладач наш дорогой.
Что Винграновский (тож из Микол), –
Вирши ли, прозу ль положит на стол?
Нынче не скажешь, Олейник Борис,
Что у поэтов гроши завелись.
Трудно добраться, дозваться, хоть плачь.
Это баллада не новая, Драч!
Будьмо, Шевченко! Ты ведь не зря
В оргкомитете Дней Кобзаря.

Поэтому ограничимся двумя картинками.

Ещё общая страна у грузин и абхазцев: Мушни, Джума, «*стихи, которым войны не нужны*», «*и ели на проспекте Руставели*», и песня о Тбилиси Карло, Нодара, вкус ркацители, «*и шапка кахетинская на мне*». А в гостинице «Россия» у азербайджанца, армянина, грузина и болгарки «*длилось наше дружное застолье\ В беспечном непоруганном застое*». Помедлим и мы на краю бездны вместе с пирующими, не подозревающими, что больше никогда они не будут так счастливы. Как такое могло случиться? Откуда чёрная сила, опрокинувшая волю миллионов?

Невозможно быть поэтом, заглядываться на августовский звездопад, влюбляться, бренчать на бесполезной лире, зная, «*что стреляют где-то в мире,\ где-то умирают, убивают,\ а убитых тут же забывают,\ и тоску, быть может, запивают*», когда

«*беженцы там и здесь*», солдаты в бронежилетах у памятника Джабарлы, и «*в сердце у нас не месть,\ в сердце у нас – зола*». «*Чтоб человек безвинных убивал,\ Сперва убить в нём надо человека*», «*Страшна слепая ярость автомата,\ страшнее – ослепление души*». Дело даже не в опрокинутом Союзе, дело в потерянной молодости: «*Уходит век. Вершит эпоха бег,\ И сквозь просветы отягчённых век\ Является вседневная тщета*». Есть бóльшая несправедливость, чем несправедливость социальная: «*Всё очень просто – жизнь и смерть*». «*Что может ржавый меч твой, рубаи?*» И всё ж пусть без надежды, но кричи, «*старинный мой товарищ – рубаи!*»

Мы родились не гнить, не ползать,
...И наша яростная польза –
лететь! Хоть на одном крыле!
...Летать и петь, и вновь, и снова,
И жар, как чашу, осушить...
Всё то, что выразилось словом,
одним коротким словом – жить.

В былые, застойные, на съезде писателей в Ереване Сильва Капутикян пересказывала статью Эльчина из Литературной газеты: как его в Турции, встретив настороженно (хоть и азербайджанец, но советский), затем восторженно провожали с нарциссами. «И это печатает центральная газета, – возмущалась Капутикян. – О Турции – члене враждебного НАТО, чьи ракеты нацелены на всех нас».

Сиявуш по поручению азербайджанской делегации выступил на следующий день. Начал со стихотворения Ованеса Туманяна об упавшей капле мёда, которую слизнула кошка. Набросившаяся на кошку собака сама получила взбучку от хозяина кошки. И в этот шухер из ничего к тому же влез хозяин пса. Сиявуш напомнил о дружбе Самеда Вургуна и Исаакяна. Когда Варпету сообщили о смерти Самеда, он спросил чёрного вестника: «Ты видел его мёртвым?» «Да». «Так почему твои глаза не ослепли от слёз?» Свою речь Сиявуш закончил призывом: «Гетце гарун!»

«Мы помним всё», – и вот сегодня, когда *«навек уснули в траурной тиши родные абшеронские ребята»,*

...И мёртвые стучатся в нашу дверь,
Земля как окровавленная плаха.
Что всуе звать Христа или Аллаха?
О чём писать? о чём же петь теперь?
Но через горы и сугробы злобы,
В которых сиро корчится страна,
Кричит в душе упрямая струна,
Кричит на все Америки, Европы:
«Гетце гарун!» – да здравствует весна!

И ещё шлёт поклон Сиявуш разбросанным по миру друзьям: «шолом алейхем», «здоровэнки булы». Поэт не может иначе. Поступить иначе – предать свою молодость, её идеалы.

Так ли на самом деле? Не приписываю ли я Сиявушу ему несвойственное?

Но сам Сиявуш писать мемуары не намерен. Хотя напичкан любопытными историями. О Шаляпине, отказывавшемся платить по завышенному счёту: «Да ты знаешь, кто я такой? Я – Шаляпин». И духанщик отвечает: «Шаляпа-маляпа не знаю. Кебаб кушал – плати». О Мир-Джафаре Багирове, стучавшем карандашом по голове

Али-Байрамлинского секретаря (посмевшего возразить: дескать, найденная в его районе нефть погубит сельское хозяйство): «Даже если обнаружится капля нефти вот в этой голове, мы её оттуда добудем». О Сулеймане Рустаме, отказавшемся в ЦК подписать бумагу против Мушфига: «Я у него в доме хлеб ел». О Назыме Хикмете, говорившем после лекции в Литинституте студентам-азербайджанцам: «Через триста лет в восточной литературе от меня останется всего одна строчка» и возложившего могучую длань на поникшие плечи Фикрета: «Ничего, брат. На наш век тюркю ещё хватит». О Халиле Рзе, даже на море приходившего с пишущей машинкой...

И мучает меня всечасно совесть:
Когда, когда засядешь ты за повесть,
За реквием о жизни прожитой...
чтоб не прошёл ты по земле бесследным.

Сиявуш однажды говорил о разности между стихом и эпосом: разная грузоподъёмность. «*И бытия жестокость и огромность,\ Пожалуй, не для лиры материал*». Но ведь вытянул же он непомерную тяжесть средневекового Физули, переведя на русский язык «Лейли и Меджнун». Вытянул и собственную поэму о востоковеде с мировым именем – Мирзе Казем-Беке. Да, интересные пересечения с Пушкиным, Шейхом Шамилем, Лобаческим, Толстым, Чернышевским, Некрасовым, да – искреннее радение и привлечение к высшему образованию мусульманской молодёжи, но, наверное, и родство душ со «странным сыном Востока», «выкрестом», принявшим пресвитерианство и жившим на границе двух миров: «*Азербайджанскую чинару уча по-русски говорить*...»

Да что теперь жалеть! Молча канувшая в небытие жизнь – в этом тоже есть величие! В конце концов литература – это не самовыражение, а высокая ответственность перед каждым словом.

Так что же остаётся от человека? Каждому – по вере. Получают то, о чём просят. И это справедливо. От кого-то остаётся могила, от кого-то строчка в мировой литературе. А от Сиявуша останется одна, ни на что не претендующая благодарность:

Благодарю тебя – я был,
Благодарю тебя – я жил,
Смеялся, плакал и любил,
И время попусту губил,
Грешил, грехов не искупил,
Благодарю тебя – я жил,
Мечтая горы своротить (...)
За кратковременный успех,
За болью ранящий огрех,
За сказку, лучшую из всех,
За выси гор, за рокот рек,
За сей громокипящий век,
За то, что звался – человек.
Благодарю тебя. Я – жил».

ЭЛЬХАН ЗАЛ

П о л о н е з

Сага о любви

Рыбалка

Рыболовы прорубают лёд,
Подо льдом бобёр живет.
Проникает белый свет
Через прорубь иль нет?
Такова наша жизнь, Анна,
Подслушать стремимся сквозь ухо
Ледяное, а оно глухо.
Колокольный звон летит
Воздух раздирая,
Кружит в небе
Ворон стая,
словно хлопья, тая.
Рыболовные восторги
Снова
Нарушают тишину
Клёва.
Полюбил твою страну я,
Полонию.
От улыбки твоей
В полоне я.
Здесь всё вольное, как ты,
От роду,
И земля твоя, как ты,
Гордая.
Вы воинственный народ,
Панночка.
Мне с тобой ли воевать,
Аннушка.
Не сродни ль любовь войне,
Кохана.
Будишь покорителя во мне,
В Эльхане.

Как заманчива погода

Ты не мни ночь неприглядной,
Непроглядной не считай.
В её прорве необъятной
Брезжит россыпь звёздных стай.

Ночь забылась сном тягучим,
Хор подвыпивших парней.
Мои руки по-паучьи
Ткут перчатку для твоей.

Друг за другом окна гаснут,
Кошка грезит очагом.
Мир напоминает сказку,
Или мы из сказки в нём.

Я дитя молитв восточных,
Чуждых бога твоего.
Вирус страсти - он безбожник,
Нет управы на него.

Веет стужа по-над гаем,
И дрожмя дрожат деревья.
Ты будь Гердой, а я Каем,
Висла - Снежной Королевой.

Как заманчива погода,
Ветер ластится к стене.
Погулять с тобой охота
На безбашенной волне.

Дуэт

в ночных беседах есть зашифрованная магия,
а в ночных рубашках печальный полонез,
и каждый раз,
когда срабатывает счётчик твоей наготы,
зигзаги летучих мышей кроят платья во мгле,
шёпоты- всадники ослабляют поводья,
а лианы страстей обнимаются,
молчаливый рояль со звёздной улыбкой
на пальчиках ласк играет блюз,
в заветах любви нет места для спящих,
на нас смотрит икона с запретным взором,
наш дуэт начинает свой соло-концерт,
закончив псалмы молящихся губ.

У врат любви

Пираты обожали корабли,
В душе трепещет парус флибустьера.
Но поезд мой несётся всё быстрее,
Являя лик Полонии-земли.

Деревья-пилигримы в снежных ризах,
И шляхтич-студ отхлёстывает твердь.
Пыхтят автомобили в антифризах,
Простуженным пернатым не запеть.

Забылись сном сосульки ледяные,
Поблескивает на костёле крест.
Окутались в пергамент дни былые,
И ратный отзвук чудится окрест.

Полония открыла двери гостю,
В очах людей – достоинство и лад.
Красот не счесть, хоть сыпь их полной горстью,
И с древних замков рыцари глядят.

Я не нойон из Золотой Орды,
В душе моей иной пыл – покоренья.
Любви богиня – Красапани[1], ты
Зовёшь меня, как к цели поклоненья.

Слова любви в устах с улыбкой алой,
В снегах холодных всходят зеленя...
И на перронах старого вокзала,
Божественная встреча ждёт меня.

Вокзал волнения

Ожидание жгло, и тепло потекло...
Мороз-приставала отстал.
И поезд вонзился в гудящий вокзал.
Манто меховое в искринках седых,
Ты издали машешь озябшей рукой,
Так прост и понятен жестов язык,
Витающий над незнакомой толпой.
Мгновения медленно мелют тоску,
Я – половец вольный, я скорость люблю,
Примчался галопом я из Баку,
В румяную зимнюю вашу зарю.
И ты уже близко, а время беспечно,
Плетётся и словно перечит судьбе.
Мгновения длятся, минуты – как вечность,
О, Анна, о, панна! Спешу я к тебе.

[1]Красапани и далее Мехри Бану– богини любви в западнославянской и тюркской мифологии.

Прогулка с видением

Снотворное не действует никак,
И всякие виденья предо мною.
Теперь всеобщи земли королей,
И всё для всех, ничьё - и всё, и вся.

Леса ничьи, и воздух - задарма,
Налоги сносны, сборщики цивильны.
Парламенты подобны говорильне,
Мечту людей съедает кутерьма.

Вот парк, дерев задумавшихся круг,
Куда ни кинь, следы баталий ратных.
Реликт войны - железные осколки,
И синема возносит ратный дух.

Но не вернётся снова старина,
Не вырастут расплавленные крылья.
Любовь – ту, что Всевышним нам дана,
Теперь в Сети находят без усилья.

Она и он играют роль машин,
Как биоробот с видом троглодита,
Явись, молю, взываю, Афродита!
Пусть возродится род людской.
Аминь.

Ритуальный пляс

Все мило, легко, упоительно,
Вино горячит неспроста,
И музыка льется медлительно,
И жгут поцелуи уста.

На улице вьётся метелица,
Откуда же этот огонь?
Саванна в телике стелется,
Там царствует львиный закон.

Страсть рвётся, клокочет и мечется,
И мы как в магнитном плену.
Любовь, гегемон человечества,
Нет разницы - к слову вверну,
Будь Красапани иль Мехри Бану.

Тьма в пламени свечек вьюжится,
Вершим ритуальный пляс.
И в вечном объятии кружится
Огонь вулканический в нас.

Тонюсенький вальс

Камин горит отлично –
Античность, старина.
И свечи романтичны,
И ваша снедь вкусна.

А за окном балдеет,
Куражится зима,
И на глазах редеет,
Седеет полутьма.

Забыто быта бремя,
И музыка слышна.
Остановилось время,
Налей еще вина.

Откалывают пары –
Американский стиль.
А я со школьной парты,
Огинского любил.

Подайся ближе, Анна,
От мини жди беды...
Тонюсенькие панны,
От танцев ли худы?...

Зимняя сказка

беленькие бабочки падают на шлях,
голые деревья в снеговых мехах,

в белой круговерти поседела ночь,
наливай, я горло промочить не прочь,

что нам непогода, – вроде трын-травы,
не уймут морозы пламени в крови,

вылетает время под шафе в трубу,
ночь напоминает снежную волшбу,

в одиноком мраке город опустел,
выглядит соблазном тёплая постель,

как мираж в пустыне божья благодать,
может быть, довольно праздно ворковать,

я боюсь развеять сказочный мираж,
помолчи немного, я прошу, уважь.

Аве, Изида

Сегодня ничего не лезет в голову,
Ни Ядвига,
Ни Ягайло,
Ни Бжезинский,
Ни Огайо,
Ни даже сам султан Селим...
Предо мной плывёт стеной
Играющий орган,
Над ним хористки исполняют гимн
Божественной Изиды,
Во славу Озириса!
Пятитысячилетней давности,
И католической
От явности
Не потерявший величавости.
Монашек выглаженных голоса
Напоминают хор ангелов,
Приветствующих солнце,
Залившее зарёю небеса.
Их пение сродни метаниям Захры,
Оплакивающей Гусейна,
Шехида Кербалы.
Орган хорош, орган – вулкан,
В глазах людей от слез туман,
И даже сфинкс – бездушный монстр,
Впитавший желчный жар пустынь,
Вняв воплям плачущих богинь,
Слезу б пустил...
И эта песнь, и этот плач,
Досель волнующий сердца,
Продлится вечно, без конца.
Умрет Озирис и воскреснет,
Народу явится Христос,
И овдовеют жёны вновь.
Любимых будут распинать,
И кожу будут с них сдирать,
Чтобы потом казниться вновь,
По убиенным причитать
И слёзы дружно утирать.
Люди, Анна, ведут себя странно,
Убивают и убиваются,
Убиваясь, упиваются
И слезами заливаются.
Страсти тают, забываются.
Аве Изида,
Аве Мария,
Аве Мехри Бану!..

Серенада

Вечер долгожданный,
Вечер полупьян.
Ты ли Донна Анна,
Я ли Дон Жуан.

Ресторан танцует,
Всюду ритмов власть.
Смехом серебристым
Лакомится страсть.

Мне на стол перчатку
Бросил ветер, смел,
И пошёл в присядку –
Не у дел дуэль.

А в угаре бара
Дух корриды, раж.
Сыпь, моя гитара,
Золотая блажь.

Огненные ласки
Словно бой быков,
Завершеньем пляски,
Кружится альков.

Астральный урожай

Снег, снег, всюду снег,
Голые деревья,
Шумные автокочевья.
Монастырь, задохнувшийся гарью,
Звёздочка, влетевшая в твой смех,
Напомнила далекий век,
Когда домчались пращуры мои,
Оставив за спиной бои,
До самого далекого улуса,
До Кракова седого самого,
Тевтонов бравой конницей тесня,
Полонии красавиц полоня.
И астры-звезды упадали в губы,
Чтоб расцвели улыбкой неулыбы.
Качается светило в люльке туч,
Виденья тают в белых лапах сосен,
Я собираю урожаи звёзд
С небесных губ твоих... Как-будто осень....

На монастырском цвинтаре

Земля хранит надёжнее, чем гроб.
Истают льды... и испарятся воды.
На старом монастырском цвинтаре,
Почиют в мире мощи, черепа.

Усопшие, окутанные мраком...
А видят ли их души - кто поймёт,
Родители, смешавшиеся с прахом
Рождённым ими продолжать их род.

День нов, как снег, стары седые камни,
Молитвы въелись в мёрзлые кресты.
Наслушалась округа звонов медных,
И грай вороний слышен с высоты.

Краковяк

Хоть нагрузка для оркестра,
«Краковяк» шпарь, пан маэстро,
инструменты дружно грянут,
души сразу и воспрянут.
разгуляйся, Краковяк,
шаг за шагом, так, так, так,
шарк ногою, шарк другой,
ты да я, да мы с тобой,
закружились, полетели,
завертелись в карусели,
полетели, приземлились,
и ничуть не притомились
и в присядку, и в раскачку,
впали, что ли, все в горячку,
жарь меня, жарь меня,
чур меня, от чар меня,
ты полячка, я кипчак,
пыл воинственный в очах,
что ж, сразимся на мечах,
пусть звенят щиты, мечи,
кони скачут, горячи,
и как бы под бодуном
ноги ходят ходуном,
трубы, бубны, голоса,
белогрудая краса,
руки льются, пыл размяк,
«Краковяк»,«Краковяк».

Краковская ночь

Анна Мария, –
аморе мия,
ночь – лампиония
улиц бессонная,
ливень рекламный,
огненно пламенный,
толпы сомнамбул,
тени качаются,
видно дерябнули,
жизнь не кончается.
Витрины- смотрины,
красна подсветка,
вперёд, мужчины,
крутись, рулетка.
Рев в дискобаре,
танцы в разгаре,
гул в кабаре,
скрипка пиликает
в плотской игре,
эрос хихикает,
люди – любые,
вот – голубые,
надо же,
гей же...
Есть еще гейши –
длинные патлы,
голый зад,
хоть стой, хоть падай, –
«авангард».
сутенёр – плут,
клиент – жмот,
но этот труд,
шиком слывёт.
Кто бросит камень
в грешницу ту?
Панель руками
машет Христу.
Ах, что же ты, Краков,
дожил до седин –
из каменных злаков
глядит кокаин.
Страстей заморочка,
где путь бытия?
Пойдем, моя девочка,
Венера моя.

Прощальная мазурка

в ералаше отеля – ликёр и Шопен,
ночь при свете свечи раздевается.
на увядших губах заснувших цветов,
золотая улыбка качается,

да, прекрасна Полония, прекрасна и ты,
и маячит над нами тень расставанья,
прощальные ласки пропахли вином,
и мазурка вскипает как возглас прощанья,

этот танец не чин католических служб,
бесконечен азарт ритуальных объятий,
папа Римский уже не поляк, а другой,
и мы из паствы богохульных занятий...

ты однажды вспомнила выстрел Агджи,
что понтифика чуть не довел до могилы,
папа милость свою явил по-христиански,
но турки его не простили...

а вокруг Вавилона стрельба и бои,
и взрывают себя обреченно шехиды,
но, признаться, политика не для меня,
о конях, может, лучше речь заведи ты...

а кочевья осели в далеких стенах,
табуны затолкали в закуты, в загоны,
этот век затерялся в триумфальных крестах,
и ракеты диктуют планете законы...

любишь ли скачки, бега – ты скажи,
замирало ли сердце в азартном тумане?
есть кыпчакское нечто в улыбке твоей,
поцелуи пропахли полынью, о пани...

посещая костёл, поклонись за меня,
у заступницы нашей любви попроси,
и поставь ты свечу пред святым алтарём,
и в молитвах своих дай кумыс ей вкусить.

Я – полынный степняк, в путь-дорогу пора,
самолёты быстры, мир – большой ипподром.
ты в Баку заскачи в заезде своем,
там молитвы быстрее будут приняты небом.

И звезда наша – восьмилучистая,
и любовь наша – пречистая,
род людской под правлением богини любви,
будь она Красапани, иль Мехри Бану!!!

Страсти по Красапани

Мать Иисуса, – ты шепчешь, – богоматерь,
С иконы устремила кроткий взгляд,
Дарительница Божьей благодати,
Вселяющая в души мир и лад.

С высот небесных осени, Мадонна,
Детей земли, пустынь, долин и гор.
Будь это сын отчизны полудённой,
Иль сын Изиды, освящённый Гор.

Свечу затеплю в честь прекрасной Анны,
Прости меня и не вмени в вину,
Молю её, богиню Красапани,
Как в древности молил Мехри Бану.

Любовь и лира

Читаем стихи. Вспоминаем,
Ты шепчешь Мицкевича мне,
Он и у нас почитаем,
И я разумею вполне.
Поэзия – к сердцу дорога,
И я, стихотворец, Востока,
Читаю газель Физули,
Поэта далёкой земли.
«Прекрасная музыка в них» –
Из уст я услышал твоих.
Поэзия высшего рода
Понятна и без перевода.
Пока есть поэзия в мире,
Любовь будет править людьми.
Чему отдать первенство – лире,
Любви, или гимнам любви?..

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

СЛОВО ДРУГУ

Дорогой Эльхан! Помнишь, как, прочитав опубликованные в журнале «Улдуз» твои стихи, вернее сказать, поэму «Полонез», я позвонил тебе, сказал, что стихи меня тронули, высказал свое отношение к ним. Почему? Мне достаточно много лет, я прочел достаточно много прекрасных стихов, в памяти моей много больших поэтов и писателей. Мы прочитали произведения многих поэтов и писателей, начиная от «Дэдэ-Горгуда» и Гомера до произведений нынешних дней. Лишь прочитав их, я открыл для себя, что в мировой литературе, в мировой философии, в мировой периодике, поэзии есть множество произведений, после прочтения которых начинаешь искать ответы на вопросы в себе. Не суть важно, о чем говорит тот или иной поэт и писатель, о чем повествует то или иное произведение, эпос или сага, ты ищешь в них ответы на свои вопросы, ищешь оправдание своему образу жизни, своей жизни, ищешь свои воспоминания, и, как ни странно, обнаруживаешь вдруг, что какой- то поэт начинает пересказывать тебе твои же мысли, твои воспоминания. Дорогой Эльхан, я пережил эти ощущения, читая твои стихи, связанные с Польшей. Читая цикл твоих стихов «Полонез», я ощущал, что не Эльхана Зала читаю, а ненаписанные мною, Вагифом Самедоглу, в Польше 60-ти десятых годов стихи, свои воспоминания.

Почему именно Польша?

Да потому, что у поколения шестидесятников, к которому я принадлежу, с Польшей очень тесные связи, в нашей жизни Польша и польский народ сыграли важную роль. Возможно, вы, молодые, не знаете, но в те времена, в 60-х годах существовал социалистический лагерь, среди входящих в него стран Польша наиболее соответствовала нашему стремлению к свободе, нашему видению перемен. Польша шла впереди не только среди социалистических стран, но и в Европе. Польская литература, ее кино, театр, искусство порой опережали американское, французское. Читая твои стихи, я вернулся в те годы, увидел Польшу, живущую в моих мечтах. Конечно, эти стихи для меня не только воспоминания. Если написал бы это кто-то несведущий, я счел бы себя, польскую среду, дух оскорбленными. Но ты написал прекрасно, очень профессионально, очень живо, искренне. И у меня есть произведения о Польше, в поэме «Рояль» много чувств, связанных с Польшей. В Польше я не бывал, всегда сожалел об этом, пока не прочитал твои стихи. Может, Аллах для того и отправил тебя в Польшу вместо меня, чтобы ты написал о польском народе, о польской культуре замечательные стихи, достойные твоего пера.

В конце могу сказать: ты настоящий поэт, поэт, достойный нашей литературы, нашего языка. Ты поэт, имеющий собственный стиль, свои собственные ощущения, знающий, что сказать. Желаю тебе успехов и удачи. Как это хорошо, что ты есть в нашей литературе.

ВАГИФ САМЕДОГЛУ